

ISSN 3034-6827

Современная гуманитаристика

Научный журнал

Modern humanities

Scientific journal

Хальхи гуманитаристика

Ўслалӕх журналӕ

Т. 2. № 1
2026

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Современная гуманитаристика

2026. Том 2. № 1

Научный журнал

ISSN 3034-6827

Учредитель:

Бюджетное научное учреждение Чувашской Республики
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики

Адрес редакции и издателя:

428015, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1

Издается с 2025 г.

Выходит 4 раза в год

Языки: русский, английский, чувашский

Индексирование: РИНЦ (НЭБ)

E-mail: sovrem_human@rambler.ru

Сайт: <https://chgign.ru/p/sovryemyennaya-gumanitaristika.html>

НАУЧНЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ ЖУРНАЛА

5.6. *Исторические науки*

5.6.1. Отечественная история

5.6.3. Археология

5.6.4. Этнология, антропология и этнография

5.9. *Филология*

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

5.9.4. Фольклористика

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.10. *Искусствоведение и культурология*

5.10.3. Виды искусства (музыкальное искусство; театральное искусство;
изобразительное, декоративно-прикладное искусство и архитектура)

Осуществляется научное рецензирование всех
поступающих в редакцию материалов

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей

Перепечатка материалов из журнала допускается
только по согласованию с редакцией

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2026

Главный редактор

Исаев Юрий Николаевич — директор ЧГИГН, д-р филол. наук, доц.

Заместитель главного редактора

Кириллова Ирина Юрьевна — зам. директора по науке
и развитию ЧГИГН, канд. филол. наук, доц.

Ответственный редактор

Гаврилов Артем Дмитриевич — стар. науч. сотрудник ЧГИГН, канд. филол. наук

Редакционный совет

Аврутина Аполлиария Сергеевна — д-р филол. наук (Санкт-Петербург, Россия)
Бикбулатова Аниса Рифовна — д-р ист. наук (Бишкек, Кыргызстан)
Грибов Николай Николаевич — д-р ист. наук (Москва, Россия)
Заяц Сергей Михайлович — д-р филол. наук (Тирасполь, Приднестровье)
Зенкин Константин Владимирович — д-р иск. (Москва, Россия)
Напольнова Елена Марковна — д-р филол. наук (Москва, Россия)
Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна — д-р филол. наук (Алматы, Казахстан)

Редакционная коллегия

Абукаева Любовь Алексеевна — д-р филол. наук (Йошкар-Ола, Россия)
Бойко Иван Иванович — д-р ист. наук (Чебоксары, Россия)
Выборнов Александр Алексеевич — д-р ист. наук (Самара, Россия)
Давлетшина Лейла Хасановна — д-р филол. наук (Казань, Россия)
Иванов Алексей Ананьевич — д-р ист. наук (Йошкар-Ола, Россия)
Иванов Виталий Петрович — д-р ист. наук (Чебоксары, Россия)
Иванова Алена Михайловна — д-р филол. наук (Чебоксары, Россия)
Исхаков Радик Равильевич — д-р ист. наук (Казань, Россия)
Кондратьев Михаил Григорьевич — д-р иск. (Чебоксары, Россия)
Краюшкина Татьяна Владимировна — д-р филол. наук (Владивосток, Россия)
Нуриева Ирина Муртазовна — д-р иск. (Ижевск, Россия)
Родионов Виталий Григорьевич — д-р филол. наук (Чебоксары, Россия)
Садиков Ранус Рафикович — д-р ист. наук (Уфа, Россия)
Салмин Антон Кириллович — д-р ист. наук (Санкт-Петербург, Россия)
Сокаева Диана Вайнеровна — д-р филол. наук (Владикавказ, Россия)
Ставицкий Владимир Владимирович — д-р ист. наук (Пенза, Россия)
Султанова Рауза Рифкатовна — д-р иск. (Казань, Россия)
Сухарева Ирина Виталиевна — д-р ист. наук (Уфа, Россия)
Ягафарова Гульназ Нурфаезовна — д-р филол. наук (Уфа, Россия)

Chuvash State Institute of Humanities

Modern humanities

2026. Vol. 2. No. 1

Scientific journal

ISSN 3034-6827

Founder:

Budgetary scientific institution of the Chuvash Republic
«Chuvash State Institute of Humanities»
The Ministry of Education of the Chuvash Republic

Editorial office address:

29, building 1, Moskovsky Ave., Cheboksary, Chuvash Republic, 428015

The journal is published since 2025

Published 4 times a year

Languages: Russian, English, Chuvash

Indexed by Russian Index of Science Citation (e Library.ru)

E-mail: sovrem_human@rambler.ru

Website: <https://chgign.ru/p/sovryemyennaya-gumanitaristika.html>

SCIENTIFIC SPECIALTIES

5.6. *Historical sciences*

5.6.1. National history

5.6.3. Archaeology

5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography

5.9. *Philology*

5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.4. Folklore studies

5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia

5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics

5.10. *Art history and cultural studies*

5.10.3. Art Types (Visual, Applied and Decorative Arts and Architecture)

Scientific review of all materials submitted to the editorial board is carried out

The opinion of the editorial board does not always coincide
with the author's point of view

Reprinting of materials published in the journal is allowed only by agreement
with the editorial board

Editor-in-Chief

Isaev Yuri Nikolaevich — Director of Chuvash State Institute of Humanities,
D.Sc. (Philology), Assoc. Prof.

Deputy Editor-in-Chief

Kirillova Irina Yuryevna — Deputy Director for Science and Development
of Chuvash State Institute of Humanities, Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof.

Editor

Gavrilov Artem Dmitrievich — Senior Researcher of Chuvash
State Institute of Humanities, Cand. Sc. (Philology)

Editorial board

Avrutina Apollinaria Sergeevna — D.Sc. (Philology) (St. Petersburg, Russia)

Bikbulatova Anisa Rifovna — D.Sc. (History) (Bishkek, Kyrgyzstan)

Gribov Nikolay Nikolaevich — D.Sc. (History) (Moscow, Russia)

Zayats Sergey Mikhailovich — D.Sc. (Philology) (Tiraspol, Transnistria)

Zenkin Konstantin Vladimirovich — Doctor of Arts (Moscow, Russia)

Napolnova Elena Markovna — D.Sc. (Philology) (Moscow, Russia)

Shaimerdenova Nursulu Zhamalbekovna — D.Sc. (Philology) (Almaty, Kazakhstan)

Members of editorial board

Abukaeva Lyubov Alekseevna — D.Sc. (Philology) (Yoshkar-Ola, Russia)

Boiko Ivan Ivanovich — D.Sc. (History) (Cheboksary, Russia)

Vybornov Alexander Alekseevich — D.Sc. (History) (Samara, Russia)

Davletshina Leila Hasanovna — D.Sc. (Philology) (Kazan, Russia)

Ivanov Alexey Ananyevich — D.Sc. (History) (Yoshkar-Ola, Russia)

Ivanov Vitaly Petrovich — D.Sc. (History) (Cheboksary, Russia)

Ivanova Alena Mikhailovna — D.Sc. (Philology) (Cheboksary, Russia)

Iskhakov Radik Ravilievich — D.Sc. (History) (Kazan, Russia)

Kondratev Mikhail Grigorievich — Doctor of Arts (Cheboksary, Russia)

Krayushkina Tatiana Vladimirovna — D.Sc. (Philology) (Vladivostok, Russia)

Nurieva Irina Murtazovna — Doctor of Arts (Izhevsk, Russia)

Rodionov Vitaly Grigorievich — D.Sc. (Philology) (Cheboksary, Russia)

Sadikov Ranus Rafikovich — D.Sc. (History) (Ufa, Russia)

Salmin Anton Kirillovich — D.Sc. (History) (St. Petersburg, Russia)

Sokaeva Diana Vainerina — D.Sc. (Philology) (Vladikavkaz, Russia)

Stavitsky Vladimir Vladimirovich — D.Sc. (History) (Penza, Russia)

Sultanova Rauza Rifkatovna — Doctor of Arts (Kazan, Russia)

Sukhareva Irina Vitalievna — D.Sc. (History) (Ufa, Russia)

Yagafarova Gulnaz Nurfayezovna — D.Sc. (Philology) (Ufa, Russia)

Чăваш патшалăх гуманитари ħслăлăхĕсен институтĕ

Хальхи гуманитаристика

2026. 2 том. 1 №

Īслăлăх журналĕ

ISSN 3034-6827

Учредитель:

Чăваш Республикин Вĕрентĕ министрствин
«Чăваш патшалăх гуманитари ħслăлăхĕсен институтĕ»
Чăваш Республикин бюджет ħслăлăх учрежденийĕ

Редакципе издатель адресĕ:

428015, Чăваш Республики, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.

2025 ç. тухса тăрать

Çулталăкра 4 хут тухать

Чĕлхисем: вырăс, акăлчан, чăваш

Индекслану: РИНЦ (НЭБ)

E-mail: sovrem_human@ Rambler.ru

Сайт: <https://chgign.ru/p/sovremyennaya-gumanitaristika.html>

ЖУРНАЛĀН ĀСЛĀЛĀХ СПЕЦИАЛЬНОÇĔСЕМ

5.6. *Истори ħслăлăхĕсем*

5.6.1. Тăван çĕр-шыв историйĕ

5.6.3. Археологи

5.6.4. Этнологи, антропологи тата этнографи

5.9. *Филологи*

5.9.1. Вырăс литератури тата Раççей Федерацийĕн халăхĕсен литературисем

5.9.4. Фольклористика

5.9.5. Вырăс чĕлхи. Раççей халăхĕсен чĕлхисем

5.9.8. Теори, прикладной тата танлаштару лингвистики

5.10. *Искусствоведениепе культуuroлоги*

5.10.3. Ўнер тĕсĕсем (музыка ўнерĕ; театр ўнерĕ;
сăнарлă, декоратив-прикладной ўнер тата архитектура)

Редакцие килекен мĕн пур материала ħслăлăх тĕлĕшĕнчен рецензилеçĕ

Редакцие шухăшĕ статьясен авторĕсен шухăшĕпе килĕшмесе те пултарать

Журналта тухнă материалсене редакцие килĕшсе татăлсан кăна
урăх кăларăмра пичетлеме юрат

© Чăваш патшалăх гуманитари
ħслăлăхĕсен институтĕ, 2026

Тән редактор

Исаев Юрий Николаевич — ЧПГҖИ директорё,
филол. әсләл. д-рё, доц.

Тән редактор сүмё

Кириллова Ирина Юрьевна — ЧПГҖИ директорён әсләләхпа
аталану енёпе ёслекен сүмё, филол. әсләл. канд., доц.

Яваплә редактор

Гаврилов Артем Дмитриевич — ЧПГҖИ әсләләх аслә ёштешё,
филол. әсләл. канд.

Редакци канашё

Аврутина Аполлиария Сергеевна — филол. әсләл. д-рё (Санкт-Петербург, Раçсей)
Бикбулатова Аниса Рифовна — ист. әсләл. д-рё (Бишкек, Кәркәсстан)
Грибов Николай Николаевич — ист. әсләл. д-рё (Мускав, Раçсей)
Заяц Сергей Михайлович — филол. әсләл. д-рё (Тирасполь, Днестрсүм)
Зенкин Константин Владимирович — иск. д-рё (Мускав, Раçсей)
Напольнова Елена Марковна — филол. әсләл. д-рё (Мускав, Раçсей)
Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна — филол. әсләл. д-рё (Алматы, Казахстан)

Редакци коллегийё

Абукаева Любовь Алексеевна — филол. әсләл. д-рё (Йошкар-Ола, Раçсей)
Бойко Иван Иванович — ист. әсләл. д-рё (Шупашкар, Раçсей)
Выборнов Александр Алексеевич — ист. әсләл. д-рё (Самар, Раçсей)
Давлетшина Лейла Хасановна — филол. әсләл. д-рё (Хусан, Раçсей)
Иванов Алексей Ананьевич — ист. әсләл. д-рё (Йошкар-Ола, Раçсей)
Иванов Виталий Петрович — ист. әсләл. д-рё (Шупашкар, Раçсей)
Иванова Алена Михайловна — филол. әсләл. д-рё (Шупашкар, Раçсей)
Исхаков Радик Равильевич — ист. әсләл. д-рё (Хусан, Раçсей)
Кондратьев Михаил Григорьевич — иск. д-рё (Шупашкар, Раçсей)
Краюшкина Татьяна Владимировна — филол. әсләл. д-рё (Владивосток, Раçсей)
Нуриева Ирина Муртазовна — иск. д-рё (Ижевск, Раçсей)
Родионов Виталий Григорьевич — филол. әсләл. д-рё (Шупашкар, Раçсей)
Садиков Ранус Рафикович — ист. әсләл. д-рё (Ёпхў, Раçсей)
Салмин Антон Кириллович — ист. әсләл. д-рё (Санкт-Петербург, Раçсей)
Сокаева Диана Вайнеровна — филол. әсләл. д-рё (Владикавказ, Раçсей)
Ставицкий Владимир Владимирович — ист. әсләл. д-рё (Пенза, Раçсей)
Султанова Рауза Рифкатовна — иск. д-рё (Хусан, Раçсей)
Сухарева Ирина Виталиевна — ист. әсләл. д-рё (Ёпхў, Раçсей)
Ягафарова Гульназ Нурфаезовна — филол. әсләл. д-рё (Ёпхў, Раçсей)

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки

Гусаров Ю. В.

О ЧУВАШСКОМ ВЛИЯНИИ НА КУЛЬТУРУ И БЫТ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ
КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ (XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА) 10

Корицунова К. Н.

БОГАТСТВО И РАЗНООБРАЗИЕ СЕРБСКОГО КОСТЮМА:
ИНОСТРАННОЕ ВЛИЯНИЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ 24

Смирнова Н. Б.

ОБ ОТНОШЕНИИ ЧУВАШЕЙ К РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ 1904 — 1905 ГОДОВ 32

Филологические науки

Виноградов Ю. М.

О СТЕПЕНИ ОТРАЖЕНИЯ СТРУКТУРЫ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА
В ГАЗЕТЕ «ХЫПАР» 42

Лебедев Э. Е.

КАТЕГОРИЯ ИНФИНИТИВА В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ 50

Мышкина А. Ф.

ПОЭТИКА ДОКУМЕНТАЛИЗМА В ЧУВАШСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ
И ВОЕННОЙ ПРОЗЕ 68

Никифорова В. В.

ЧАРУЮЩАЯ СИЛА МЕТАФОРИЧЕСКОГО СЛОВА
(К 85-ЛЕТИЮ Ю. М. АРТЕМЬЕВА) 81

Виды искусства

Бушueva Л. И.

КОМПОЗИТОРСКОЕ ИСКУССТВО ЧУВАШИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА
В ЗЕРКАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО МУЗЫКОЗНАНИЯ 90

Зарубин А. Н.

ЗАРОЖДЕНИЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА В ЧУВАШСКОМ КРАЕ:
ПРЕДЫСТОРИЯ 107

Мордвинова А. И.

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ЖИВОПИСИ ЧУВАШСКИХ ХУДОЖНИКОВ
1970 — 1990-Х ГОДОВ 121

Рецензии

Дыбо А. В.

РЕЦ. НА: САВЕЛЬЕВ А. В., МЯСНИКОВ Н. С. К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ЭТНОНИМА
ЧУВАШ: ОСНОВНЫЕ ВЕРСИИ И ИХ ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ /
А. В. Савельев, Н. С. Мясников; науч. ред. Э. Е. Лебедев. Чебоксары: ЧГИГН, 2026. 60 с.
(Научные доклады / ЧГИГН; вып. 41) 138

Напольских В. В.

РЕЦ. НА: САВЕЛЬЕВ А. В., МЯСНИКОВ Н. С. К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ЭТНОНИМА
ЧУВАШ: ОСНОВНЫЕ ВЕРСИИ И ИХ ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ /
А. В. Савельев, Н. С. Мясников; науч. ред. Э. Е. Лебедев. Чебоксары: ЧГИГН, 2026. 60 с.
(Научные доклады / ЧГИГН; вып. 41) 142

Персоналии

Долгова А. П.

ПОЧТЕННЫЙ УЧЕНЫЙ, УВАЖАЕМЫЙ УЧИТЕЛЬ (к 80-летию Ю. М. Виноградова) 146

Лебедев Э. Е.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА РОДНОГО ЯЗЫКА (к 50-летию А. В. Кузнецова) 148

Михайлова О. Н.

НА ПОПРИЩАХ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ
(к 50-летию Н. Г. Ефремовой-Ильиной) 150

Семенов Е. В.

ИСТОРИК И АРХЕОГРАФ (к 55-летию А. А. Чибиса) 152

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ 154

CONTENTS

Historical Sciences

- Gusarov Yu. V.**
ABOUT THE CHUVASH INFLUENCE ON THE CULTURE
AND WAY OF LIFE OF THE RUSSIAN POPULATION
OF KAZAN PROVINCE (19TH — EARLY 20TH CENTURY) 10
- Korshunova K. N.**
RICHNESS AND DIVERSITY OF SERBIAN CLOTHING:
FOREIGN INFLUENCE AND NATIONAL IDENTITY 24
- Smirnova N. B.**
ON THE ATTITUDE OF THE CHUVASH PEOPLE TO THE RUSSIAN-JAPANESE
WAR OF 1904 — 1905 32

Philological Sciences

- Vinogradov Yu. M.**
ABOUT THE DEGREE OF REFLECTION OF THE STRUCTURE
OF THE CHUVASH LANGUAGE IN THE NEWSPAPER “KHYPAR” 42
- Lebedev E. E.**
THE INFINITIVE IN THE CHUVASH LANGUAGE 50
- Myshkina A. F.**
THE POETICS OF DOCUMENTARY IN CHUVASH HISTORICAL AND WAR PROSE . . . 68
- Nikiforova V. V.**
THE FASCINATING POWER OF THE METAPHORICAL WORD
(ON THE 85TH ANNIVERSARY OF YU. M. ARTEMYEV) 81

Arts

- Bushueva L. I.**
THE COMPOSITIONAL ART OF CHUVASHIA IN THE SECOND HALF
OF THE 20TH CENTURY IN THE MIRROR RUSSIAN MUSICOLOGY 90
- Zarubin A. N.**
THE ORIGIN OF THE ATRICAL ART IN THE CHUVASH REGION: BACKGROUND . . . 107
- Mordvinova A. I.**
STYLISTIC ASPECT IN THE PAINTING OF CHUVASH ARTISTS OF THE 1970S — 1990S 121

Reviews

- Dybo A. V.**
*THE REVIEW ON: SAVELIEV A. V., MYASNIKOV N. S. ON THE ORIGIN
OF THE ETHNONYM CHUVASH: THE MAIN VERSIONS AND THEIR
HISTORICAL INTERPRETATION / A. V. Saveliev, N. S. Myasnikov; scientific ed.
E. E. Lebedev. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2026. 60 p.
(Scientific reports / Chuvash State Institute of Humanities; issue 41) 138*
- Napolskikh V. V.**
*THE REVIEW ON: SAVELIEV A. V., MYASNIKOV N. S. ON THE ORIGIN
OF THE ETHNONYM CHUVASH: THE MAIN VERSIONS AND THEIR
HISTORICAL INTERPRETATION / A. V. Saveliev, N. S. Myasnikov; scientific ed.
E. E. Lebedev. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2026. 60 p.
(Scientific reports / Chuvash State Institute of Humanities; issue 41) 142*

Personalities

- Dolgova A. P.**
VENERABLE SCIENTIST, RESPECTED TEACHER
(on the 80th anniversary of Yu. M. Vinogradov) 146
- Lebedev E. E.**
RESEARCHER OF SPEECH ETIQUETTE OF THE NATIVE LANGUAGE
(on the 50th anniversary of A. V. Kuznetsov) 148
- Michaylova O. N.**
IN THE FIELDS OF LITERATURE AND FOLKLORE STUDIES
(on the 50th anniversary of N. G. Efremova-Ilyina) 150
- Semenov E. V.**
HISTORIAN AND ARCHAEOGRAPHER (on the 55th anniversary of A. A. Chibis) 152
- REQUIREMENTS FOR ARTICLES 154*

ТУПМАЛЛИ

Истори äслäлähесем

- Гусаров Ю. В.**
ХУСАН КЕПЕРНИНЧИ ВYРÄССЕН КУЛЬТУРИНЕ ТАТА КУЛЛЕНХИ ПУРНÄСНЕ
ЧÄВАШСЕМ КÛНЕ ВИТЕМ ÇИНЧЕН (XIX — XX ЕМЕРЕН ПУСЛАМАШЕ) 10
- Коршунова К. Н.**
СЕРБ ТУМТИРЕН ПУЯНЛÄХЕПЕ ТЕРЛЕЛЕХЕ:
ЮТ ÇЕР-ШЫВСЕН ВИТЕМЕПЕ НАЦИ ХÄЙ ÄНЛАНÄВЕ 24
- Смирнова Н. Б.**
ЧÄВАШСЕМ 1904 — 1905 ÇУЛСЕНЧИ ВYРÄС-ЯППУН ВÄРСИ ÇИНЕ
МЕНЛЕ ПÄХНИ 32

Филологи äслäлähесем

- Виноградов Ю. М.**
«ХЫПАР» ЧÄВАШ ЧЕЛХИН ТЫТÄМНЕ ЕПЛЕ ПÄХÄННИ ÇИНЧЕН 42
- Лебедев Э. Е.**
ЧÄВАШ ЧЕЛХИНЧЕ ИНФИНИТИВ КАТЕГОРИЙЕ 50
- Мышкина А. Ф.**
ВÄРСÄ ТАТА ИСТОРИЛЛЕ ЧÄВАШ ПРОЗИН ДОКУМЕНТАЛИЗМЛА
ИЛЕМЛЕХ МЕЛЕСЕМ 68
- Никифорова В. В.**
ЫТАРЛА СÄМАХ МЕХЕЛЕ (Ю. М. АРТЕМЬЕВ 85 ÇУЛА ÇИТНЕ МАЙ) 81

Ûнер тесесем

- Бушуева Л. И.**
ЧÄВАШ ЕНЕН XX ЕМЕРЕН ИККЕМЕШ ÇУРРИНЧИ КОМПОЗИТОР
ÛНЕРЕ ÇЕР-ШЫВРИ МУЗЫКА ПЕЛЛЕВЕН ТЕКЕРЕНЧЕ 90
- Зарубин А. Н.**
ЧÄВАШ ЕНРЕ ТЕАТР ÛНЕРЕ ПУСЛАНСА КАЙНИ: УМИСТОРИ 107
- Мордвинова А. И.**
ЧÄВАШ ÛНЕРСИСЕН 1970 — 1990-МЕШ ÇУЛЕСЕНЧИ ЖИВОПИÇЕН
СТИЛЬ АСПЕКЧЕ 121

Рецензисем

- Дыбо А. В.**
РЕЦ.: САВЕЛЬЕВ А. В., МЯСНИКОВ Н. С. ЧÄВАШ ЭТНОНИМ ПУЛÄВЕ ÇИНЧЕН:
ТЕП ÄНЛАНТАРУСЕМ ТАТА ВЕСЕНЕ ИСТОРИ ТЕЛЕШЕНЧЕН ХАКЛАНИ /
А. В. Савельев, Н. С. Мясников; äслäлäh ред. Э. Е. Лебедев. Шупашкар: ЧПГÄИ, 2026.
60 с. (Äслäлäh докладчe / ЧПГÄИ; 41-меш каларам) 138
- Напольских В. В.**
РЕЦ.: САВЕЛЬЕВ А. В., МЯСНИКОВ Н. С. ЧÄВАШ ЭТНОНИМ ПУЛÄВЕ ÇИНЧЕН:
ТЕП ÄНЛАНТАРУСЕМ ТАТА ВЕСЕНЕ ИСТОРИ ТЕЛЕШЕНЧЕН ХАКЛАНИ /
А. В. Савельев, Н. С. Мясников; äслäлäh ред. Э. Е. Лебедев. Шупашкар: ЧПГÄИ, 2026.
60 с. (Äслäлäh докладчe / ЧПГÄИ; 41-меш каларам) 142

Персоналисем

- Долгова А. П.**
СУМЛА ÄСЧАХ, ХИСЕПЛЕ ВЕРЕНТУÇЕ (Ю. М. Виноградов 80 çул тултарнÄ май) . . . 146
- Лебедев Э. Е.**
ТАВАН ЧЕЛХЕН ПУПЛЕВ НИСЕПЕН ТЕПЧЕВСИ (А. В. Кузнецов 50 çул тултарнÄ май) 148
- Михайлова О. Н.**
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИПЕ ФОЛЬКЛОРИСТИКА КАÇАЛÄКЕСЕНЧЕ
(Н. Г. Ефремова-Ильина 50 çул тултарнÄ май) 150
- Семенов Е. В.**
ИСТОРИК ТАТА АРХЕОГРАФ (А. А. Чибиc 55 çул тултарнÄ май) 152
- СТАТЬЯСЕНЕ МЕНЛЕ ÇЫРМАЛЛА 154

**ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES /
ИСТОРИ АСЛАЛАХЪСЕМ**

УДК 39(470.4)"18/19"(=161.1)
ББК 63.3(2Рос.Чув)5-7

Научная статья

**О ЧУВАШКОМ ВЛИЯНИИ НА КУЛЬТУРУ И БЫТ
РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ
(XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)**

Ю. В. Гусаров

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
gsr63@yandex.ru

Аннотация. После присоединения Среднего Поволжья к Русскому государству между русским и чувашским народами установились тесные отношения. Многовековое соседство двух этносов сопровождалось взаимовлиянием культур и языков. В статье рассматривается чувашское влияние на культуру и быт русского населения Казанской губернии в XIX — начале XX в., ранее затрагивавшееся в историографии лишь вскользь. В работе использованы архивные источники и историко-этнографическая литература. Применены общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения, а также нарративный метод, с помощью которого описаны чувашские заимствования в культуре и быте русского населения. Основными каналами чувашского влияния служили хозяйственные контакты и бытовое общение. В большей степени оно проявилось в Чебоксарском, Цивильском, Ядринском и Козьмодемьянском уездах Казанской губернии. В этих уездах чувашское население преобладало численно, что усиливало его воздействие на соседние народы. В XIX — начале XX в. следы чувашского влияния фиксировались в быту, традиционном хозяйстве, общественных отношениях, разных видах материальной и духовной культуры русских крестьян и горожан. Использование опыта жизнедеятельности и хозяйствования чувашского народа обогатило культуру и быт русского населения, способствовало его развитию.

Ключевые слова: этнография, чуваша, русские, быт и культура, Казанская губерния

Для цитирования: Гусаров Ю. В. О чувашском влиянии на культуру и быт русского населения Казанской губернии (XIX — начало XX века) // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 1. С. 10 — 23

© Гусаров Ю. В., 2026

Scientific article

**ABOUT THE CHUVASH INFLUENCE ON THE CULTURE
AND WAY OF LIFE OF THE RUSSIAN POPULATION
OF KAZAN PROVINCE (19TH — EARLY 20TH CENTURY)**

Yu. V. Gusarov

Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
gsr63@yandex.ru

Abstract. Following the incorporation of the Middle Volga region into the Russian state, close relations were established between the Russian and Chuvash peoples. The centuries of coexistence of these two ethnic groups was accompanied by mutual cultural and linguistic

influence. This article examines the Chuvash influences on the culture and everyday life of the Russian population of the Kazan Governorate in the 19th and early 20th century, an influence that has previously only been briefly touched upon in historiography. The study utilizes archival sources and historical and ethnographic literature. General scholarly methods, including analysis, synthesis, and generalization, are employed, as well as a narrative method for describing Chuvash borrowings in the culture and everyday life of the Russian population. The main channels of Chuvash influence were economic contacts and everyday communication. This influence was most evident in the Cheboksary, Tsivilsky, Yadrinsky, and Kozmodemyansky districts of the Kazan Governorate. In these districts, the Chuvash population was numerically dominant, which increased its influence on neighboring peoples. In the 19th and early 20th century, traces of Chuvash influence were recorded in the everyday life, traditional economy, social relations, and various forms of material and spiritual culture of Russian peasants and townspeople. The adoption of Chuvash everyday and economic practices enriched the culture and daily life of the Russian population, contributing to its development.

Keywords: ethnography, Chuvash, Russians, life and culture, Kazan province

For citation: Gusarov Yu. V. About the Chuvash influence on the culture and way of life of the Russian population of Kazan province (19th — early 20th century) // Modern humanities. 2026;2(1):10 — 23

Аслалӑх статии

ХУСАН КӐПӐРНИНЧИ ВЫРӐССЕН КУЛЬТУРИНЕ ТАТА КУЛЛЕНХИ ПУРНАӐСНЕ ЧӐВАШСЕМ КӐНӐ ВИТӐМ СИНЧЕН (XIX — XX ӐМӐРӐН ПУСЛАМАӐШӐ)

Ю. В. Гусаров

ЧӐваш патшалӑх гуманитари аслалӑхӓсен институтӓ,
Шупашкар хули, Раҫсей
gsr63@yandex.ru

Аннотаци. Вӑтам Атал тӑрӑхӓ Вырӑс патшалӑхне кӓрсен вырӑспа чӑваш халӑхӓсен хушшинче тачӑ хутшӑнусем йӓркеленӓ. Темисе ӓмӓр кӑршӓллӓ пурӑнна май икӓ этнос пӓр-пӓринин культурипе чӓлхине витӓм кӑрсе тӑнӑ. Статъяра чӑвашсем Хусан кӓпӓрнинчи вырӑссен культурипе кулленхи пурнаӑсне XIX — XX ӓмӓрӓн пусламӑшӓнче кӑнӓ витӓме тӓпченӓ. Историографире ку темӑна хальлӓхе сула май ҫеҫ асӑнса хӑварнӑ. Статъяра архив материалӓсемпе, истори тата этнографи литературипе усӑ курнӑ. Тӓпчеве аслалӑх тишкерӓвӓн пӓтӓмӓшле меслечӓсемпе (анализ, синтез, пӓтӓмлетӑ) йӓркелесе пынӑ, вырӑссен культурипе кулленхи пурнаӑсӓнчи чӑвашсенчен йышӑннӑ пуламсем пирки каласа кӑтаргнӑ чухне — нарратив мелӓпе. Чӑвашсен витӓмӓ, тӓпрен илсен, хуҫалӑх ҫыхӑнӑвӓсемпе кулленхи хутшӑнура, ытларах Хусан кӓпӓрнинчи Шупашкар, Ҫӓрпӑ, Етӓрне, Чикме уесӓсенче палӑрнӑ. Ку уессенче чӑвашсен витӓмӓ вӑйлӑ пулни вӓсен шучӓ кӑршӓ халӑхсемпе танлаштарсан пыҫӑкрах пулнинчен килнӓ. XIX ӓмӓрте тата XX ӓмӓрӓн пусламӑшӓнче чӑвашсен витӓмӓн йӓрӓсене вырӑс хресченӓсен тата хулари вырӑссен кулленхи пурнаӑсӓнче, авалтан килекен хуҫалӑхӓнче, обществӑри хутшӑнӑвӓсенче, пурлӑх культурипе ӑс-тӑн культурин тӓрлӓ пайӓсенче пулнине палӑртса хӑварнӑ. Чӑвашсен пурнаӑсӓпе ӓҫӓ-хӓлӓн, хуҫалӑхри опычӓпе усӑ курни вырӑс халӑхӓн культурипе кулленхи пурнаӑсӓне пуянлатса аталанма пулӑшнӑ.

Тӓп сӑмахсем: этнографи, чӑвашсем, вырӑссем, культурапа кулленхи пурнаӑс, Хусан кӓпӓрни

Цитатӑлама: Гусаров Ю. В. Хусан кӓпӓрнинчи вырӑссен культурине тата кулленхи пурнаӑсӓне чӑвашсем кӑнӓ витӓм синчен (XIX — XX ӓмӓрӓн пусламӑшӓ) // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 1 №. С. 10 — 23

Введение

Русские живут в Среднем Поволжье много веков в соседстве с местными народами: татарами, чувашами, марийцами, мордвой, удмуртами. Особенно тесные отношения между народами установились после присоединения Среднего Поволжья к Русскому государству. Многовековые экономические, социальные и культурные связи между чувашским и русским народами сопровождались культурно-бытовым и языковым взаимовлиянием. Великие реформы середины XIX в. открыли простор развитию товарно-денежных отношений, что привело к расширению и углублению межэтнических контактов.

Традиционно в региональной историографии основное внимание уделяется прогрессивным русским заимствованиям в культуре и языке чувашского народа, чувашские затрагиваются вскользь [1; 6; 7]. Исключением являются труды казанских этнографов Е. П. Бусыгина и Н. В. Зорина, в которых уделено внимание культурному влиянию народов Среднего Поволжья на русских [3; 4]. По заключению Е. П. Бусыгина, русское население региона имеет ряд своеобразных культурно-бытовых особенностей, отличающих его от соплеменников других регионов, что делает закономерным выделение Среднего Поволжья в особую историко-этнографическую область [3, с. 74 — 75]. Настоящая статья посвящена чувашскому влиянию на культуру и быт русского сельского и городского населения Казанской губернии XIX — начала XX в.

Материалы и методы

Источниковой базой при написании статьи послужили архивные документы, а также историко-этнографические труды XIX — начала XX в., описывающие культуру и быт чувашского и русского населения Казанской губернии. Исследование выполнено с помощью общенаучных методов анализа, синтеза и обобщения. Применение нарративного метода позволило описать чувашские заимствования, обогатившие культуру и быт русских крестьян и горожан Казанской губернии.

Результаты исследования и их обсуждение

Русский этнос численно многократно превышал чувашский, являлся государствообразующим. Его язык имел статус государственного, а Русская православная церковь была господствующей, поэтому русское воздействие на чувашский народ было многообразным. Основными каналами чувашского влияния служили экономические отношения и бытовое общение с русскими крестьянами и горожанами, что характеризует его как народное. Русские вступали в экономические связи с чувашскими крестьянами: закупали хлеб, арендовали водяные мельницы и др. Многие из них становились досами (*мус* — «друг»), с которыми чувашаи поддерживали приятельские отношения. По словам современника, в начале XIX в. почти все жители Чебоксар знали чувашский и марийский языки, «изучив оные из вседневного обращения с сими народами»¹.

Важное значение в культурном сближении принадлежало демографическому фактору: «В тех случаях, когда русские оказывались в меньшинстве среди окружающего нерусского населения, — писал этнограф Е. П. Бусыгин, — влияние последних было сильнее» [2, с. 83]. В конце XIX в. 59,5 % всех чувашей проживало в Казанской губернии. При этом в двух уездах (Тетюшский, Чистопольский) они

---

¹ Чебоксары в записках современников и путешественников (вторая половина XVI — начало XX в.) / сост. С. В. Охотникова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2019. С. 264.

составляли более 16 % населения (русские — 31,56 % и 48,38 % соответственно), а в четырех уездах преобладали численно (табл. 1²).

Таблица 1

**Соотношение между чувашским и русским населением
в отдельных уездах Казанской губернии (%)**

Национальность	Ядринский уезд	Цивильский уезд	Чебоксарский уезд	Козьмодемьянский уезд
Чуваши	89,96	79,1	65,6	47,6
Русские	8,95	9,99	18,43	16,36

Чуваши были массово крещены в середине XVIII в., но в подавляющем большинстве являлись православными только по названию: редко посещали церковь, плохо знали молитвы, не соблюдали религиозные посты. По словам священника с. Савруши Чистопольского уезда В. Пеньковского, русские прихожане ставили в укор чувашам-соседям общение с соплеменниками-язычниками и татарами, как «нехристями»³. Чувашский быт сильно отличался от русского. Многие чувашки не владели русским языком, а русские — чувашским. Первые уступали вторым в уровне образования. Все это сказывалось на взаимоотношениях народов. «Между русскими и чувашами нет еще взаимной любви и единодушия, — писал в 1899 г. священник с. Кошелеи Цивильского уезда В. С. Зайков. — Русские и сейчас своим происхождением гордятся, почему и относятся к чувашам отчасти с пренебрежением [...] Но чувашки [...] к русским — с почтением и уважением»⁴. «Русские смотрят [на] чувашку горделиво [...], — вторил ему священник с. Норусово Ядринского уезда Е. Каменский. — Со словом “чуваш” у них соединяется понятие грубости и, в особенности, невежества»⁵.

Этнограф Г. И. Комиссаров отмечал отсутствие национального антагонизма между чувашским и русским народами [12, с. 411]. Его советский коллега Н. Р. Романов справедливо указывал, что их историческое развитие шло по пути сближения⁶. За столетия совместного проживания между русскими и чувашками сформировались дружеские отношения, без которых невозможен взаимовыгодный культурный обмен.

Поволжье — это этнический перекресток, «плавильный котел» культур и цивилизаций. Этнограф А. Ф. Риттих отмечал, что русское население Казанской губернии сформировалось из выходцев из разных регионов России, в основном Верхневолжья, вобрав в себя обрусевших крещеных татар, чувашей, марийцев, удмуртов, мордву, что привело к разнообразию внешнего облика [18, с. 103 — 104]. Скажем, краевед П. С. Попов указывал, что жители Чебоксар чертами лица мало отличаются от чувашей: «От здешнего мещанина, цехового, какого-либо промышленника так и несет чувашнизмом», объясняя это наличием у них чувашской родни⁷. Чувашский этнограф С. М. Михайлов отмечал, что многие чебоксарцы

² Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния. Санкт-Петербург, 1904. С. 100, 103.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 195. Л. 19.

⁴ Там же. Ед. хр. 638. Л. 81 об.

⁵ Там же. Ед. хр. 196. Л. 170 об.

⁶ Там же. Ед. хр. 413. Л. 95.

⁷ Попов П. С. Этнографическое описание г. Чебоксар с его уездом (1853 года) // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2003. № 1. С. 42 — 44.

имеют чувашские корни [15, с. 197]. Желая проверить его слова, Н. Р. Романов по материалам четвертой ревизии 1787 г. выявил 39 семей дворовых людей, мещан и ремесленников г. Чебоксар, породнившихся с чувашами⁸.

В свою очередь, имело место очувашивание, но более скромное по масштабам. После покорения Казанского ханства в состав чувашского народа в незначительном количестве влились русские полоняники и крестьяне, очувашившиеся в XV — XVI вв. [10, с. 36]. В 1593 г. митрополит Казанский и Астраханский Гермоген (Ермолай) писал, что многие «русские полоняники и неполоняники живут у татар, и у черемисы, и у чувашы, и пьют с ними, и едят с одного, и женятся у них» [2, с. 438]. По рассказам алатырских старожилов, немало крепостных крестьян сбегало от притеснений помещиков «в чувашы». Последние, сочувствуя их тяжелой жизни, передевали беглецов в чувашскую одежду и первое время скрывали на лесных пасаках, а затем принимали к себе на жительство. По этому поводу бытовала поговорка: «Из чуваш, что с Дону, выдачи нет». Иногда беглецы брали имя умерших крестьян-чувашей, а холостые женились на чувашках. Их потомки «окончательно сливались с чувашским населением»⁹.

Чувашско-русские браки были характерны для городов, торговых сел и селений, расположенных на транспортных путях, а также имеющих смешанный состав населения. С развитием товарно-денежных отношений смешанные семьи стали появляться в чувашских деревнях. В 1900 г. гражданский священник П. И. Аристовский писал, что даже «в чисто инородческой» деревне нередко можно встретить «несколько семей, говорящих по-русски»¹⁰. Но и тогда массовыми они не были. Скажем, в приходе с. Тобурданово Цивильского уезда в 1870 — 1900 гг. образовались только две чувашско-русские семьи¹¹.

По словам современника, женитьбу на чувашках русские мужики почитали «за стыд и укоризну», а тех, кто решался на это, подвергали насмешкам¹². В свою очередь чувашы, писал священник с. Шемердяны Ядринского уезда К. Владимирский, при торговле с русскими сталкивавшиеся с обманом (обвешивание, обмеривание, обсчитывание, сбыт фальшивых денег), принимали их за мошенников и боялись родниться¹³.

Смешанные семьи создавали чувашы, прожившие среди русских. Чаще это были сельские учителя, купцы, представители духовенства. Нередко жены они брали из мещанской среды или духовенства¹⁴. Как правило, дети в таких семьях воспитывались по-русски. Чувашское начало побеждало реже. Священник с. Кутум Чистопольского уезда К. Петазов (1868), говоря о смешанных семьях в приходе, писал, что русские жены сделались «совершенными апайками (прозвище чувашских женщин. — Ю. Г.), переменили костюмы и обычаи», а русские мужья превратились в «истовых» чувашей, «даже разучились чисто говорить по-русски. И те и другие, — продолжал он, — и сами живут, и детей воспитывают в чувашском суеверии и предрассудках, пре-

⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 413. Приложение. Л. 54 — 58; Местная хроника // Волжский вестник. 1888. 12 декабря. С. 2.

⁹ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 22. Л. 6 об. — 8.

¹⁰ Там же. Отд. I. Ед. хр. 196. Л. 12.

¹¹ Там же. 14.

¹² Там же. Ед. хр. 195. Л. 38 об.

¹³ Там же. Л. 75 об., 76.

¹⁴ Там же. Л. 76.

восходя в отношении этом природных чуваш»¹⁵. В. К. Магницкий упомянул о русской жене учителя-чуваша из Чебоксарского уезда, которая знала чувашские заговоры и слыла за ворожею¹⁶.

Существовали и другие каналы очувашивания. В чувашской общине дети-сироты усыновлялись. В отдельных случаях крестьяне брали на воспитание русских детей, обращая их в чувашей [21, с. 48]. К этому прибегали чаще при отсутствии наследника или частой смерти детей. Следует брать в расчет подкидышей и незаконнорожденных, количество которых, впрочем, не могло быть большим.

Отдельные элементы чувашского быта проникали в городскую среду. В середине XIX в. жителям ряда городов полюбилась чувашская народная музыка. По свидетельству П. С. Попова, чебоксарские девушки-мещанки пели, плясали и водили хороводы под игру на скрипке, чувашских гусях и гармонике¹⁷. В Козьмодемьянске свадьбы и другие семейные праздники не обходились без игры на чувашских гусях [15, с. 162]. «На девичьих вечеринках теперь не увидишь уже балалаечников или другой какой-либо тому подобной музыки, а только звучат гусли», — писал С. М. Михайлов. Лучшими музыкантами считались грамотные парни, исполнявшие русские плясовые и хоровые песни, даже вальсы и экосезы (старинные шотландские народные танцы) [15, с. 65].

В Чебоксарах чувашских музыкантов привлекали к обслуживанию общественных культурно-досуговых мероприятий: «После спектакля были устроены танцы под своеобразную музыку чуваш», — сообщалось в газетной корреспонденции начала XX в. [9, с. 279]. В те же годы в Цивильске образовался инструментальный оркестр (скрипка, альт, виолончель, гусли, контрабас, барабан), который современник называет чувашским. Он выступал на танцах после любительских спектаклей и концертов, а также на праздниках в общественном парке, исполняя в том числе чувашские мелодии [9, с. 283].

По свидетельству В. К. Магницкого, на рубеже 1870 — 1880-х гг. на улицах Казани стали встречаться чувашские парни и мальчики лет пятнадцати с гусями и скрипкой [14, с. 236]. Позднее он писал о группах из 2 — 3 чувашей «с смуглыми лицами, не в изящном костюме, с самодельными музыкальными инструментами под мышкой». Это были чувашаи Чебоксарского уезда, подрабатывавшие игрой на музыкальных инструментах. «Сколько нам известно, — продолжал этнограф, — чувашские гусельщики и скрипачи полюбились в Казани, особенно в Суконной слободе, где их во время рубки капусты осенью приглашают наперебой на “вечерки” играть русские игровые и плясовые песни»¹⁸.

Казанцы по достоинству оценили также точность чувашских примет о погоде, благодаря которым, по словам современника, чувашаи «сделались почти оракулами в Казани»¹⁹.

В XIX в. в некоторых городах Чувашского края процветал промысел по содержанию въезжих квартир, ориентированный на чувашских крестьян.

¹⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 195. Л. 99 об.

¹⁶ [Магницкий В. К.] Из Чебоксарского уезда Казанской губернии, 20-го февраля [1873 г.] // Голос. 1873. 5 марта. С. 2.

¹⁷ Попов П. С. Этнографическое описание г. Чебоксар с его уездом (1853 года). С. 63, 64.

¹⁸ [Магницкий В. К.] По Чебоксарскому уезду. (Из дорожных набросков) // Волжский вестник. 1887. 5 июня. С. 2 — 3.

¹⁹ Цит. по: Смоленский А. В. Чувашские приметы о погоде и влияние ее на хозяйство. Чебоксары: [б. и.], 1992. С. 4.

Современники иронично называли Чебоксары чувашской столицей из-за «городского наезда» в него «чуваш в базарные дни из окрестных деревень»²⁰. В большом количестве чуваша приезжали в город также во время весенних работ, в период навигации для перевозки пристанских грузов и осенью при приеме новобранцев на военную службу²¹. Предприимчивые горожане зарабатывали на спросе на въездные квартиры. В 1853 г. П. С. Попов писал, что чебоксарцы-домовладельцы в поисках клиентов выезжали в чувашские деревни, где встречались с коштанами, угощали их вином и предлагали свой дом под постой для всех жителей деревни на целый год. После заключения сделки чуваша, по словам краеведа, «...временно и безвременно, в базар и без базара, валком валят и в снегу, и в грязи» в договорный дом на ночлег. Желая угодить постояльцам, домочадцы встречали гостей «чисто по-чувашски: их милым языком, одеждою чувашскою и всею манерностью в этом тоне»²², даже разрешали курить в доме махорку [15, с. 196], что было пожароопасно. Неудивительно, что в Чебоксарах, по словам краеведа, «и женский пол, и ребята стараются изучить язык, нрав и обычай чуваш»²³.

Постояльцы хозяину дома денег не платили, однако он не оставался внакладе: после сбора урожая отправлялся в свою «вотчину», где по дворам собирал «всякую всячину: рожь, ячмень, горох, овес, хмель, лук, картофель, семя, крупу и прочее». Нуждаясь в топливе на зиму, из собранного хлеба варил пиво и устраивал «холку» — помочь. Откликаясь на его призыв, чуваша на своих телегах привозили дрова и по приезду в город сами их пилили и кололи²⁴.

Рассказ краеведа дополняет свидетельство В. К. Магницкого: «Чуваша, приезжая в свою столицу — Чебоксары, останавливаются всякий своей деревней в известной улице и доме, где их поят и кормят даром и за постой не берут; но наступит осень, и чебоксарцы получают с чуваша за все годичное их продовольствие, чем исключительно многие в Чебоксарах и пропитываются»²⁵.

Тремя десятилетиями ранее учитель П. И. Климентов писал, что почти каждый домохозяин г. Цивильска имеет по «две или три чувашские деревни», с которых собирает «всякого рода жито и хмель за то, что чуваша помянутых селений по случаю приезда в Цивильск или проезда через оный в другие города постоянно квартируют в их домах»²⁶.

Данный промысел существовал долго. В статье о Цивильске в энциклопедии Брокгауза-Эфрона читаем: «Жители... многие промышляют приемом на постой, особенно приезжающих на городские базары чувашей, причем плата взимается не деньгами, а хлебом — осенью или в начале зимы»²⁷. В 1916 г. отмечалось, что большинство жителей Цивильска кормится тем, что пускает на квартиру приезжающих в город чувашей²⁸. В 1930-е гг. крестьянин д. Орнары Цивильского уезда

²⁰ [Магницкий В. К.] Из Чебоксарского уезда («Чувашская столица», русские и чуваша, из области чувашской мифологии) // Волжский вестник. 1887. 1 августа. С. 2.

²¹ Чебоксары в записках современников и путешественников (вторая половина XVI — начало XX в.). С. 50.

²² Попов П. С. Этнографическое описание г. Чебоксар с его уездом (1853 года). С. 44.

²³ Там же. С. 43.

²⁴ Там же. С. 43, 44.

²⁵ [Магницкий В. К.] Из Чебоксар Казанской губернии // Русские ведомости. 1869. 16 декабря. С. 1.

²⁶ ГИА ЧР. Ф. 211. Оп. 3. Д. 39. Л. 349 — 349 об.

²⁷ [Неволин П. И.] Цивильск // Энциклопедический словарь Брокгауза-Эфрона. Т. 38. Санкт-Петербург, 1903. С. 153.

²⁸ ГИА ЧР. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1888. Л. 303.

А. П. Шишкин вспоминал, что почти каждый цивильский домохозяин содержал «хваттер» — въезжую квартиру для чувашских крестьян, куда они приезжали «как к себе домой». Осенью домовладельцы собирали с постояльцев по одной мере хлеба, а летом перед Цивильской Тихвинской ярмаркой — солод и хмель «на квас»²⁹. Можно думать, что в Цивильске с постояльцами-чувашиами обращались тем же манером, что и в Чебоксарах.

Порядок отложенного расчета за квартирование был заимствован, видимо, из практики постоянных дворов. В. А. Сбоев писал, что чувашаи могли привередничать, даже не заплатить за обед или ужин. Зато осенью содержатели постоянных дворов — русские крестьяне и мещане — объезжали чувашские деревни, и со всех клиентов, а также крестьян, занимавшихся извозом, собирали «контрибуцию натурою, напр[имер] рожью, овсом и т. п.», взыскивая с должников втридо-рога [19, с. 18].

Национальный костюм — важный компонент этнической идентичности. В XIX в. среди русских крестьян и горожан с небольшим достатком бытовало ношение чувашской одежды. О том, какая одежда и как попадала к ним, рассказала А. А. Фукс, побывавшая на чувашских поминках на Семик. По ее словам, вслед за чувашиами, собравшимися на кладбище, поблизости от него укрылись русские мужики и бабы, специально приехавшие за 10 — 15 верст. Когда чувашаи ушли с кладбища, они собрали оставленные для покойников на могилах холсты, полотенца, рубахи, кафтаны, женские наряды и недоеденную снедь. Богатые брали хлеб и объедки для домашней птицы, рубашки и холст — на ветошь, а бедные, писала А. А. Фукс, «едят и носят сами». Приехавшие рассказали, что этот обычай «ведется исстари». Среди русских употреблять в пищу и надевать чувашские пожертвования покойникам осуждалось и даже считалось бранью сказать: «Ты, видно, и ел с мазарок³⁰», или «На тебе, видно, и рубашка с чувашских мазарок» [20, с. 17, 81].

Во второй половине XIX в. в ношении чувашской одежды отметились горожане. Чебоксарский купец из чувашей П. Е. Ефремов в большом количестве закупал поношенную чувашскую одежду на тряпье, отправляя ее на баржах по Волге³¹. Много ее собиралось на мазарках. Заготовленное сырье хранилось в амбарах в черте города. Это нарушало санитарные нормы, поэтому в 1879 г. чебоксарский исправник указал городскому голове на необходимость введения запрета на складирование тряпья наряду с сырыми кожами³².

До погрузки на баржу обноски, что покрепче, покупали мещане. Мужчины надевали ее при выполнении грязных работ, преимущественно погрузочно-разгрузочных на пристани, женщины — при походах в лес за грибами и орехами, нищие — при хождении за милостыней (одетым в рубище подавали лучше). Комментируя это, В. К. Магницкий писал, что разбогатевший чуваш спешит по костюму превратиться в русского, а обедневший русский облачается в чувашскую

²⁹ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 10. Л. 15 об.

³⁰ Мазарки (от чув. *масар* — «кладбище») — места рядом с чувашскими кладбищами, где родственники бросали щепы от гроба, оставляли одежду покойного, его перину и поминальную пищу [14, с. 257; 20, с. 161]. «По мнению чуваш, — писал А. И. Артемьев, — покойники любили посещать места, где лежали вещи, драгоценные для них по соединенным с ними воспоминаниям; места эти признавались священными». — Артемьев А. И. Древний болгарский город Жукотин // ЖМВД. 1851. № 1. С. 67.

³¹ Магницкий В. К. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2024. С. 42.

³² ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 284. Л. 26 об.

рубашку³³. Русские, жившие среди чувашей, нередко подражали им в одежде. Скажем, кузнецы, подолгу работавшие в чувашских селениях, носили чувашскую верхнюю одежду: *сӑхман*, *аҫам*, *кӗрӗк*³⁴.

Чувашские заимствования проявились также в традиционном хозяйстве русского населения, разных видах его материальной и духовной культуры.

Чуваши имели репутацию искусных земледельцев. Неудивительно, что русские заимствовали элементы их агрокультуры: кладку снятого хлеба в кабаны, раздельный способ уборки хлеба [11, с. 74], укладку снопов на полях «зигзагами» [3, с. 71]. Считается, что от татар русские восприняли укладку скирд на деревянные помосты, отказавшись от установки их на земле на подстилке из коры или соломы, при которой хлеб подвергался порче от сырости и потраве от грызунов [2, с. 56, 57; 3, с. 71]. Заметим на это, что источник начала XIX в. хранение хлеба «на подмостках» отмечает как присущее чувашам и марийцам Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов. Сообщалось, что так же делали крестьяне д. Русское Исенево Чебоксарского уезда [5, с. 191, 195], находившейся в чувашском окружении.

В число сельхозкультур, возделывавшихся русскими, входила полба, характерная для нерусских народов, в том числе чувашей, для которых имела ритуальное значение [3, с. 70].

Этнографы усматривают влияние марийцев, удмуртов и чувашей в применении русскими косули (однозубая соха) [3, с. 71; 4, с. 53]. Во второй половине XIX в. в русских деревнях овины стали заменяться шишами — конусообразными постройками для сушки хлеба, распространенными у чувашей, татар и других народов. Исследователи объясняют это снижением доходности крестьянского хозяйства: шиши, как и овины, горели часто, но их строительство обходилось дешевле и было менее трудоемким [4, с. 58]. Однако зерно в шишах сушилось хуже, и смолотая из него мука не хранилась долго [5, с. 192].

Чувашское влияние наблюдается на примере жилых и хозяйственных построек. Типичные постройки старинного чувашского двора — двухэтажные амбары и клетки с навесом — получили распространение у русского населения северных районов Среднего Поволжья [3, с. 72]. Во второй половине XIX в. у русских крестьян крытые дворы постепенно вытеснили широкие открытые как у чувашей, более подходящие к местным условиям [3, с. 72; 4, с. 125; 18, с. 147]. По наблюдениям советских этнографов, в русских селениях приволжских районов Чувашии имела место полихромная раскраска (3 — 5 цветов) наружной части домов, что указывает на тесное общение русских с татарами и чувашами, которые унаследовали ее от волжских булгар [4, с. 137].

В. К. Магницкий писал, что крестьяне д. Русское Исенево Чебоксарского уезда «даже избы свои устроили на чувашский лад — с нарами вдоль передней стены вместо лавок» [14, с. 220 — 221]. В этой деревне, принадлежавшей помещику Н. А. Апехтину, влияние чувашского окружения было особенно заметным. А. А. Фукс, гостя у брата, удивлялась, как очувашилась его деревня: все встречные мужики «не только по их костюму, но по манерам, по походке и по физиономии лиц», напоминали чувашей (даже бороды носили «как у чуваш»), «и каждый мужик и женщина так хорошо говорит по-чувашски, как на своем природном языке» [20, с. 11].

³³ Магницкий В. К. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. С. 42.

³⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 413. Л. 67.

Взаимодействие с народами Поволжья оказало влияние на одежду и обувь их русских соседей. С середины XIX в. среди русских широко распространились чувашские и татарские лапти как более практичные: их можно было надевать на любую ногу и при износе одного не выбрасывать другой, более прочный [3, с. 74; 4, с. 162]. В приволжских селах было зафиксировано ношение русскими черных онучей, характерных для верховых чувашей [3, с. 74]. Даже в середине XX в. у русских, живущих в Чувашии, в покрое портов наблюдались черты сходства с местными народами; старинная русская рубаха также по покрою и способу ношения имела много общего с рубахами татар, чувашей и марийцев, отличаясь лишь деталями [4, с. 148, 149].

Имелись своеобразные особенности в питании русских, связанные с чувашским влиянием. В советское время у русского населения Чувашии отмечено использование в качестве пищевого растения гриба-трутовика, широко применявшегося чувашами [3, с. 74]. В. К. Магницкий писал, что чувашаи в качестве суррогата молока употребляли пахту, которую русские называли «орень» (чув. *уйран*). Русское духовенство, по его словам, «аппетитно кушает его нередко и само» [13, с. 192]. Среди блюд чувашской кухни, заимствованных русскими, Н. В. Никольский называл суп *яшка*, сыр *чакът*, колбасу *шйрттан* [16, с. 217].

По давней традиции русские, живущие в Чувашии, собирали дикорастущие травы снить (чув. *серде*) и болдран (чув. *пултйран*) — борщевик для приготовления щей. В некоторых русских селениях готовили *салму* — национальное блюдо чувашей, татар и других местных народов [4, с. 108 — 110]. По свидетельству В. К. Магницкого, *салму с болдраном* (суп с клецками и борщевиком), забеленную молоком, употребляло русское сельское духовенство³⁵. Он вспоминал, что в семье отца, священника с. Шуматова Ядринского уезда, это было лакомое блюдо³⁶.

Он же указывал, что русские, живущие среди чувашей, заимствовали у них способ сбивания коровьего масла в оренницах (чув. *уйран сўпси*) — длинных узких, выдолбленных из цельного липового дерева кадушках, снабженных деревянным поршнем, тогда как жители великорусских уездов использовали для этого глиняные горшки и мутовку [13, с. 192] — палочку с сучками на конце. «Оренивки» широко бытовали среди русских в Чувашии даже в середине XX в. [4, с. 114].

В сознании русских крестьян христианская вера уживалась с суевериями и пережитками язычества. В 1903 г. священник с. Большая Шатъма Ядринского уезда Н. А. Архангельский писал, что среди его прихожан есть переселенцы из Владимирской губернии, которые по мировоззрению ничем не отличаются от чувашей и не только не оказывают нравственного воздействия на них, но даже по некоторым вопросам подпали под влияние чувашских *йомзей* (знахарей). Они, а также обрусевшие чувашаи, писал краевед, «имея не совсем твердое понятие о христианском вероучении, в то же время отлично знают все чувашские религиозные обряды, неопустительно присутствуя (при случае) при их совершении для даровой выпивки (например, на свадьбах, изредка на похоронах)»³⁷. Почти дословно это повторил В. К. Магницкий, говоря о крестьянах упоминавшейся д. Барские Исени (Русское Исенево) [14, с. 220 — 221].

Об авторитете, которым *йомзи* пользовались у русских крестьян, писал Н. И. Золотницкий, проиллюстрировав это примерами обращения к ним портного из Ядринского уезда для подтверждения своей невиновности в краже и

³⁵ [Магницкий В. К.] Из Казанской губернии // Русские ведомости. 1870. 1 мая. С. 3.

³⁶ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 7. Л. 100 об.

³⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 638. Л. 72 — 72 об.

крестьян одной из деревень Цивильского уезда за советом, как прекратить засуху [8, с. 170 — 172].

Заметим в этой связи, что двуязычие жителей смешанных селений помогало священникам в пасторском служении. Так, священник с. Хормалы Цивильского уезда чередовал богослужение на чувашском и церковнославянском языках, что приветствовало не только чувашские, но и русские прихожане, которые понимали первое лучше, чем второе³⁸.

По свидетельству священника с. Кошелеи Цивильского уезда В. С. Зайкова, русские прихожане подстрекали соседней-чувашей проводить языческие обряды, говоря им: «Когда вы жили по-чувашски и делали чуки (*чүк* — общественное моление с жертвоприношением. — Ю. Г.), были хорошие урожаи, а как вы оставили все, начались засухи и неурожаи». Послушав их совета, чувашаи совершили чук, а русские крестьяне «беспрепятственно приняли участие в расходах на сей предмет денег»³⁹.

По сведениям В. К. Магницкого, к киремети Мелим-хузя, находившейся в крестьянском амбаре в чувашской д. Маслово Чебоксарского уезда, иногда для ворожбы приходили русские крестьяне соседнего Свияжского уезда [14, с. 70, 72]. Он же рассказал о жительнице с. Беловолжского Чебоксарского уезда, которая подобрала в поле живую утку, пожертвованную киремети, и принесла ее домой. На следующий день женщина захворала и, решив, что виной тому утка, тотчас велела отнести ее обратно⁴⁰.

По сведениям этнографа, шпанская муха — одно из средств любовной магии у чувашей — в таком же качестве использовалась русскими крестьянами Беловолжского прихода⁴¹.

В русском фольклоре, собранном в Чувашском крае, встречаются отдельные чувашские слова и выражения. В. К. Магницкий записал следующие поговорки: «*“Минь дуvas, да минь дуvas”* (Чего ж делать, чего делать?)... Нам топеря не до вас!» «Пошла *“ташла”* (пляши!) — грош нашла, еще пошла — два нашла», «*“Тух”* (Выдь! Вон!) нечистый дух», «*Тухта, тухлачь, худа килечень* (Подожди, сваха, до прихода свата)»⁴², сообщив, что первая и четвертая бытовали среди лавочников и горожан Чебоксар, соответственно. Приведя поговорку, имитирующую чувашский акцент: «Кончал базар!», пояснил, что она применяется по поводу окончания какого-либо дела или безуспешных поисков какой-либо вещи⁴³. Он же записал песню «Степанка чувашин», сочиненную крестьянкой с. Беловолжского Н. Савиной, муж которой тесно общался с чувашами. В песне рассказывается об одном дне жизни чувашского крестьянина, полном повседневных дел и забот. В тексте использованы русские слова, исковерканные на чувашский манер, варваризмы (заимствования из чувашского языка) и бессодержательный набор слов, имеющих внешнее созвучие с чувашскими⁴⁴. Песня получила распространение в Поволжье, но была изменена «на черемисский лад» [1, с. 93, 94].

³⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 638. Л. 35.

³⁹ Там же. Ед. хр. 196. Л. 53.

⁴⁰ [Магницкий В. К.] Из Казанской губернии. Село Беловолжское, 25-го октября [1870 г.] // Русские ведомости. 1870. 1 ноября. С. 3.

⁴¹ Магницкий В. К. Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде: этнографический сборник. Казань: Тип. губ. правления, 1888. С. 22.

⁴² Там же. С. 106, 111, 115.

⁴³ Там же. С. 105.

⁴⁴ Магницкий В. К. Песни крестьян села Беловолжского Чебоксарского уезда Казанской губернии. Казань: Университетская тип., 1877. С. 80.

По изысканиям Н. Р. Романова, отдельные чувашские слова проникли в тайный язык офеней, в XVIII — XIX вв. регулярно посещавших Чувашский край⁴⁵.

Тесное общение с чувашскими крестьянами оставило след в русских календарных праздниках и детских играх. Например, на Святках русские наряжались в чувашскую одежду и изображали чувашских крестьян, пришедших с просьбами к становому приставу, разыгрывая иногда «целую комедию»⁴⁶. Журналист Н. Ф. Юшков, докладывая на заседании Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете о труде В. К. Магницкого «Детские игры села Беловолжского» (не сохранился), отметил влияние «инородческого элемента» на характер детских игр, объяснив это тем, что село находится в чувашском окружении [9, с. 21].

В начале XX в. в Чебоксарском и Козьмодемьянском уездах было зафиксировано несколько русских сложных общин, нехарактерных для данного этноса. Как правило, они находились в русско-чувашских и русско-марийских деревнях, что указывает на восприятие русскими общественных отношений местных народов, существовавших у них с давних времен [4, с. 66].

Заключение

Многовековое совместное проживание чувашей и русских сопровождалось взаимным культурным обменом. В XIX — начале XX в. следы чувашского влияния проявились в традиционном хозяйстве, общественных отношениях, разных видах материальной и духовной культуры как сельского, так и городского русского населения Казанской губернии. Наиболее заметно они проявились в уездах с преобладанием чувашского населения, что усиливало его этнокультурное воздействие на русских соседей. Чувашские заимствования обогатили культуру и быт русского населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абашева Д. В. Из истории фольклористики России. В. К. Магницкий. Чебоксары: ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, 2004. 146 с.
2. Бусыгин Е. П. Русское население Среднего Поволжья: историко-этнографическое исследование (середина XIX — начало XX в.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. 590 с.
3. Бусыгин Е. П. Взаимовлияния русских с народами Среднего Поволжья (по этнографическим данным) // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2014. № 1 (36). С. 68 — 75.
4. Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. Русское население Чувашской АССР. Материальная культура. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. 216 с.
5. Гусаров Ю. В. Сельскохозяйственные описания Чувашского края, составленные в 1802 году по анкете Вольного экономического общества // Чувашский гуманитарный вестник. 2015. № 10. С. 173 — 198.
6. Демидова И. И. Русско-чувашские связи во второй половине XIX — начале XX в. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. 204 с.
7. Егоров Д. В. Русско-христианский след в этнокультуре чувашской (вторая половина XIX — начало XX века) // Славяно-тюркский мир: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Чебоксары, 24 — 26 июня 2024 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2024. С. 218 — 229.
8. Золотницкий Н. И. Корневой чувашско-русский словарь. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1875. 279 с.
9. Иванов-Ехвет А. И. Музы ищут приют: [К истории дореволюционных русско-чувашских культурных взаимосвязей в области музыки, театра]. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. 350 с.
10. Иванов В. П. [и др.] Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1993. 269 с.

⁴⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 413. Приложение. Л. 82.

⁴⁶ Можаровский А. Ф. Святочные песни, игры, гадания и очерки Казанской губернии. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1873. С. 109.

11. История Чувашской АССР. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. 288 с.
12. Комиссаров Г. И. Чувашаи Казанского Заволжья // ИОАИЭ. Т. 27. Вып. 5. Казань, 1911. С. 311 — 432.
13. Магницкий В. К. Замечания на «Этнографический очерк быта чуваш» Ив. Меньшова // Записки Оренбургского отдела Русского географического общества. Оренбург, 1881. Вып. 4. С. 179 — 195.
14. Магницкий В. К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1881. 268 с.
15. Михайлов С. М. Собрание сочинений / сост. В. Д. Димитриев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 510 с.
16. Никольский Н. В. Краткий курс этнографии чуваш. Вып. 1. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1928. 226 с.
17. Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. 303 с.
18. Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Ч. 1. Казань: Тип. Императ. Казанского ун-та, 1870. 109 с.
19. Сбоев В. А. Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань: И. В. Дубровин, 1856. 188 с.
20. Фукс А. А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Тип. Казанского ун-та, 1840. 329 с.
21. Яковлев И. Я. Моя жизнь. Москва: Республика, 1997. 694 с.

REFERENCES

1. Abasheva D. V. From the history of folklore studies in Russia. V. K. Magnitsky. Cheboksary; 2004:146. (In Russ.)
2. Busygin E. P. Russian population of the Middle Volga region historical and ethnographic research (mid-19th — early 20th century). Kazan;2013:590. (In Russ.)
3. Busygin E. P. Mutual Influence of Russians with the Peoples of the Middle Volga Region (Based on Ethnographic Data) // Izvestiya of the Society of archaeology, history, and tthnography at Kazan university. 2014;1(36):68 — 75. (In Russ.)
4. Busygin E. P., Zorin N. V. The Russian Population of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic. Material Culture. Cheboksary;1960:216. (In Russ.)
5. Gusarov Yu. V. Agricultural descriptions of the Chuvash region compiled in 1802 based on the questionnaire of the Free Economic Society // Chuvash Humanitarian Bulletin. 2015(10):173 — 198. (In Russ.)
6. Demidova I. I. Russian-Chuvash Relations in the second half of the 19th and early 20th centuries. Cheboksary;2006:204. (In Russ.)
7. Egorov D. V. The Russian-Christian Trace in the Ethnic Culture of the Chuvash (Second half of the 19th — early 20th centuries) // Slavic-Turkic World: History and Modernity: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (Cheboksary, June 24 — 26, 2024). Cheboksary;2024:218 — 229. (In Russ.)
8. Zolotnitsky N. I. The Root Chuvash-Russian Dictionary. Kazan;1875:279. (In Russ.)
9. Ivanov-Ekhvaet A. I. The Muses Seek Shelter: [On the History of Pre-Revolutionary Russian-Chuvash Cultural Relations in the Field of Music and Theatre]. Cheboksary;1987:350. (In Russ.)
10. Ivanov V. P. [et al.] Ethnic History and Culture of the Chuvash of the Volga and Ural Regions. Cheboksary;1993:269. (In Russ.)
11. History of the Chuvash ASSR. Vol. 1. Cheboksary;1993:288. (In Russ.)
12. Komissarov G. I. The Chuvash of the Kazan Volga Region // IAOAE. Vol. 27. 1911(5):311 — 432. (In Russ.)
13. Magnitsky V. K. Comments on Ivan Menshov's "Ethnographic Sketch of the Chuvash's Way of Life" // Notes of the Orenburg Department of the Russian Geographical Society. Orenburg;1881(4): 179 — 195. (In Russ.)
14. Magnitsky V. K. Materials for the Explanation of the Old Chuvash Faith. Kazan;1881:268. (In Russ.)
15. Mikhailov S. M. Collected Works / comp. V.D. Dimitriev. Cheboksary;2004:510. (In Russ.)
16. Nikolsky N. V. Short Course in Chuvash Ethnography. Issue 1. Cheboksary;1928:226. (In Russ.)
17. Essays on the History of Culture in Pre-Revolutionary Chuvashia. Cheboksary;1985:303. (In Russ.)
18. Rittikh A. F. Materials for the Ethnography of Russia. Kazan Province. Kazan;1870:109. (In Russ.)
19. Sboev V. A. Research on the Non-Russians of the Kazan Province. Kazan;1856:188. (In Russ.)

20. Fuchs A. A. Notes on the Chuvash and Cheremis of the Kazan Province. Kazan;1840:329.
(In Russ.)
21. Yakovlev I. Ya. My Life. Moscow;1997:694. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.12.2025;
одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 02.03.2026

Информация об авторе:

Гусаров Юрий Владимирович, ведущий научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),
кандидат исторических наук, доцент,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5728-9955>, gsr63@yandex.ru
*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

The article was received by the editors on 29.12.2025;
approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 02.03.2026

Information about the author:

Yuri V. Gusarov, leading researcher, Chuvash State Institute of Humanities
(29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),
Candidate of Historical Sciences, associate professor,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5728-9955>, gsr63@yandex.ru
*Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.*

Статья редакции 29.12.2025 ҫитнӗ;
рецензиленӗ хыҫҫӑн 16.02.2026 ырланӑ; 02.03.2026 пичете йышӑннӑ

Автор ҫинчен:

Гусаров Юрий Владимирович, Чӑваш патшалӑх гуманитарни
ӑслӑлӑхӗсен институтӗн ӑслӑлӑх ертӗҫӗ ёҫтешӗ
(428015, Раҫҫей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
истори ӑслӑлӑхӗсен кандидачӗ, доцент,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5728-9955>, gsr63@yandex.ru
*Пайталӑх конфликчӗ: автор пайталӑх конфликчӗ ҫуккине пӗлтерет.
Автор ал ҫырайӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.*

УДК 351.855.6
ББК 63.521(=416)

Научная статья

БОГАТСТВО И РАЗНООБРАЗИЕ СЕРБСКОГО КОСТЮМА: ИНОСТРАННОЕ ВЛИЯНИЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ

К. Н. Коршунова

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Россия
kriskorshunova@vk.com

Аннотация. Начиная со второй половины XX в., в связи развитием глобализации, происходит постепенная замена традиционной культуры, и культурные особенности начинают отходить на задворки. Также уходят и старинные костюмы, которые фактически сохранились лишь в музеях и национальных ансамблях. Цель нашей статьи — рассказать об основных особенностях народных вариаций костюмов в различных областях Сербии, а также Боснии и Герцеговине. Влияние соседних культур, а именно византийской, османской и австро-венгерской, заметно в узорах, тканях, украшениях и иных элементах, что свидетельствует о длительном и сложном процессе культурных обменов. Однако в этом многообразии ясно прослеживается стремление сербского народа сохранить свою аутентичность, отличая национальный костюм как важный символ этнической идентичности и духовного наследия. Исследование данного аспекта культуры Сербии позволяет не только понять ее историческую динамику, но и глубже вникнуть в процессы формирования национального самосознания, которые остаются актуальными и в современности.

Ключевые слова: южные славяне, Сербия, народный костюм, иностранное влияние, культура народа

Для цитирования: Коршунова К. Н. Богатство и разнообразие сербского костюма: иностранное влияние и национальное самосознание // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 1. С. 24 — 31

© Коршунова К. Н., 2026

Scientific article

RICHNESS AND DIVERSITY OF SERBIAN CLOTHING: FOREIGN INFLUENCE AND NATIONAL IDENTITY

K. N. Korshunova

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia
kriskorshunova@vk.com

Abstract. Since the second half of the 20th century, with the spread of globalization, there has been a gradual displacement of traditional culture and cultural features have begun to fade into the background. Traditional costumes are also disappearing and have largely survived only in museums and national ensembles. The purpose of our article is to describe the main features of folk variations of clothing in different regions of Serbia as well as Bosnia and Herzegovina. The influence of neighboring cultures, namely the Byzantine, Ottoman and Austro-Hungarian traditions, is noticeable in patterns, fabrics, ornaments and other elements which indicates a long and complex process of cultural exchange. However, this diversity also reflects the Serbian people's desire to preserve their authenticity, with national costume serving as an important symbol of ethnic identity and spiritual heritage. The study of this aspect of Serbian culture not

only helps to understand its historical development but also provides deeper insight into the processes of national identity formation that remain relevant today.

Keywords: the Southern Slavs, Serbia, folk clothing, foreign influence, culture of the people

For citation: Korshunova K. N. Richness and diversity of Serbian clothing: foreign influence and national identity // Modern humanities. 2026;2(1):24 — 31

Аслалӑх статийи

СЕРБ ТУМТИРЁН ПУЯНЛӑХЁПЕ ТӢРЛӢЛӢХӢ: ЮТ ӢР-ШЫВСЕН ВИТӢМӢПЕ НАЦИ ХӢЙ ӢНЛАНӢВӢ

К. Н. Коршунова

РаӢсей патшалӑх гуманитарнӑ университетӗ,

Мускав, РаӢсей

kriskorshunova@vk.com

Аннотаци. XX ӗмӢрӗн иккӢмӗш Ӣурринчен пуӢласа, глобализаци аталаннӑ май, йӑлари культура майӗпен улӑшӑнсах пырать, культура хӢй евӢрлӢхӗсем Ӣухалма пуӢлаӢӢ. Ӣавӑн пекех авалхи тумтир те йӑларан тухать, вӑл музейсемпе наци ансамблӢсенче кӑна сыхланса юнӑ темелле. Пирӗн статья тӢллевӢ — Сербин тӢрлӢ хултаӑхӗнчи, Ӣавӑн пекех Боснипе Герцеговинӑри тумтирӗн халӑх вариацийӗсен тӢп уйрӑмлӑхӗсем Ӣинчен каласа парасси. ТӢрӢ-ӗрешре, пир-авӑрта, капӑрлӑхсенче, ытти япалара кӢрӑшӢ культураӑсен (чи малтанах византисен, османсен, австрисемпе венгрсен) витӢмӢ палӑрать, Ӣакӑ культура ылмашӑвӢ вӑрама пынин процесне, унӑн кӑткӑслӑхне кӑтартса парать. Ӣапах та Ӣак нумай тӢрлӢлӢхре серб халӑхӗн хӢйлӢхне упраса хӑварас ӢнтӑлӑвӢ уӢӑмлӑн йӢрленет, ку уйрӑмах наци тумтирӗнче курӑнать, вӑл — этника пӢрешкеллӢхӗпе ӑс-хакӑл еткерлӢхӗн символӢ пекех. Серб культурин Ӣак пайрӑмне тӢпчени хальхи вӑхӑтра та актуаллӑ Ӣйтусене тӢрлӢ тапхӑрта еплерех улӑшӑнса пынине кӑна мар, наци хӢй ӢнланӑвӢ йӢркеленнине те тарӑнрах Ӣанкарма май парать.

ТӢп Ӣӑмахсем: кӑнтӑр славянсем, Серби, халӑх тумтирӢ, ют ӢӢр-шывсен витӢмӢ, халӑх культури

Цитатӑлама: Коршунова К. Н. Серб тумтирӗн пуянлӑхӗпе тӢрлӢлӢхӢ: ют ӢӢр-шывсен витӢмӢпе наци хӢй ӢнланӑвӢ // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 1 №. С. 24 — 31

Введение

Актуальность темы связана с тем, что, начиная со второй половины XX в., с наступлением глобализации, происходит замена традиционной культуры и постепенно культурные особенности народов нивелируются. Сейчас национальные костюмы фактически сохранились лишь в музеях и гардеробах национальных ансамблей, но мало кто знает, что, помимо привычного нам сербского костюма, есть множество его разновидностей и что каждый регион Сербии может удивить нас своей особенностью.

Материалы и методы

Первым этапом изучения явилась работа с литературой, включающая анализ исторических, этнографических и культурологических трудов, где подробно описаны особенности сербского народного костюма, его символизм, региональные особенности и материалы изготовления. Особое внимание уделено исследованиям местных и зарубежных ученых, работающих в области этнографии, а также архивным записям и старинным фольклорным сборникам. Второй метод — использование фотографий. Рассмотрены как исторические архивы, так и современные фотографии, которые документируют традиционный сербский костюм. Третий элемент методологии — онлайн-выставки и цифровые музеи, которые

предоставляют уникальную возможность исследовать сербский народный костюм в интерактивной форме. Эти ресурсы часто включают высококачественные изображения, 3D-реконструкции и пояснительные материалы, которые позволяют изучить предметы одежды в деталях. Онлайн-выставки делают доступным изучение костюма для исследователей, находящихся за пределами Сербии, и обеспечивают широкий доступ к богатому культурному наследию. Комбинированное использование вышеуказанных методов способствовало проведению комплексного анализа сербского народного костюма.

Результаты исследования и их обсуждение

Хронологические рамки исследования — период с конца XVIII до середины XX в. Длительный период характерен тем, что долгое время практически не происходило развитие сербского народа как самостоятельного этноса, так как сербы с XIV в. находились под властью турок-османов. Но к концу XVIII в. постепенно происходит ослабление турецкого ига, и сербы начинают самореализовываться как нация и постепенно добиваются независимости. В начале XIX в. было основано княжество Сербское, и в связи с этим происходит толчок не только в культуре, но и в национальном сознании. Верхней границей является середина XX в., когда в связи с глобализацией происходит замена традиционной культуры, и постепенно традиции народа, культурные особенности исчезают.

В ходе дальнейшего исследования более подробно рассмотрим особенности национальных костюмов сербского народа, а также их разнообразие в зависимости от региона проживания.

Формирование сербского национального костюма происходило под влиянием разных культур. В Средние века характерен был византийский след. После османского завоевания многие славянские элементы в городском костюме исчезли. Сельский костюм в разных регионах испытывал австрийское, венгерское, немецкое, итальянское и османское влияния. Основу всех костюмов составляла конопляная рубаша, белый цвет которой иногда почти целиком скрывался под плотной вышивкой. В некоторых областях поверх рубашки носили юбки.

Если перейти к национальным костюмам (*Srpska narodna nošnja/Srpska narodna nošnja*), то в Сербии в различных регионах страны есть свои особенности. Маленькая страна имеет четыре основных типа сербского народного костюма в зависимости от региона, а также свои подтипы в каждой группе. Отдельно можно назвать костюмы таких регионов, как Воеводина, Косово и Метохия, а также боснийских сербов.

Рассмотрим более подробно каждый регион и его национальный костюм. Существует разнообразная палитра сербского костюма. Начнем с общих черт сербского одеяния или, как говорят сербы, *odeha/odeća*. Многие элементы одежды нам хорошо известны, так как есть схожесть с русским, украинским и белорусским национальными костюмами. Поэтому затронем те, которые неизвестны нам. Начнем с мужского национального костюма, с их особенных элементов:

Елек (серб. *jelek/jelek*) — жилетка без рукавов, сделанная из шерсти, сукна, бархата или сатина и украшенная тесемкой, но нужно отметить, что *елек* носили и женщины.

Зубун (серб. лат. *zubun*) — безрукавка из белой, желтоватой, красной или синей ткани длиной до колен, носилась в холодную погоду.

Подвязки (серб. *podveze/podveze*) — специальная часть одежды, которая завязывалась чуть ниже колен для сужения штанин.

Антерия, или *гунь* (серб. *антерија/anterija*, *гуњ/gunj*) — коричневого или черного цвета куртка из сукна, состоявшая из высокого стоячего воротника и имевшая запах, также богата украшена различными вышивками и пуговицами. Носить ее имели право и замужние женщины, главным отличием женской *антери* от мужской была длина, а также ширина рукавов, она надевалась исключительно поверх платья или юбки, а также вместе с *ечермой*, опоясывалась поясом с широкой пряжкой и застегивалась на одну пуговицу [1, с. 74 — 82].

Памукля (серб. *памуклија/pamuklija*) — дополнительная куртка с запахом; носилась под *гунем* и поясом, но нужно отметить, в Заечарском округе этим словом, наряду с *грудњак*, обозначается ватная безрукавка, носимая зимой под *елекем* и *гунем*.

Джока (серб. *џока/džoka*) — вид безрукавки с декоративной пуговичной застежкой, но в Заечарском округе эта вещь имела вид короткой куртки с длинными рукавами, схожей с *гунем*, в отличие от него застегивавшаяся только на пуговицы.

Копоран (серб. *koporan*) — вид куртки; носили в основном отставные солдаты. Она была сделана наподобие солдатской.

Кабаница (серб. *јанундџа/jarundža*, *опандџак/opandžak*, *гуњина/gunjina*) — длинный суконный плащ пастуха красного цвета.

Опакля (серб. *опаклија/opaklija*) — длинный кожаный плащ, который был особенно популярен в Воеводине.

Долама (серб. *dolama*) — длинный кафтан или плащ, мода на который пришла из Турции. Данный вид одежды имел достаточно яркие цвета: красный, зеленый или фиолетовый [2, с. 46 — 89].

Душанка (серб. *dušanka*) — вид куртки с короткими и откидными рукавами.

Кожух (серб. *kožuh*) — самый известный вид безрукавки; носили преимущественно пастухи, и особенно она была популярна в южной части Сербии.

Перейдем к женским элементам.

Либада (серб. *libada*) — короткий жакет, изготавливавшийся из различных материалов и имевший богато украшенные рукава и ворот. Особое влияние на эту часть одежды оказало турецкое соседство.

Ечерма (серб. *јечерма/ječerma*) — разновидность *елека*, безрукавка с большим декольте, доходящим до низа груди, изредка — до талии. Она, в отличие от *елека*, не грела и несла декоративную функцию. Именно *ечерма* могла показать статус женщины.

Смилевац (серб. *смилевац/smiljevac*, *џмилевац/čmiljevac*) — женский головной убор, который носили девушки и невесты, но также он был популярен и у молодых замужних женщин. Представлял собой венок достаточно сложной формы, к которому прикреплялись перья, ленты, по бокам — два кольца, а иногда — одно кольцо поверх *смилевца*¹.

Шумадия (серб. *шумадија/šumadija*) — самый центральный регион и исторически сложившаяся область Центральной Сербии (серб. *Централна Србија/Centralna Srbija*). Именно шумадийский костюм является «классическим» и самым узнаваемым, и он постепенно распространился по всей Сербии.

Важным орнаментом на шумадийской *юбке* являются полосы. На плиссированных юбках и на фартуках они должны быть строго по горизонтали. Если

¹ Народы зарубежной Европы / под ред. С. А. Токарева, Н. Н. Чебоксарова. Т. 1. Москва: Наука, 1964. С. 414 — 418. (Народы мира. Этнографические очерки).

говорить о мужском костюме, то тут практически не было отличий от других регионов страны, но в Шумадии у мужчин были особенно популярны темные цвета, например, зеленый и коричневый. В другом центральном регионе, Поморавье (серб. *Поморавље/Pomoravlje*), костюм мало чем отличался от костюма в Шумадии, главным отличием было только ношение *елека*, тут он имел синий цвет и был чуть длиннее. Отличается богатой вышивкой на пышной юбке и блузке. Женский наряд украшен сложными геометрическими узорами, отражающими древнюю культуру и символику этой местности. В регионе Леваче (серб. лат. *Levač*), который находится между Шумадией и Поморавье, практически нет отличий от шумадийского костюма.

Известный русский филолог, этнограф и палеограф XIX в. Измаил Срезневский впервые четко зафиксировал такое важное женское украшение, как *смиле-вац*, которое носили девушки до первой беременности. Еще в двух регионах Центральной Сербии — Подунавье и Расине — особых отличий от шумадийского костюма не фиксируется [3, с. 119 — 131].

Подунавье (серб. *Подунавље/Podunavlje*) — регион вдоль Дуная в Восточной Сербии, известен своим богатым и живописным национальным костюмом. Женский наряд характеризуется яркими цветами, замысловатой вышивкой и традиционными орнаментами, отражающими местную культуру и историю.

Регион *Расина* (серб. *Расина/Rasina*), расположенный в Центральной Сербии, известен своим уникальным и традиционным народным костюмом. Он отличается теплыми тонами, замысловатыми узорами и использованием натуральных тканей, таких, как шерсть и лен, служит ярким свидетельством богатого культурного наследия этого живописного района Сербии. Многие сербские исследователи считают, что из всех костюмов Центральной Сербии именно одежда расинского региона больше всего подверглась турецкому влиянию.

Перейдем к региону Западная Сербия (серб. *Западна Србија/Zapadna Srbija*). Первым и самым интересным для изучения будет Мачва (серб. *Мачва/Маčва*). Регион располагается между Воеводиной и Шумадией, и в связи с этим костюм содержит в себе элементы двух этих регионов. У женщин были *елек* черного цвета, рубаха с оборками на рукавах, но главная отличительная черта — два фартука (спереди и сзади). Мужчины носили преимущественно такую же одежду, что и в Центральной Сербии, но преимущественно коричневый *елек*, штаны-*чакшире* (или штаны-шаровары) и длинные носки. Важнейшей чертой в Мачве являлась вышивка, главными цветами были красный или черный.

В состав Западной Сербии входит и Колубарский округ (серб. *Колубарски округ/Kolubarski okrug*), где народный костюм так же, как и в других районах страны, испытал на себе огромное влияние Шумадии. Главным отличием колубарского костюма является то, что поверх *елека* носился *копоран*. Самым распространенным цветом был зеленый и серо-оливковый, но богатые неженатые юноши этого региона надевали синюю одежду, тем самым показывали зажиточность. Помимо костюма, синими и красными нитками были вышиты узоры.

Назовем еще один район Западной Сербии — Златибор (серб. *Златибор/Zlatibor*) и его округ. В связи с тем, что данный регион ближе всего находится к Черногории, златиборский костюм является переходным между шумадийским и черногорским [4, с. 530 — 580].

В Восточной Сербии (серб. *Источна Србија*) из-за близости с Румынией и Болгарией костюм больше похож на румынский и болгарский. Здесь нет такого

разнообразия, выделяется только Тимокская Краина (*Тимочка-Краина*) [серб. *Тимокска Крајна (Тимочка-Краина)/Timokskaja Krajna (Timočka-Kraina)*] вблизи р. Тимок. Именно в этом регионе, а именно в г. Княжевац и его окрестностях, замужние женщины носили необычную прическу под названием *трвели* (серб. *трвельи*, ед. число — *трвель*), представлявшую собой две косы, в которые для красоты иногда вплетались косы из искусственных волос, и скрученные вокруг ушей в виде бараньих рогов и закрепленные булавками, помимо этого *трвели* украшались монетами и шерстяными нитями. Поверх *трвели* женщины надевали *обрадач* с шапочкой, похожей на тубетейку, что указывает на турецкое влияние. Помимо *обрадача*, поверх него надевался *пешикир* (косынка). В остальном женский и мужской костюмы мало чем отличались.

В самом разнообразном и очень «туркизированном» регионе, а именно в Южной Сербии, характерной особенностью женского костюма являлись сарафаны, имевшие множество названий: *литак*, *мужер*, *сукно*, *сукман*. Сарафан был с глубоким вырезом и украшался вышивкой.

Жители Иваницы — города Западного Поморавья (серб. *Западно Поморавије/Zapadno Pomoravije*) — в основном являются потомками мигрантов из Динарского нагорья (горная система на северо-западе Балканского полуострова) или, точнее, с территории Юго-западной Сербии. По своим основным характеристикам поморавский костюм похож на западный с дополнениями, появившимися с течением времени, новой средой и последующим влиянием извне. После Первой мировой войны в данный регион начали проникать элементы шумадийского костюма (серб. *антерија, фермен*). Этот костюм исчез позже всех, в 90-х гг. XX в., под давлением промышленного неконтролируемого производства.

Ниш (серб. *Ниш/Niš*) — самый южный город Сербии. Здесь также был характерен свой костюм, но его главной чертой были только цветные линии с элементами на юбке у женщин и полосами на поясе у мужчин. В окрестностях Лесковаца (Ябланичский округ) отличительные особенности народного костюма — темные и узкие штаны, а также темные *елеки*.

В регионе Пирот (серб. *Пирот/Pirot*) мужчины носили белый *зубун*, вышитый черными нитями в области карманов и опоясанный красным кушаком. Женский *зубун* был черного или красного цвета и вышит золотыми нитями. Поверх рубахи женщины носили ватный сарафан-*забан* до колен с широким вырезом спереди, украшенный вышивками.

В городах Вранье (серб. *Врање/Vranje*) и Санджак (серб. *Санџак/Sandžak*) живет много мусульман, преимущественно костюм данного региона сложился как результат влияния смешанных культур. Но большую роль все равно играло влияние шумадийского костюма, а также стоит отметить, что в этом регионе важной особенностью женского национального костюма были *димье* (шаровары).

Одна из этнических групп — шопы, проживающие на юго-востоке Сербии, на севере Северной Македонии и западе Болгарии. В связи с этим их костюм является смесью сербского, болгарского и македонского костюма. Для него характерны узкие черные штаны-*беневреки*, синяя или черная расшитая безрукавка, *дрея*, сарафан темных цветов, длинные красные носки до колен.

В Воеводине (серб. *Војводина/Vojvodina*) особенно прослеживается западное влияние. Всего здесь три варианта костюма, они все связаны с городами региона Среме, Бачке и Банате. Сремский костюм имеет элементы центрально-балкан-

ской одежды. На бачкинский костюм оказал большое влияние стиль барокко, а в городе Банате костюм схож с венгерским [5, с. 103 — 123].

Традиционные наряды Косово (серб. *Република Косово/Republika Kosovo*) и Метохии (серб. *Метохуја/Метохија*) известны своим богатым стилем и орнаментом, для них характерен особый стиль вышивки, называемый *серб.* Мужской и женский костюмы практически такие же, как и в других регионах Сербии [6, с. 25 — 67].

Если говорить о костюме боснийских сербов, то на него оказала заметное влияние турецкая одежда, но преимущественно больших отличий от костюма Центральной Сербии не имеет, исключение — вышивка и орнаменты.

В Центральной Сербии были распространены темные юбки в полоску или клетку. В Восточной Сербии использовали белые платки, *убрусы*. На юге носили сарафаны с вышивкой золотом. В Воеводине не было юбок, носили собранные рубахи, фартуки, чепцы (у замужних женщин). В Косово — богатая вышивка рубах, темные *елеки*, красные передники. После обретения Сербией независимости в XIX в. началось возвращение к традиционному славянскому костюму, устранение восточных заимствований. К концу XIX — началу XX в. произошел окончательный переход к европейской моде. Если рассматривать сербский национальный костюм с искусствоведческой точки зрения, то мы видим не только богатую культуру, но и большое разнообразие вышивок [5, с. 20 — 80].

Заключение

Сербия, хотя и маленькая страна, имеет свои национальные особенности, которые напрямую связаны с влиянием соседей. Постепенно культура обновляется и в какой-то степени беднеет. К сожалению, многие костюмы сербского народа уже исчезли, и нет такого разнообразия, как это было в начале XX в. Нужно отметить, что традиция ношения национальной одежды в городах Югославии стала постепенно пропадать к 30-м гг. XX в., а в сельской местности актуальность национальной одежды сохранялась, но недолго, и уже постепенно к 1960 — 1970-м гг. народные костюмы выходят из обихода.

Сербский традиционный наряд, представляющий собой сложный синтез местных особенностей, внешних заимствований и влияния исторических событий, не только отражает этнические и социальные характеристики, но и подчеркивает стремление нации к самосознанию и сохранению традиций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Jelen Arandelović-Lazić. Socijalno-klasne odlike i promene u narodnim nošnjama Srbije u XIX veku. «Etnološke sveske». 1980. № 2. С. 74 — 82.
2. Јасна Бјеладиновић. Српска народна ношња у сјеничко — пештерској висо сравнивањ. Београд: Издаваштво «Етнографски музеј у Београду», 1981. 155 с.
3. Керимова М. М. Опыт реконструкции традиционного народного костюма югославянских народов первой половины XIX в. (по архивным материалам И. И. Срезневского) // Этнографическое обозрение. 1994. № 3. С. 119 — 131.
4. Ровинский П. А. Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника // Вестник Европы. 1870. Т. 2. 650 с.
5. Милутиновић Вера. Српске народне ношње у околини Вршца. У: Филиповић, Миленко С., ур. Српске народне ношње у Војводини. 1953. С. 103 — 123.
6. Чекић Мирьяна. Srpska narodna nošnja Kosova: Gnjilane. Kniga «Kulturno-prosvjetni sabor Hrvatske». 1989. 141 с.

REFERENCES

1. Jelen Arandelović-Lazić. Socijalno-klasne odlike i promene u narodnim nošnjama Srbije u XIX veku. «Etnološke sveske». 1980;2:74 — 82. (In Serb.)
2. Jasna Bjeladinović. Srpska narodna nošnja u sjenichko — peshterskoj viso sravnivat'. Beograd. Izdavashstvo «Etnografski muzej u Beogradu». 1981:155. (In Serb.)
3. Kerimova M. M. The experience of traditional folk clothing reconstruction of the South Slavic peoples of the first half of the 19th century (archival materials by I. I. Sreznevsky) // Ethnographic Review. 1994;3:119 — 131. (In Russ.)
4. Rovinsky P. A. Belgrade. Its structure and social life. The notes of a traveler // Vestnik of Europe. 1870;2:650. (In Russ.)
5. Milutinović Vera. Srpske narodne nošnje u okolini Vrsheca. U: Filipović, Milenko S., ur. Srpske narodne nošnje u Vojvodini. 1953:103 — 123. (In Serb.)
6. Mirjana Đekić. Srpska narodna nošnja Kosova: Gnjilane. Kniga «Kulturno-prosvjetni sabor Hrvatske». 1989:141. (In Serb.)

Статья поступила в редакцию 20.02.2025;
одобрена после рецензирования 18.07.2025; принята к публикации 15.01.2026

Информация об авторе:

Коршунова Кристина Николаевна, специалист по учебно-методической работе
Российского государственного гуманитарного университета
(125047, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6),
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2667-5131>, kriskorshunova@vk.com
Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 20.02.2025;
approved after reviewing 18.07.2025; accepted for publication 15.01.2026

Information about the author:

Kristina N. Korshunova, specialist in educational and methodological work
at the Russian State University for the Humanities
(6, Miusskaya sq., Moscow, 125047, Russia)
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2667-5131>, kriskorshunova@vk.com
Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 20.02.2025 ڃитнѐ;
рецензиленѐ хыџџан 18.07.2025 ырланѐ; 15.01.2026 пичете йышаннѐ

Автор ڃинчен:

Коршунова Кристина Николаевна, Раџсей патшалѐх гуманитарни
университетчѐн вѐрену-методика ѓџѐн специалисчѐ
(125047, Раџсей, Мускав хули, Миус тўремѐ, 6 ڃурт),
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2667-5131>, kriskorshunova@vk.com
Пайталѐх конфликчѐ: автор пайталѐх конфликчѐ ڃуккине пѐлтерет.
Автор ал ڃырайвѐн юлашки вариантне вуласа тухнѐ, ырланѐ.

УДК 94(470.344)"1904/1905
ББК 63.3(2Рос.Чув)53

Научная статья

ОБ ОТНОШЕНИИ ЧУВАШЕЙ К РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ 1904 — 1905 ГОДОВ

Н. Б. Смирнова

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
da777L@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется отношение чувашей к Русско-японской войне 1904 — 1905 гг. На основе архивных документов, материалов дореволюционной прессы и трудов Н. В. Никольского исследуются основные факторы, формировавшие восприятие вооруженного конфликта и образа японца как врага. Особое внимание уделяется роли духовенства, которое в проповедях представляло войну как противостояние христианства и «языческой тьмы». Также рассматривается влияние губернских и миссионерских изданий, включая литературу на чувашском языке. Анализ показывает неоднозначность взглядов чувашского населения: от искреннего патриотического подъема и готовности жертвовать на нужды армии среди молодежи до страха, скептицизма и уныния у старшего поколения, усугубленных тяготами мобилизации и известиями о поражениях. Показана трансформация образа врага от абстрактного понятия до источника ненависти в условиях боевых действий и последующая гуманизация этого образа при столкновении с японской культурой в плену. В заключении делается вывод, что война стала катализатором роста критических настроений и подготовила почву для революционных событий 1905 — 1907 гг. Результаты исследования имеют значимость для историков и этнологов, изучающих механизмы формирования общественного сознания в кризисные периоды.

Ключевые слова: Русско-японская война, чуваша, фактор пропаганды, общественное мнение, отношение к войне

Для цитирования: Смирнова Н. Б. Об отношении чувашей к Русско-японской войне 1904 — 1905 годов // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 1. С. 32 — 41

© Смирнова Н. Б., 2026

Scientific article

ON THE ATTITUDE OF THE CHUVASH PEOPLE TO THE RUSSIAN-JAPANESE WAR OF 1904 — 1905

N. B. Smirnova

Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
da777L@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the attitude of the Chuvash people to the Russian-Japanese War of 1904 — 1905. Based on archival documents, materials from the pre-revolutionary press and the works of N. V. Nikolsky, the main factors that shaped the perception of the armed conflict and the image of the Japanese as the enemy are examined. Special attention is paid to the role of the clergy, who in their sermons presented the war as a confrontation between Christianity and «pagan darkness.» The influence of provincial and missionary publications, including literature in the Chuvash language, is also considered. The analysis shows the diversity of the views of the Chuvash population: from sincere patriotic enthusiasm and willingness to donate to the needs of the army among youth to fear, skepticism and despair among the older generation, aggravated by the hardships of mobilization and by news of defeats. The study also traces the transformation of the image of the enemy from an abstract concept to a source of hatred under

the conditions of warfare, and the subsequent humanization of this image when encountering Japanese culture in captivity. The article concludes that the war became a catalyst for the growth of critical sentiments and paved the way for the revolutionary events of 1905 — 1907. The results of the study are relevant for historians and ethnologists examining the mechanisms of formation of public consciousness in times of crisis.

Keywords: Russian-Japanese war, Chuvash people, propaganda factor, public opinion, attitude to war

For citation: Smirnova N. B. On the attitude of the Chuvash people to the Russian-Japanese war of 1904 — 1905 // Modern humanities. 2026;2(1):32 — 41

Аслăлăх статийи

ЧĂВАШСЕМ 1904 — 1905 СЎЛСЕНЧИ ВЫРĂС-ЯППУН ВĂРСИ СИНЕ МЁНЛЕ ПĂХНИ

Н. Б. Смирнова

Чăваш патшалăх гуманитарнă аслăлăхĕсен институтĕ,
Шупашкар хули, Раççей
da777L@yandex.ru

Аннотаци. Статъяра чăвашсем 1904 — 1905 çç. Вырăс-яппун вăрси сине мёнле пăхнине тишкернĕ. Архив докуменчĕсене, революциченхи хаçат-журнал материалĕсене тата Н. В. Никольский ёçĕсене тĕпе хурса чăвашсем хёç-пăшалла конфликт тата тăшман пулса тăна яппунсем пирки мён шутлине вĕтĕм кўрекен тĕп факторсене тĕпченĕ. Чиркў сынисем хайсен ўкёт сăмахĕсенче ку вăрса христианство «суя тĕн тĕттĕмлĕхĕпе» кĕрешнипе анлантарнин пĕлтерĕшĕ пирки палăртса хăварнă. Кунсăр пуçне статъяра кĕпĕрнесем шайёнче кăларнă тата миссионерсем хатĕрленĕ литературăна (вёсен хушшинче чăвашлисем те пулнă) пăхса тухнă. Тишкерў чăваш халăхĕн шухăшĕ пĕр евĕр пулманнине кăтартать: пĕр енчен, çамрăксен патриотла çĕкленĕвĕ тата çара пулăшма хатĕр пулни, тепĕр енчен — аслă арурисен кăмăлĕнче мобилизаципе сыханнă йывăрлăхĕсене тата фронтри сұхатусем пирки килекен хыпарсене пула шиклĕх, сўрĕклĕх, ыранхи куна шанманни çирĕплене пыни. Тĕпчевре сынсен ас-тăнĕнчи тăшман сăнарĕ епле улшăнса пынине сăнанă: малтан вăл абстрактлă анлав, унтан вăрçă хирĕнче хаяр курайманлăх сăлтавĕ пулса кайнă пулсан, каярах — тыткăнра яппун культурипе паллашсан — гуманизаци паллисем курайна пуçланă. Вăрçă халăхăн тиркевлĕ шухăш-кăмăлне аталанма пулăшнă тата 1905 — 1907 çç. революцилле пулăсем валли условисем хатĕрленĕ тесе пĕтĕмлетў тăвагь автор. Тĕпчев результатĕсем кризислă лару-тăрура общество ас-тăнĕ йĕркеленнин механизмĕсене тĕпчекен историксемпе этнологсемшĕн пĕлтерĕшлĕ пулма кирлĕ.

Тĕп сăмахсем: Вырăс-яппун вăрси, чăвашсем, пропаганда факторĕ, халăх шухăшĕ, вăрçă сине мёнле пăхни

Цитатăлама: Смирнова Н. Б. Чăвашсем 1904 — 1905 сўлсенчи Вырăс-яппун вăрси сине мёнле пăхни // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 1 №. С. 32 — 41

Введение

Русско-японская война 1904 — 1905 гг. стала одним из важнейших событий начала XX в., оказав значительное влияние как на внутреннюю политику, так и на общественное настроение в России. Особое место в этом контексте занимает отношение различных этнических групп, в том числе чувашей, к этому вооруженному конфликту. Для советской историографии было характерно освещение глобальных исторических процессов, в рамках которых происходили те или иные события, с акцентом на военно-стратегические и политические аспекты. В этом контексте вопросы, связанные с восприятием войн и образа врага населением, не были в центре внимания исследователей, что было обусловлено идеологическими ориентирами и методологическими подходами того времени.

Начиная с 1990-х гг. в отечественной исторической науке вооруженные конфликты начали изучаться с позиций военно-исторической антропологии, где внимание стало уделяться человеку и человеческим сообществам — их мыслям, чувствам и переживаниям. Такой подход позволяет глубже понять психологические и культурные аспекты восприятия войны и врага в разные исторические периоды. Значительный вклад в исследование восприятия образа японца как врага в условиях Русско-японской войны внесли ученые Е. С. Сеньявская [6] и Е. А. Гладкая [1]. На региональном уровне также существует ряд исследований по данной теме [7; 8]. В чувашской историографии некоторые аспекты этого вопроса были рассмотрены еще в советский период. На основе анализа фольклора и фактов живой действительности историк и этнограф Н. В. Никольский охарактеризовал взгляды чувашей как на службу в армии в целом, так и на Русско-японскую войну в частности [5]. Сведения об отношении чувашей к данному вооруженному конфликту в канун революции 1905 — 1907 гг. содержатся в обобщающем труде «История Чувашской АССР» [2; 3].

С учетом слабой разработанности названной проблемы цель нашей статьи — охарактеризовать отношение чувашей к Русско-японской войне 1904 — 1905 гг. и образу японца как врага, а также проанализировать факторы, формировавшие общественное мнение чувашского населения.

Материалы и методы

Источниковую базу настоящей статьи составили материалы из фондов учреждений и должностных лиц Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР). Из Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН) использованы документы рукописного фонда Н. В. Никольского, содержащие сведения о случаях из жизни чувашей в годы Русско-японской войны, их личных переживаниях, взглядах на нее и участии в мобилизационных мероприятиях. Дополнительно нами привлечены материалы мультимедийного издания ГИА ЧР «Чувашский край в период Русско-японской войны 1904 — 1905 гг.», включающие документы и выдержки из дореволюционной прессы, а также документы о благотворительной деятельности населения Чувашского края, его участии в мобилизации и в боевых действиях¹. Важным источником явились публикации начала XX в. в газетах «Казанские губернские ведомости» и «Симбирские губернские ведомости», которые отражают общественное мнение того времени. В качестве дополнительного источника использовалось дореволюционное издание «Отклики Русской земли на царское слово о войне с Японией»². При написании статьи применены принципы историзма, объективности и системности, использованы следующие методы исследования: историко-генетический, аналитический, проблемно-хронологический и фактологический. Историко-генетический метод позволил выявить причинно-следственные связи в формировании отношения чувашей к Русско-японской войне 1904 — 1905 гг. Аналитический метод обеспечил глубокий анализ пропагандистских материалов и общественного мнения. Проблемно-хронологический метод помог структурировать исследование по этапам и выделить ключевые проблемы, а фактологический метод обеспечил конкрети-

¹ Чувашский край в период Русско-японской войны 1904 — 1905 гг. [Электронное издание]. Чебоксары, 2007.

² Отклики Русской земли на царское слово о войне с Японией. Санкт-Петербург: Тип. Министерства внутренних дел, 1904. 432 с.

зацию и проверку фактических данных, что позволило сформулировать обоснованные выводы.

Результаты исследования и их обсуждение

Русско-японская война 1904 — 1905 гг. представляла собой конфликт между Российской и Японской империями за господство над важными в стратегическом и экономическом отношениях районами Дальнего Востока: Маньчжурией, Кореей и Желтым морем. Вооруженный конфликт начался с нападения японского флота на русскую эскадру в ночь на 27 января 1904 г. на внешнем рейде Порт-Артура. Этот акт привел к выводу из строя сильнейших кораблей русского флота на Тихом океане и дальнейшему развитию боевых действий. 27 января 1904 г. был объявлен Высочайший манифест императора Николая II «О начале военных действий с Японией», в котором выражалась уверенность в победе над врагом и призывались помочь и благословение Божие на «доблестные войска армии и флота»³.

Весной 1904 г. увидел свет сборник «Отклики Русской земли на царское слово о войне с Японией», в котором представители разных регионов России (правительственные, сословные, общественные и частные учреждения и лица) выражали верноподданнические чувства и поддержку царю. В книге имеются отклики и из Чувашского края. Солидарность императору выразили Чебоксарское городское общество, участники собрания уполномоченных г. Мариинский Посад и крестьяне Козловского сельского общества Чебоксарского уезда⁴. Согласно этим источникам и официальным отчетам, патриотические чувства повсеместно выражали представители всех национальностей и социальных слоев⁵. Однако при анализе отношения чувашского народа к Русско-японской войне следует отметить его неоднозначность. Важную роль в этом играли такие факторы, как происхождение, место проживания и уровень образования. Исследованные нами источники свидетельствуют, что, например, значительная часть чувашского населения до начала военных действий практически не имела представления о существовании Японии и японцев, а также не понимала сути вооруженного конфликта на Дальнем Востоке. Многие воспринимали войну как далекое событие, не связанное напрямую с их повседневной жизнью. В то же время у части населения, особенно у тех, кто имел более высокий уровень образования или проживал в городской местности, формировались более осознанные взгляды на происходящее.

В этот период особое значение приобретало формирование образа врага и создание нужного правительственным кругам восприятия Русско-японской войны. Одним из ключевых факторов формирования отношения чувашей к войне стала религия. Священнослужители активно участвовали в пропаганде идеи о священной миссии России и о духовной борьбе между добром и злом. В своих проповедях духовенство использовало риторику, способную оказать сильное влияние на верующих: подчеркивалось, что «мирная Россия стала жертвой дерзкого врага, чуждого искры Божией и христианского просвещения, погрязшего во тьме идолопоклонства азиатского народа»⁶. Образ японца создавался как символ чуждости русским ценностям, ассоциировался с варварством и духовным отступничеством. Говорилось также о значительных усилиях, предпринимаемых императором, для сохранения мира. Война преподносилась духовенством как «тяжкое

³ Отклики Русской земли на царское слово о войне с Японией. С. 3 — 4.

⁴ Там же. С. 98 — 99.

⁵ Государственный архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 82. Оп. 1. Д. 1113. Л. 48.

⁶ Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 822. Л. 2.

испытание Божие». Японцы назывались «народом языческим и не ведающим истинного Бога». Поэтому этот вооруженный конфликт представлялся как «война царства света с царством тьмы и Христа с велиаром»⁷. В проповедях также подчеркивалось, что «Бог избрал Россию для посрамления языческой гордыни», а целью войны является, прежде всего, защита достоинства страны⁸.

Священники призывали верующих молиться за успехи армии, за здоровье призывников, а также за царя и Отечество⁹. Важной частью общественной жизни становились молебны: их проводили в храмах, домах и на открытых площадках перед солдатами с целью поднять боевой дух и укрепить моральный настрой. Также духовенством велись беседы с населением как внутри церковных стен, так и вне их, в селах и городах, что способствовало формированию единства и патриотизма среди граждан. Например, в феврале 1904 г. в с. Тойси Буинского уезда в земской школе священник встретился с крестьянами и предложил им сделать посильные пожертвования на нужды армии и флота, а также помочь больным и раненым воинам. Эта инициатива, отмечал современник, вызвала радостную готовность оказать помощь и поддержать защитников Родины¹⁰. Кроме того, священнослужители регулярно информировали людей о боевой обстановке, делились новостями о ходе военных действий, чтобы способствовать укреплению патриотизма и веры в скорую победу.

Религиозные идеи использовались и для оправдания жертвенности солдат. Как известно, жизнь воина полна различных лишений и опасностей. Священнослужители утверждали, что на это не следует роптать. Главное — иметь бесстрашие в борьбе с врагом, а если суждено погибнуть за царя и Отечество, то на небе «можно будет обрести вечное блаженство, уготованное мученикам» и тем самым спасти свою душу¹¹. Духовенство часто приводило в пример адмирала С. О. Макарова, погибшего на броненосце «Петропавловск» в Порт-Артуре, рассказ о котором вызывал у прихожан слезы. По многочисленным просьбам верующих по нему часто служились панихиды¹².

Для формирования положительного восприятия войны населением России, в том числе и чувашами, государственные органы активно использовали печатные издания. Заметное влияние на чувашей оказывали такие газеты, как «Казанские губернские ведомости» и «Симбирские губернские ведомости». В них публиковались новости о боевых действиях, подчеркивалась героическая борьба русской армии, рассказывалось о мужестве и героизме солдат. Особое значение имело распространение пропагандистских материалов, направленных на укрепление патриотического духа. В газете «Симбирские губернские ведомости», в частности, был выделен специальный раздел «Беседы о войне», в одной из публикаций которого развенчивались провокационные слухи о гибели русского флота¹³.

Важную роль в формировании общественного мнения и поддержании морального духа неграмотного сельского населения играло распространение ин-

⁷ Чувашский край в период Русско-японской войны 1904 — 1905 гг. Д. 26.

⁸ ГИА ЧР. Ф. 44. Оп. 1. Д. 822. Л. 2.

⁹ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 204. Л. 217.

¹⁰ Чувашский край в период Русско-японской войны 1904 — 1905 гг. Д. 8.

¹¹ Там же. Д. 26.

¹² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 204. Л. 217; Местный отдел // Казанские губернские ведомости. 1904. № 39. 15 апреля. С. 3.

¹³ Беседы о войне // Симбирские губернские ведомости. 1904. № 12. 14 февраля. С. 4.

формации из прессы духовенством. Священнослужители не только передавали прихожанам содержание публикаций, разъясняли их смысл, но и подчеркивали важность материальной и моральной поддержки воинов. Например, в с. Тойси Буинского уезда священник выписывал газеты «Дружеские речи», «Русское чтение» и журнал «Кормчий». Крестьяне собирались у кого-нибудь дома для ознакомления с содержанием этих изданий, обсуждая важные новости и события¹⁴.

Особое значение для чувашей имели издания Православного миссионерского общества на чувашском языке: «Православный воин Божий», «Георгий Победоносец» и др. [5, с. 355]. Эти материалы были особенно важны для тех, кто не владел русским языком, поскольку они позволяли получать информацию и духовную поддержку на родном языке. Благодаря этим изданиям чувашаи лучше могли понять смысл происходящих событий, укрепиться в патриотических чувствах.

В результате на начальных этапах войны у многих представителей чувашского народа наблюдались искренний патриотизм и готовность защищать свое Отечество. По мнению Н. В. Никольского, благодаря регулярному участию в вооруженных конфликтах и периодическим военным столкновениям у чувашей сложилась традиция религиозно-патриотического отношения к военной службе, которое основывалось на глубокой вере в Бога, чувстве долга и преданности своему народу. Исследователь приводит цитату из письма чуваша из Козьмодемьянского уезда от 23 октября 1904 г.: «Я нынче присва (на призыве) был, “Господа Бога доброго здоровья” (Благодаря Господу Богу нахожусь в добром здоровье). “Слава Богу, солдат” (в солдаты) “приняли”». Другой чуваш из д. Юрмекейкино Ядринского уезда переживал о том, что не успеет вылечить больную ногу до призыва и говорил: «Хоть бы до солдатства зажила, а то какой я воин!». В д. Руковкино Ядринского уезда в одной чувашской семье заболел сын, и мать молилась за него такими словами: «Господи, Господи, не остави, помилуй. Да будет он (болящий) годным (для службы) царю» [5, с. 356]. Таким образом, в начальный период вооруженного конфликта чувашаи восприняли его с воодушевлением и искренне верили в скорую победу над врагом.

Воспоминания участников войны дают яркое представление о внутренней динамике ее восприятия: молодые люди романтизировали военную службу как приключение или возможность проявить мужество, увидеть мир. Например, в воспоминаниях уроженца с. Тенево Ядринского уезда, участвовавшего в обороне Порт-Артура, Сергея Григорьева мы читаем, как он втайне молился о том, чтобы его призвали в армию. Он практически не думал о возможных опасностях и рисках¹⁵. Обращает на себя внимание тот факт, что Сергей в Шихранах впервые в жизни увидел поезд и железный мост. Безусловно, учитывая крайне невысокий кругозор молодого человека и большинства его сверстников, о каком-либо сознательном отношении к войне говорить не приходилось. Почти все они имели весьма отдаленные представления о государстве Япония, а многие и не знали о его существовании. Также важно отметить, что Сергей Григорьев в то время даже не владел русским языком¹⁶.

В отличие от молодежи некоторые представители старшего поколения испытывали страх перед военной службой и даже в мирное время не желали отпущать

¹⁴ Чувашский край в период Русско-японской войны 1904 — 1905 гг. Д. 8.

¹⁵ Там же.

¹⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 240. Л. 76.

детей в армию, считая, что «солдатская жизнь трудная, не зря солдаты плачут, говорят, что они немало хлебнули горя»¹⁷. Об этом свидетельствует трагичное восприятие ими известия о начале Русско-японской войны. Привыкшие к сельскому труду находившиеся в запасе чуваша сильно переживали: многие из них стали употреблять алкоголь, плакать и петь грустные песни, чтобы заглушить страх и отчаяние. По данным Н. В. Никольского, они утешали себя и других односельчан такими словами: «Страшно за себя, но защищать Отечество нужно. Царь знает, что делает. Повелел воевать с японцем, стало быть, так нужно». «Если погибнет солдат, стало быть, так определил Бог и Пюлих (вестник Бога); останется жив, стало быть, не пришел его час» [5, с. 363].

Более четкое формирование образа врага происходило благодаря непосредственному контакту с ним во время боевых действий. Так, основной мотивацией для вышеупомянутого Сергея Григорьева, как и для его сослуживцев, оказавшихся на войне, стало, прежде всего, желание выжить. Японцы воспринимались чувашскими солдатами как бездушная сила, стремящаяся их погубить. Описывая один из боев, Сергей пренебрежительно называл японцев «косоглазыми», что выражало его резко негативное отношение¹⁸. Такое восприятие японцев усилялось тяжелыми условиями боя и ощущением опасности, а также служило средством оправдания жестокости и суровости военных действий. Кроме того, оно способствовало повышению боевого настроения и стремления защищать Родину.

Попав в плен, солдат-чуваш описывает ненависть к «русским» не только со стороны японских солдат, но и со стороны мирного населения, которое бросало в них камни и даже бомбы. Такие проявления враждебности свидетельствовали о глубоком недоверии и неприязни к военнопленным, что усугублялось тяжелыми условиями содержания и психологическим давлением. Впоследствии, когда жизнь пленных улучшилась, тон повествования изменился. Сергей Григорьев отмечает, что жить в Японии «очень хорошо», рассказывает о климате («хорошем воздухе»), занятиях японцев, их культуре и традициях. Он упоминает о низких ценах в магазинах¹⁹. Эти перемены в восприятии отражали изменение настроения и отношение к жизни за границей, а также свидетельствовали о том, что некоторые пленные находили в японском обществе свои плюсы и возможности для адаптации.

Со временем патриотизм, который преобладал в начале войны, уступил место унынию и разочарованию. Особенно остро это ощущалось после крупных поражений русской армии, когда люди начали осознавать реальную ситуацию — война приносит не только славу, но и тяжелые потери (об этом свидетельствуют воспоминания современников, например, жителя одной из чувашских деревень Буинского уезда)²⁰. Имели место чувство безнадежности, даже отчаяние, особенно при мысли о возможной потере близких — сына, брата, мужа. Это во многом подтверждает печальный характер проводов на войну. Во время прощаний часто пелись скорбные песни, а некоторые призывники выражали нежелание идти воевать, так как им приходилось расставаться со своими родными, а будущее казалось неопределенным и тревожным. Кроме того, длительное отсутствие кор-

¹⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 240. Л. 73.

¹⁸ Аналогичное слово «squinteyes» (досл.: косоглазые) использовали и американские солдаты, воюя с японцами во время Второй мировой войны.

¹⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 240. Л. 93.

²⁰ Там же. Ед. хр. 157. Л. 57 — 58.

мильцев отрицательно сказывалось на благосостоянии семей. Разумеется, все это не могло радовать и вселять оптимизм. Такие настроения нашли отражение и в чувашских рекрутских песнях того периода, в которых пелось о том, как «тяжела солдатская служба» [5, с. 355]. Конечно, речь не шла о реальной ненависти или даже антипатии к японцам. В данном случае образ врага служил своего рода громоотводом для негативных эмоций и внутреннего напряжения²¹.

Не добавляли оптимизма и многочисленные людские потери на войне, появление калек, рассказы вернувшихся солдат, а также антивоенная и революционная агитация. Все это способствовало осознанию истинных причин и сути вооруженного конфликта, который велся где-то «за тридевять земель», что также привело к изменению настроений среди чувашей. Чувашские крестьяне стали собираться группами для чтения антиправительственных листовок и антивоенных бесед, обсуждения насущных вопросов и политических свобод. Об этом свидетельствуют, например, данные, записанные в церковной летописи с. Байгулово Чебоксарского уезда: «Народ открыто стал восставать против существующих порядков в государстве. Появились и газетные статьи, в которых выражалась необходимость преобразования государственного строя, свободы печати... Простолюдины вместе с интеллигентными лицами собирались на улицах и производили разные беспорядки... читали разные прокламации и пели революционные песни...»²². Некоторые молодые люди дезертировали из армии или избегали призыва, о таких случаях публиковались заметки в губернской прессе²³. В то же время в средствах массовой информации наблюдалось снижение количества сообщений о пожертвованиях на военные нужды. В основном они носили частный характер и предназначались для лечения больных и раненых воинов. Сочувствие жертвам войны стало преобладать над ранее доминировавшим желанием скорой победы над врагом. Кроме того, стало меньше публиковаться статей патриотического характера.

Отношение чувашей к Русско-японской войне также нашло отражение в литературе начала XX в. В этот период она превращалась в важную площадку для выражения народного недовольства, надежд и стремлений. Образы войны часто служили средством обличения социальной несправедливости и политики власти. Писатели и поэты в своих произведениях подчеркивали ущерб, который вооруженный конфликт причинял крестьянам, оторванным от земли и семьи, а также горе, приходившее в каждый дом. Они осуждали царское окружение и богатые слои населения за наживу на страданиях простых людей. Антивоенная тема прослеживается, например, в брошюрах Н. М. Кедрова и в поэме Т. К. Кириллова «Пуляшър» («Помогите») [4, с. 27 — 28].

Заключение

Таким образом, Русско-японская война оказала влияние на внутреннее состояние чувашей. В начале конфликта наблюдался высокий уровень патриотизма, во многом сформированный священнослужителями, средствами массовой информации и пропагандистскими материалами, создававшими положительный образ войны и оправдывавшими участие России в боевых действиях. Однако со временем отношение к войне изменилось под воздействием поражений русских войск,

²¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 240. Л. 73.

²² История Чувашской АССР. Т. 1. С. 184; История Чувашской АССР. Вып. II. С. 136.

²³ Розыск // Симбирские губернские ведомости. 1905. № 2. 8 января. С. 2.

тяжелых потерь и ухудшения условий жизни населения. Люди становились более критичными к власти и политике, их вера в победу ослабевала, преобладали разочарование и недоверие. Образ врага также трансформировался от первоначально нейтрального отношения до объекта ненависти и страха. Эти изменения отражали глубокий внутренний кризис, вызванный не только военными неудачами, но и ростом осознания социальных проблем, несправедливости и необходимости перемен. В итоге Русско-японская война послужила катализатором формирования новых взглядов на власть и общество, способствовала развитию революционных настроений и подготовила почву для революции 1905 — 1907 гг. Внутренние противоречия, вызванные этим вооруженным конфликтом, усилили недовольство существующим порядком и способствовали активизации общественного движения за реформы и изменения в политической системе страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гладкая Е. А. Русско-японская война в сознании широких слоев населения России в начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки: научно-образовательный и прикладной журнал. 2008. № 3. С. 68 — 73.
2. История Чувашской АССР. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1966. 259 с.
3. История Чувашской АССР. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. 285 с.
4. История чувашской литературы XX века. Ч. 1 (1900 — 1955 годы): коллективная монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 432 с.
5. Никольский Н. В. Взгляд чуваш на воинскую повинность // Никольский Н. В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 355 — 367.
6. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. Москва: РОССПЭН, 2006. 288 с.
7. Холодов В. А. Русско-японская война в восприятии населения Орловской губернии (по данным Орловской прессы) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 4. С. 111 — 123.
8. Шмакова Н. Н., Гришакова Л. В. Восприятие Русско-японской войны 1904 — 1905 гг. Оренбургским провинциальным обществом // Оренбургский край как историко-культурный феномен. Десятые Большаковские чтения: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2 т. Т. 1. Оренбург: Оренбург. гос. пед. ун-т, 2020. С. 211 — 216.

REFERENCES

1. Gladkaya E. A. The Russo-Japanese war in the minds of the broad strata of the Russian population in the early twentieth century. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. The North Caucasus region. Social Sciences: scientific, educational and applied journal.* 2008;3:68 — 73. (In Russ.)
2. History of the Chuvash ASSR. Vol. 1: From ancient times to the Great October Socialist Revolution. Cheboksary;1966:259. (In Russ.)
3. History of the Chuvash ASSR. Vol. 1. Cheboksary;1983:285. (In Russ.)
4. The history of Chuvash literature of the twentieth century. Part 1 (1900 — 1955): collective monograph. Cheboksary;2015:432. (In Russ.)
5. Nikolsky N. V. The Chuvash view of military service // Nikolsky N. V. Collected works. In 4 volumes, vol. 1. Works on ethnography and folklore of the Chuvash people. Cheboksary;2004:355 — 367. (In Russ.)
6. Senyavskaya E. S. Russia's opponents in the wars of the twentieth century: the evolution of the "enemy image" in the minds of the army and society. Moscow;2006:288. (In Russ.)
7. Kholodov V. A. The Russian-Japanese war in the perception of the population of the Orel province (according to the Orel press) // Scientific Notes of the Orel State University. The series "Humanities and Social Sciences". 2011;4:111 — 123. (In Russ.)
8. Shmakova N. N., Grishakova L. V. Perception of the Russian-Japanese war of 1904 — 1905. Orenburg Provincial Society // Orenburg region as a historical and cultural phenomenon. The tenth Bolshakov readings: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. In 2 volumes, vol. 1. Orenburg;2020:211 — 216. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.12.2025;
одобрена после рецензирования 09.02.2026; принята к публикации 09.03.2026

Информация об авторе:

Смирнова Наталья Борисовна, научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),
кандидат исторических наук,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5483-3840>, da777L@yandex.ru
Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 29.12.2025;
approved after reviewing 09.02.2026; accepted for publication 09.03.2026

Information about the author:

Natalia B. Smirnova, researcher at the Chuvash State
Institute of Humanities (29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),
Candidate of Historical Sciences,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5483-3840>, da777L@yandex.ru
Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 29.12.2025 ҫитнӗ;
рецензиленӗ хыҫҫӑн 09.02.2026 ырланӑ; 09.03.2026 пичете йышӑннӑ

Автор ҫинчен:

Смирнова Наталья Борисовна, Чӑваш патшалӑх
гуманитари аслӑлӑхӗсен институчӗн сотрудникӗ
(428015, Раҫҫей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.)
истори аслӑлӑхӗсен кандидачӗ,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-5483-3840>, da777L@yandex.ru
Пайталӑх конфликчӗ: автор пайталӑх конфликчӗ ҫуккине пӗлтерет.
Автор ал ҫырӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.

УДК 811.512.111'36
ББК 81.635.1-2

Аслăлах статийи

**«ХЫПАР» ЧĂВАШ ЧĔЛХИН ТЫТĂМНЕ
ЕПЛЕ ПĂХĂННИ СИНЧЕН**

Ю. М. Виноградов

Чăваш Республикин вĕренÿ институчĕ,
Шупашкар хули, Раççей
jurijvin46@mail.ru

Аннотаци. Статьяра чăвашсен «Хыпар» хаçатĕнче тĕл пулакан паллăрах йăнăшсене тишкернĕ. Йăнăшсем, тĕпрен илсен, чăваш чĕлхи граммастикин нормисене пăхăнманнипе сыхăннă. Ку вăл — суклăха, ыйтăва, нумайлăха, иртнĕ вăхăта палăртма пĕлменни, глагол-сăр предложенисемпе вырăнсăр усă курни, яланхи вырăна кăтаргас вырăнне япала ячĕсем сÿмне вăхăтлăх вырăн пĕлтерешлĕ *-ри (-ти, -чи)* аффикс лартни, сыхăну мелĕсемпе сăмахсен пĕлтерешне шута илменни. Курăмлă лексика йăнăшĕ тесе сăмахсене пĕр-пĕринпе пăтраштарнине каланă. Автор хаçатçăсене орфографин уйрăм сырас сÿлĕ сине хăюллăрах куçма чĕнет. Сыпăнчăклă текстсем тунă чухне сиксе тухакан тĕрлĕрен йăнăша тишкерет. Автор сирĕплетнĕ тăрăх, йăнăшĕсенчен ытларахăшĕ хаçат ёçтешĕсен шухăшлавĕ вырăс чĕлхин пысăк витĕмĕнче пулнипе сыхăннă.

Тĕп сăмахсем: йăнăш, грамматика, суклăх, пурлăх, нумайлăх, аффикс, пĕлтереш, орфографи, уйрăм сыру, текст, сыпăнчăклă текст

Цитатăлама: Виноградов Ю. М. «Хыпар» чăваш чĕлхин тытăмне епле пăхăнни синчен // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 1 №. С. 42 — 49

© Виноградов Ю. М., 2026

Научная статья

**О СТЕПЕНИ ОТРАЖЕНИЯ СТРУКТУРЫ
ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА В ГАЗЕТЕ «ХЫПАР»**

Ю. М. Виноградов

Чувашский республиканский институт образования,
г. Чебоксары, Россия
jurijvin46@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются наиболее заметные ошибки, встречающиеся в чувашской газете «Хыпар». Большинство ошибок связаны с нарушением грамматических норм чувашского языка. Это — неправильное выражение отрицания, вопроса, множественности, прошедшего времени, использование безглагольных предложений вместо глагольных, употребление в качестве показателя постоянного состояния аффикса *-ри (-ти, -чи)*, обозначающего временное место, путаница в использовании синтаксических аффиксов в связи с незнанием слов. Как явная лексическая ошибка рассмотрено употребление одного слова вместо другого. Автор призывает быть смелее в переходе к раздельному написанию некоторых словосочетаний. Также отмечены ошибки в выстраивании связных текстов. Те или иные недостатки, главным образом, появляются под влиянием структуры русского языка на мышление говорящего и пишущего.

Ключевые слова: ошибка, грамматика, отрицание, утверждение, множество, аффикс, значение, орфография, раздельное написание, текст, связный текст

Для цитирования: Виноградов Ю. М. О степени отражения структуры чувашского языка в газете «Хыпар» // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 1. С. 42 — 49

Scientific article

ABOUT THE DEGREE OF REFLECTION OF THE STRUCTURE OF THE CHUVASH LANGUAGE IN THE NEWSPAPER “KHYPAR”

Yu. M. Vinogradov

Chuvash Republican Institute of Education
Cheboksary, Russia
jurijvin46@mail.ru

Abstract. The article analyzes the most notable errors found in the Chuvash newspaper “Khypar”. Most of the errors are related to a violation of the grammatical norms of the Chuvash language. This is an incorrect expression of negation, Auestion, multiplicity, past tense, the use of verbless sentences instead of verb sentences, the use of the affix *-ri (-ti, -chi)* as an indicator of a permanent state, denoting a temporary place, confusion in the use of syntactic affixes due to ignorance of words. The use of one word instead of another is considered as a clear lexical error. The author urges to be bolder in the transition to separate spelling of some phrases. Errors in building coherent texts were also noted. These or other disadvantages mainly appear under the influence of the structure of the Russian language on the thinking of the speaker and the writer.

Keywords: error, grammar, negation, statement, set, affix, meaning, spelling, split spelling, text, coherent text

For citation: Vinogradov Yu. M. About the degree of reflection of the structure of the Chuvash language in the newspaper “Khypar” // Modern humanities. 2026;2(1):42 — 49

Кўртём

Чăвашла тухакан хаçат-журналăн тата ытти информаци хатĕрĕсен сырупа пуплев манерĕ пирки калаçма ятарласа конференци тахçантанпах ирттермен, халь вара малашлăха еплерех çулпа яраси пирки шухăшласа пăхма тиветех пулас.

Тĕпчев материалĕсем тата меслечĕсем

«Хыпар» издательство сурчĕ каларакан «Хыпар» тата ытти хăш-пĕр хаçата вуланă май эфир унăн ёстешĕсем тăрăшса ёсленине те, вĕсен мĕнле йывăрлăхсем пуррине те асăрхама тăрăшатпăр. Пĕр вăхăт хаçат пысăк материалсене кăмăлланипе палăрчĕ. Паян ун страницисенче материал чылай йышлине, çавна май вĕсем информаци енчен пуяннине курайтпăр. Курăмлă йăнăшсене асăрхасан эфир вĕсене тишкерсе редакцие сýрса пĕлтерсе пыратпăр. Ку ёç 2022 сýлтанпа пырат. Сýрусем хатĕрленĕ май пуçтарăннă материала эфир халь пĕтĕмлетýллĕ тишкерсе парăпăр.

Тĕпчев результатĕсем, вĕсене сýтсе явни

Йăнăшсем, тĕпрен илсен, чăваш чĕлхин грамматикин нормисене пăхăнманнипе пулаççĕ. Вăл йăнăшсенчен пĕрисем пĕтсе пыраççĕ, теприсем каясшăнах мар, сĕнĕрен тупăнаканнисем те пур.

Хальхи вăхăтра манăçа тухма пуçланă йăнăшсенчен суклăха, ыйтăва тата нумайлăха палăртассипе сыхăннисене асăнма юрат. «Хыпарпа» унăн сумĕнчи хаçатсенче вĕсене 2022 сýлта та, унчен те асăрхатăмăр. Тĕслĕхрен, «Хресчен сасси» хаçатăн 2022 сýлхи пуш уйăхĕн 2-мĕшĕнче тухнă номерĕнче (8-мĕш стр., «Кулаш — ёсре пулаш») суклăха палăртассипе сыхăннă харăс икĕ йăнăш тĕл пулат:

1) — *Кин, вьлăха апат патăн-и?*

— *Сук: ывăлу сывăрать-иç.*

2) — *Вова, эсэ урокусене хатёрлетён-и?*

— **Сук.**

Пёрремеш текста: «**Сук, пamarам-ха: ывалу сывайрать-иç**», — темелле. Иккёмешёнче «**Сук, хатёрлеместён**» предложени кирлэ.

2022 сұлхи су уйахён 6-мешёнче тухна «Хыпар» номерёнче «Ёненетёр-и е сук-и?» ятлă рубрика пурччэ. Ячэ чăваш чёлхин грамматикин тытамне тивёстермест. Ку йанаша сав сулах «Хыпаран» су уйахён 27-мешёнче тухна номерёнче (13-меш стр.) тата ячэç: «*Ёненетёр-и е сук?*». Тёрес вариант «*Ёненетёр-и, ёненместёр-и?*» пулмалла.

Малалла «Хыпарта» асарханă йанашсенчен иккешён пирки калашу пулэ. Вёсем вырăсла шухайшласа сырнипе пулна, грамматика йанашё шутланаççэ.

1. 2022 сұлхи су уйахён 20-мешёнчи «Хыпар» номерён «Кулаш картинче» (13-меш стр.) сакнашкал диалог пур:

— *Шыва кёме юрататан-и?*

— **Сук.**

Ку төслэхре суклаха төрес палартман. Чăвашла «**Сук, юратмастай**» темелле. Кун йышши йанаш каярах сахалланчэ, сапах пач тасалса пётеймерэ. 2024 сұлта сурла уйахён 1-мешёнче тухна номерте суклаха сыханна йанаш тепёр хут тел пулать:

— *Уйрална хысçан эсэ тата авланасиан-и? — ыйтать арэмэ.*

— **Сук.**

Хуравра «**Сук, авланасиан мар**» темелле.

2024 сұлта сёртмен 27-мешёнче тата утă уйахён 4-мешёнче тухна номерсенче суклаха вырăсла палартна төслэхсем сине-сине тел пулаççэ:

1) — *Хир сысни тытран-им?*

— **Сук.**

2) — *Компасан тепёр енчи төкёрэ мён тумалли, пёлетён-и?*

— **Сук.**

Хуравсенче суклаха паллилэ сказуемай хушса хумалла: *сук, тытмарам; сук, пёлместён.*

Суклаха палартассинчи йанашсен шутне суклаха мелне сказуемайран уйарса ытти самахсем сумне кусарнине те кёртмелле: *Ахальтен мар искусстван сак төсэ пурнаçра хайён тивёслэ выранны тупна* («Хыпар», 2025.11.25). Суклаха чăвашла палартна чухне **сказуемай яланах сукла формара пулмалла**. Суклаха катартакан меле урăх вырăна кусарни грамматика йанашё шутланать.

Тепёр чухне сук самаха каласан та, каламасан та юрать, мёншён тесен суклаха, сказуемайра глаголан сукла формипе пёрре палартнаскер, сухалмасть. Танл.: *Памарам-ха. Хатёрлеместён. Ёненместёр-и? Авланасиан мар. Сук самаха хушса хуни суклаха вайлатать анчах. Маларах катартна диалогсенчи сук самахран анчах таракан предложенисем йанаш, кунашкалли вырăсла шухайшласа калаçнипе е сырнипе пулать.*

Суклаха хирёс пурлаха тарать. Ку категорипе сыханна йанаш та вырăс чёлхин витёмёнчен килет, мёншён тесен пирён те вырăссем: «*Да!*» — тени хысçан кайса *сапла* самахпа усă курас йала пур. Акă «Кил-сурт, хушма хушалăх» хаçатри (2024.07.25) диалога пăхяр:

— *Алло, ку радио-и?*

— *Сапла.*

Автор вырăс чёлхин лексикин тытамне кăна шута илнэ, грамматикине асархамасяр хаварна. Хурав репликара: «*Ку — радио*», — темелле пулна.

Бйтава палартассинчи йанашсене «Хыпарпа» сүмөнчи хаҗачәсем, тәпрен илсен, сүкләхпа сыхәннисемпе пәр вәхәтра туса пычәҗ. Акә 2022 сүлта сү уйәхән 27-мәшәнче тухнә «Хыпарта» Юхма Мишшипе калаҗнине пичетленә. Унта «*Сәвә е роман җырма лайәхрах?*» предложенипе усә курнә вырән пур. Кун пек каланин тәсләхне автор вырәссенчен илнә: «*Что лучше писать: стихотворение или роман?*» Бйтава чәвашла тәрәс палартас тесен кам? аҗта? мәншән? йышши ятарлә бйту сәмахәсем тата -и, -им, -ии, -иим татаксем кирлә. Җавәнпа: «*Мән җырма лайәхрах: сәвә җырма-и е роман җырма-и?*» — тенине ним те җитмест.

Нумайләха палартассипе сыхәннә йанашсем, эфир асарханә тәрәх, маҗарлә органсене пәлтерекен куҗ, ура, алә, хәлха, тута йышши сәмахсемпе пулаҗҗә. Акә 2025 сүлта ака уйәхән 3-мәшәнчи «Кил-сүрт, хушма хуҗаләх» хаҗат «*Куҗсем лашана шыраҗҗә*» предложенипе усә курнә. Тәп членсем иккәшә те нумайлә хисепре тәни йанаш иккенә чәвашла лайәх пәлекен җынна тӯрех курәнәт. Җакна юнашар «*Ура мәншән иянанәт?*» тәрәс предложени пурри пушшех пысәклатать.

Хутшәнтура час-час тәл пулакан йанаш — автор хәйәнпе мән пулса иртни җинчен каласа панә чухне предложенин глагол сказуемәйне **иртнә причасти** формине лартни. Тәсләхрен, 2025 сүлән сү уйәхән 30-мәшәнче тухнә номерте «Тәрәшакан валли яланах сүл усә» материал (11-мәш стр.) пичетленсе тухрә. Унта Ираида Матянова учительница хәйәнпе сыхәннә пуламсем җинчен җине-җинех глаголән иртнә причасти формипе усә курса каласа парать: *Эпә конкурссенче җәнтеркеленә. Җак асталәха хам тәллән вәреннә. Пулшакан никам та пулман* т. ыт. те. Куншән Ираида Матянова хәй те айәплә паллах, анчах явапләха редакци җинчен сирсе яма кирлә мар. Тәрәс калас тәк: «*Эпә конкурссенче җәнтереттәм. Җак асталәха хам тәллән вәрентәм. Пулшакан никам та пулмарә*», — темелле. Иртнә причасти формии калакан хәй җинчен сәмахланә чухне хәҗан тата аҗта суралнине пәлтернә самантра кәна вырәнлә, мәншән тесен җын хәй суралнине курмасть, ас та тумасты. Тәсләх: *Эпә 1946 сүлта кәрләчән 1-мәшәнче суралнә.*

2. Грамматикапа сыхәннә тепәр җитменләх — **глаголсәр** предложенисене хальхи вәхәт пәлтерәшәпе мар, пулас вәхәт пәлтерәшәпе калани. Сәмахран, Н. Смирнова Н. В. Никольский суралнә кунә җинчен калакан материалта (Хыпар, 2022.05.20, 3-мәш стр.) «*Җитес сүл — Николай Никольский суралнәранпа 145 сүл*» предложени тәл пулатъ. Кунта пулас вәхәта хальхи вәхәта пәлтерекен глаголсәр предложенипе палартас тенә. Чәвашла калас тесен глагол кирлә: «*Җитес сүл Николай Никольский суралнәранпа 145 сүл пулатъ*» е «*2023 сүлта Николай Никольский суралнәранпа 145 сүл җитет*».

«Хыпар» хаҗатән 2024 сүлән сүрла уйәхән 30-мәшәнче тухнә номерән пәрремәш страницин юлашки йәркинче шул ачисене саламласа редакци икә предложени җырна: «*“5” палләсем кәна сунатпәр! Пәлү кунә ячәпе!*». «*Пәлү кунә ячәпе!*» предложение икә майлә әнланма пулатъ: 1) «*Пәлү кунә ячәпе “5” палләсем кәна сунатпәр!*» тесе (танлаштарәр: «*Эпә сана кәтрәм. Кунәпе*»); 2) вырәссем «*С Днем знаний!*» тенине сәмахән-сәмахән чәвашла куҗарнә тесе.

Вырәсла шухәшласа җырнашән айәпласран хаҗат әҗтешәсен «*Пәлү кунә ячәпе “5” палләсем кәна сунатпәр!*» йышши предложенисемпе җине-җине усә курмаллаччә те: «*Пәлү кунә ячәпе саламлатпәр! “5” палләсем кәна сунатпәр!*» — тени җитетчә.

Пире «*Еҗе — халәх йәлисемпе киләиүллә илемлә җи-пуҗпа*» предложени те («Хыпар», 2025.11.26) киләшмест. Әна вырәссем: «*На работу — в красивой одежде в соответствии с обычаями народа*», — тенине кура тунә. Кунсәр пуҗне «*халәх йәлипе*» темелле: пәрреллә хисеп кирлә. Тәрәс тусан предложени акә

епле илтёнмелле пек: «*Ёҫе халӑх йӑллипе килӗшӱллӗ илемлӗ ҫи-пуҫна пырӑпӑр*». Вырӑссен «*в соответствии с обычаями народа*» сӑмахӑсем предложенин ытти сӑмахӑсемпе пӗтӗмӗшлӗн ҫыхӑннине пӑхсан чӑвашла вариантра «*халӑх йӑллипе килӗшӱллӗ*» сӑмахсене чарӑну паллисемпе уйрӑмлатас пулать. Уйрӑмлатманни «*халӑх йӑллипе килӗшӱллӗ илемлӗ ҫи-пуҫ*» тенине пӗлтерет.

Сӑмах май, «Хыпар» хаҫата кура пулас, Чӑваш радиовӗ: «*Температура 5 градус сивӗ пулать. Юр ҫумасть. Ҫулсем пӑрлак*», — тесе киленет. Кунта «*Ҫулсем пӑрлакланаҫҫӗ*» предложени кирлӗ.

Грамматикана пӗлменнипе тӑвакан йӑнӑшсенчен вырӑссен **в** предлогӗ тата паллӑ ячӗ тӑвакан *-ский (-ская, -ское)* тата ытти суффикссем вырӑнне хаҫат-журналта, вӑл шутра «Хыпарта» та, *-ри (-ти, -чи)* аффикспа тӑтӑш уҫӑ курнине каламалла. Йӑнӑш ытла кӑнттам пулнине уйрӑмах географи объектӗсен ячӗсенче курма пулать.

Халь *Хусан университетӗ, Чӗмпӗр чӑваш шкулӗ, Канаши педагогика училищи* теме пӑрахрӗҫ. Вӗсем *Хусанти университет, Чӗмпӗрти чӑваш шкулӗ, Канашири педагогика училищи* пулса тӑчӗҫ. Ку йышши йӑнӑшӑн сӑлтавӗсем хаҫат ёҫтешӗсен чӗлхе туйӑмӗпе кӑна ҫыхӑнман. Йӑнӑш хай тымарне вун-вун ҫул ёлӗкрех янӑ темелле. Акӑ статьясемпе кӗнекисене вырӑссене пӑхса «*Деепричастие в чувашском языке*», «*Обособление в чувашском языке*», «*Конструкции с прямой и косвенной речью и несобственно-прямая речь в современном чувашском литературном языке*» тесе ят паратӑмӑр та чӑвашла ҫырма тӑрсан *чӑваш чӗлхинчи* тени вырӑнсӑр иккенне асӑрхамастӑмӑр. Совет саманинче ялта ушкӑн ёҫне ертсе пыракан ҫын *колхоз председателӗчӗ*, колхозниксем вара *колхозричӗ*: «*Ёҫ патӑрӗ*» *колхоз председателӗ*, анчах «*Ёҫ патӑрӗ*» *колхозри механизатор*. Ку йӗркен вӑйӗ паян кун тепӗр хут чӗрӗлчӗ курӑнать. Пире тимлӗ пулма хистекен чи пӗлтерӗшлӗ сӑлтав вӑл — пирӗн чӗлхен камӑнлӑх форми пурри. Камӑнлӑх форми вырӑсла чаплӑ калаҫма вӗреннӗ ҫынна чӑрмав кӑна кӱрет пулас. Эппин, информаци хатӗрӗсенче ёҫлекенсен хайсен чӑвашла пуллевне ятарласа аталантармалла. Куҫаруҫӑн икӗ чӗлхене те лайӑх пӗлме тивӗҫ пурри ҫинчен Раҫҫей Президенчӗ В. В. Путин «*Ҫын тӑвакан интеллект тӗнчинче иртекен ҫул ҫӱрев*» конференцире (2025.11.19–21) ахальтен каламарӗ.

«Хыпарта», ытти хаҫат-журналта тата радиопа телевиденире ку е вӑл учрежденин адресне кӑтартма тесе уҫӑ куракан **-ти** аффикс вӑл ҫын миҫе ҫула ҫитнине кӑтартнӑ чухнехи аффикс майлӑ, анчах ӑна туллин саплаштараймасть. Ҫын мӗн чухлӗ пурӑннине пӗлтерме кирлӗ **-ти** аффиксӑн улшӑнса тӑнине палӑртакан пӗлтерӗшӗ пур. Акӑ *вун саккӑрти хӗр* тени хӗр ӱсӗмпе вун ҫиччӗпе вун тӑххӑр хушшинче пулнине пӗлтерет. Вун саккӑр тултарсан хӗр вун тӑххӑра куҫать те пӗр ҫул хушши вун тӑххӑрта пурӑнать. Ҫавнашкал майпа вӑхӑт пӗр тапхӑртан тепӗр тапхӑр улшӑнса малалла шӑвать. Ҫак улшӑнупа куҫу пӗлтерӗшӗ **-ти** аффикса яланхи вырӑн пӗлтерӗшӗпе уҫӑ курасран асӑрхаттарать, мӗншӗн тесен эфир шухӑшлакан объект хай вырӑнне улӑштармасть. Акӑ «*Йӗпреҫ округинчи Чӑваш Тимеш ялӗнче пурӑнакан Лариса Анисимова “Раҫҫейӗн ылтӑн пылӗ” конкурса хутиӑннӑ*» («Хыпар», 2025.11.25) предложенире *Йӗпреҫ округинчи* тени вырӑнсӑр, мӗншӗн тесен Чӑваш Тимеш ялӗ пӗр ҫӗртен тепӗр ҫӗре куҫса ҫӱремest, хай вырӑнне улӑштармасть. Куҫу округ чикки улшӑнсан кӑна пулма пултарать¹.

-Ти (**-ри, -чи**) аффикспа пӗлсе уҫӑ курмасан шухӑш енчен пӑтравлӑх та сиксе тухать. Тӗслӗхрен, 2025 ҫулхи чӱк уйӑхӗн 21-мӗшӗнче тухнӑ номерте (16-мӗш стр.)

¹ Виноградов Ю. М. Эсир ӑҫтан, миҫере? // Халӑх шкулӗ = Народная школа. 2025. № 5. С. 64.

«*Çак кунсенче К. В. Иванов ячёллĕ Чăваш патшалăх драма театрĕн сцени сĕнче Чăваш, Калмак, Алтай, Мари, Саха республикисенчи, Пермь крайĕнчи артистсем хайсен асталăхне кăтартрĕс*» предложени пур. Вулатăн та, пирĕн республика тулашĕнчен килнĕ артистсем пĕр вăхăтрах хайсен тăван сĕрĕнче те, Чăвашра та пулнă пек пулса тухать. Танлаштарăр: *Çак кунсенче К. В. Иванов ячёллĕ Чăваш патшалăх драма театрĕн сцени сĕнче Чăваш, Калмак, Алтай, Мари, Саха республикисен, Пермь крайĕн артистсем хайсен асталăхне кăтартрĕс*.

Тепĕр йышши грамматика йăнăшĕ вăл, пирĕн шухăшпа, ырăссен **сыхăну мелĕсене евĕрлесе пăшалтан пер, ĕсе пурнăçла, инструкции пурнăçла, тăмра сĕнче выля** майлă йăнăшсем тунн. Ку тĕслĕхсенче сăмахсен пĕлтерĕшне пăтраштарнин те курачпăр. Тĕрĕс вариантсем çаксем: *пăшалта пер, ĕс ту, инструкции пăхăн, инструкции (инструкции пăхăнса) ĕсле, тăмра кала*.

Пичетре тăвакан грамматика йăнăшĕ шукул ачисене тĕрĕс сýрма вĕрентме чăрмантарать.

Лексика енĕпе тăвакан пысăк йăнăш, пирĕн шухăшпа, *йĕркеле* сăмахпа ырăссен «организовать» глаголĕн пĕлтерĕшĕпе усă курни. *Йĕркеле* вăл «йĕрке тыт, ертсе пыр» пĕлтерĕшлĕ. «Организовать» тенин пĕлтерĕшне туллинрех *хатĕрлесе ирттер* сăмах майлашăвĕ усă парать. Унна усă курни шанчăклăрах. «Паттăрсене чыслатпăр» информацире («Хыпар», 2025.12.05) *Шупашикарта йĕркеленĕ стрелоксен 324-мĕш дивизийĕ* сăмах майлашăвĕ тĕл пулат. Кунта «организовать» глагола *никĕсле* глаголпа куçарма май пуррине курачпăр, кунашкал контекстра *ту* глагол та ырăнлă пулмалла.

Чылай вăхăт маларах манăса юлнă йăнăшсем каллех чĕрĕлни лайăх мар. Акă 2025 çул вĕçĕнче *ту* глагол ырăнне каллех *пурнăçла* глаголпа усă курма тытăнчĕ. Сăмахран, раштавăн 5-мĕшĕнче тухнă номерте статья ятĕнчех йăнăш янă: «*Юсав ĕçĕсене вăраха ямасăр пурнăçлĕс*» (2-мĕш стр.). Мĕне пурнăçлаççĕ? Шухăшра палăртса хунине: ĕмĕте, тĕллевĕ, плана, программăна т. ыт. те. ĕсе вара тăваççĕ. Çавăнпа та *пурнăçлĕс* тес ырăнне *тăвĕс* темеллеччĕ. Асăннă номерăн 11-мĕш страницине «Ахаль пурăнман, сýнсемшĕн тăрăшнă» материалта курсивпа пичетленĕ *Яваплăх пысăкчĕ, ĕс нумайччĕ, Правительствоăн кашини йышăнăвĕне хушăвне алă пусмаллаччĕ, вĕсене епле пурнăçланине те хамăнах тĕрĕслемеллеччĕ* текст пур. Йышăнăва пурнăçлаççĕ пуль. Хушăва тумалла пек. Çавăн пекех, «Паттăрсене чыслатпăр» материалта «*Пирĕн çар...* (эпир кĕскетрĕмĕр. — Ю. В.) *Мускав хўтĕленў операцине пурнăçланă*» тени пур. «Хыпар» сýннисем «*Мускав хўтĕленў операцине хушăннă*» тесшĕн пулнă пулас.

«Хыпарăн» **орфографие** ĕслемелли те сахал мар паллах. Тĕслĕхрен, хаçат правилăсене вăя кĕртнĕренпе (1994) 30 çул ытла иртсен те *хĕр ача, ар сýн* (уйрăм), *сĕр-шыв* (дефиспа) сýрма паян кун та хăрат. Уйрăмах кун ячĕсем шиклентереççĕ. Вĕсем пирки, тĕрĕссипе, пĕр-пĕр комисси йышăну туса хушу парасса кĕтмелле мар, мĕншĕн тесен кун ячĕсене «Хыпар» никĕслевси Н. В. Никольский профессор пĕрремĕш номертех уйрăм сýрнă². Куна «Чăваш энциклопедийĕн» Н. В. Никольские халалланă статийне панă ўкерчĕкх ĕненерет³.

Халь пăхса тухнă ыйтусенчен **-ри** аффиксăр пуçне ыттисем пирки мĕн шухăшланине эпир хаçат редакцине сýрусем ярса пĕлтерсе тăратпăр. «Хыпар» сýрусене, тĕпрен илсен, вуланипе сýрлахать, шута илнĕ сĕнўсем те пур. Çавăнпа паян

² Виноградов Ю. М. Кун ячĕсемпе усă курасси // Тăван Атăл. 1991. № 1. С. 70 — 71.

³ Чувашская энциклопедия: в 4 т. Т. 3: М — Се. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 242.

кун «Хыпарта» ёслекенсем хайсене чылай ирёк тытма тивёс, мёншён тесен кашниех шухайшлама, фактсене танлаштарма, шукул ачисене пулайшма тивёс пуррине аяланать.

«Хыпарти» грамматикапа та, лексикапа та, орфографипе те сыханман йанашсенчен тата **текст** тавассипе пулаканнысене асанса хавармалла. Ытларах — сыпанчакла текст пулса ситеймени. Чаннипех сыпанчакла текста умла-хысла предложенисенчен иккёмешён тема ушканё пёрремешён реми сине таянать: *Йываёян пысак вуллисем патне*^{Т / P} **тёкёсем** *вырнаштарайр*. **Вёсене**^{Т / P} «Т» *сас палли евёр лартма юрать* («Кил-сурт, хушма хушалӑх», 2025.11.27). Ку төслёхре малтанхи предложенин **тёкёсем** самахё вырӑнне **вёсене** сапат местоименине каланӑ. Вӑл тема тытӑмёнче тарать. Текст сакӑн пек сыпанса пырать. Ку йёрке, шел те, йанаш каласу витемёпе пӑсӑлма пултарать: *Хурт сӑкӑрёне*^{Т / P} *пыл хурчёсем тин суралнисене тӑрантараççё*. *Виçё кун хушишинче*^{Т / P} **вёсем** *1500 хут пысакланаççё* («Кил-сурт, хушма хушалӑх», 2025.11.27). Ку төслёхре вёсем местоимени рема тытӑмёнче пулнине курапӑр. Тёрёс тунӑ текст ак сакнашкал пулма тивёс: *Хурт сӑкӑрёне*^{Т / P} *пыл хурчёсем тин суралнисене тӑрантараççё*. **Вёсем**^{Т / P} *виçё кун хушишинче 1500 хут пысакланаççё*. Хӑш чух пёр аялава юнашар предложенисен темисем пелтереççё: **Пурӑнакан сынна**, *тёлёкре, вилнё пек курни*^{Т / P} — *лайӑх палӑ*. **Ана**^{Т / P} *вӑрӑм та телейлё пурнӑç кётет* («Кил-сурт, хушма хушалӑх», 2025.11.27). Танл.: *Лайӑх палӑ тесе*^{Т / P} — **пурӑнакан сынна тёлёкре вилнё пек курнине шутламалла**. **Ана**^{Т / P} *вӑрӑм та телейлё пурнӑç кётет*. Йанаш ремӑсенче пёрешкеллех сиксе тухнипе те пулат: *Алӑра*^{Т / P} — **кёлё кёнеки**. *Сул тӑришиёне*^{Т / P} **ана** *вуласа пыратӑн* («Хыпар»). Танл.: *Алӑра*^{Т / P} — **кёлё кёнеки**. **Ана** *вуласа*^{Т / P} *сул тӑришиёне пыратӑн*.

«Хыпарпа» унӑн ушканёнчи хаçатсенче тата ытти йышши калтаксем те пур. Вёсене ятарласа тишкермелле, редакцисем патне ситермелле. Редакцисен ёс-тешёсем хальхи аслӑлах кӑларӑмёсенче, шукулӑн вёренӑ кёнекисенче мён сырнине хайсем төллён аса хывни те усӑллӑ пулӑ.

Пётёмлетӑ

Сапла вара, йанашсем чёрё пуплевре те, сырура та асархама пулат. Вёсене турлетме май пур, чёлхен тытамне вара улаштарма сук. Чёлхе тытамё мёнле иккенне, мёнлерех пулассине плебесцит ирттерсе те татса парайман. Чёлхе тытамё мёнле пуласси алӑ таратса сасӑланинчен е власть органёсем йышӑннинчен те килмест. Сасӑлав е власть органёсен йышӑнавё чёлхепе аста, хӑсан тата епле усӑ курассине кӑна кӑтартма пултарать.

Чёлхе тытамне аяланас тесе асчахсен темиçе ӑрӑвё чылайранпа ятарласа тӑпчесе пухнӑ пелӑ ятарлӑ тӑпчев ёсёсенче тата шукулӑн вёренӑ кёнекисенче кун курса пырать. Пуплев нормине аяланма пулайшакан пичет литературинчен Чӑваш патшалӑх гуманитарни аслӑлахёсен институтён кӑларӑмёсене [1; 2; 3; 4] тата Вёренӑ министерстви чӑваш шукулёсем валли Пётём Раçсей вёренӑ концепцине тивёстерсе хатёрленё чӑваш чёлхи кёнекисене⁴ кӑтартмалла.

⁴ Виноградов Ю. М., Петрова Л. Г. Чӑваш чёлхи. 7-мёш класс: вёренӑ кёнеки. Шупашкар: Чӑваш кён. изд-ви, 2023. 224 с.; Виноградов Ю. М., Егорова А. С. Чӑваш чёлхи. 8-мёш класс: вёренӑ кёнеки. Шупашкар: Чӑваш кён. изд-ви, 2023. 224 с.; Виноградов Ю. М., Егорова А. С., Петрова Л. Г. Чӑваш чёлхи. 9-мёш класс: вёренӑ кёнеки. Шупашкар: Чӑваш кён. изд-ви, 2023. 224 с.; Виноградов Ю. М. Чӑваш чёлхи. 10–11-мёш классем: вёренӑ кёнеки. Шупашкар: Чӑваш кён. изд-ви, 2023. 272 с.; Петрова Л. Г., Виноградов Ю. М. Чӑваш чёлхи. 6-мёш класс: вёренӑ кёнеки. Шупашкар: Чӑваш кён. изд-ви, 2023. 224 с.; Сергеев Л. П., Андреева Е. А., Брусова Г. Ф. Чӑваш чёлхи. 5-мёш класс: вёренӑ кёнеки. Шупашкар: Чӑваш кён. изд-ви, 2023. 240 с.

Пуплевпе сыру — чѣлхен пурнӑсри палӑрӑмӑсем. Хаҫатри пуплевпе сыру йӑрки чѣлхен тытӑмӑпе туллин килӑшсе тӑмалла. «Хыпарта» та, ытти информаци хатӑрӑсенче те ку статьяра пӑхса тухнӑ йӑнӑшсем кӑна мар, урӑх йышшисем те тӑл пулаҫҫӑ. Вӑсене пӑтерес тесен пирӑн тӑван чӑлхемӑрӑн тытӑмне лайӑх пӑлес пулать.

ҪӒЛКУҪСЕН СПИСОКӒ / СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Долгова А. П. Синтаксис чувашского языка: Словосочетание, Простое предложение: монография / науч. ред. Э. Е. Лебедев. Чебоксары: ЧГИГН, 2024. 236 с. (Строй чувашского языка).
2. Лебедев Э. Е. Словообразование в чувашском языке: монография / науч. ред. О. Р. Студенцов. Чебоксары: ЧГИГН, 2023. 212 с. (Строй чувашского языка).
3. Сергеев В. И. Морфология чувашского языка: словоизменение, формоизменение и формобразование: монография / науч. ред. А. П. Долгова. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. 400 с. (Строй чувашского языка).
4. Яковлев П. Я. Фонетика и фонология чувашского языка: монография / науч. ред. А. П. Долгова. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. 288 с. (Строй чувашского языка).

REFERENCES

1. Dolgova A. P. The syntax of the Chuvash language: Word combination. Simple sentence: monograph / edited by E. Y. Lebedev. Cheboksary;2024:236. (In Russ.)
2. Lebedev E. Y. Word formation in the Chuvash language: monograph / edited by O. R. Studentsov. Cheboksary;2023:212. (In Russ.)
3. Sergeev V. I. Morphology of the Chuvash language: inflection, form change and form formation: monograph / edited by A. P. Dolgova. Cheboksary;2017:400. (In Russ.)
4. Yakovlev P. Ya. Phonetics and phonology of the Chuvash language : monograph / edited by A. P. Dolgova. Cheboksary;2020:288. (In Russ.)

Статья редакции 12.01.2026 ҫитнӑ;
рецензиленӑ хыҫҫӑн 16.02.2026 ырланӑ; 02.03.2026 пичете йышӑннӑ
Автор ҫиччен:

Виноградов Юрий Михайлович, Чӑваш Республикин вӑренӑ
институчӑн Регион аталанӑвӑн центрӑн ертсе пыракан аслӑлӑх ӗҫченӑ
(428001, Раҫҫей, Шупашкар хули, М. Горький пр., 5),
филологи аслӑлӑхӗсен кандидачӑ,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1564-8902>, jurijvin46@mail.ru
*Пайталӑх конфликчӑ: автор пайталӑх конфликчӑ ҫуккине пӑлтерет.
Автор ал ҫыраҫӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.*

Статья поступила в редакцию 12.01.2026;
одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 02.03.2026
Информация об авторе:

Виноградов Юрий Михайлович, ведущий научный сотрудник
Центра регионального развития
Чувашского республиканского института образования
(428001, Россия, г. Чебоксары, пр. М. Горького, 5),
кандидат филологических наук,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1564-8902>, jurijvin46@mail.ru
*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

The article was received by the editors on 12.01.2026;
approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 02.03.2026
Information about the author:

Yuriy M. Vinogradov, leading researcher
of the Center for Regional Development
of the Chuvash Republican Institute of Education
(5, M. Gorky Ave., Cheboksary, 428001, Russia);
Candidate of Philology Sciences,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1564-8902>, jurijvin46@mail.ru
*Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.*

УДК 811.512.111
ББК 81.635.1

Научная статья

КАТЕГОРИЯ ИНФИНИТИВА В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Э. Е. Лебедев

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
edlebed@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется глагольная словоизменительная категория инфинитива, которую составляют две формы: *-ma/-me* и *-mashkän/-meshkän*. Подробно изучается терминологический аппарат, применяемый к формам, передающим подобные значения в тюркских языках, среди которых имеются такие как «имя действия», «супин», «масдар», «субстантивная форма глагола», «неопределенная форма глагола», «отглагольное существительное» и др. В итоге делается вывод, что наиболее правильным термином в отношении указанных чувашских форм является «инфинитив». Это обосновывается тем, что в чувашском языке они не могут присоединять падежные аффиксы и обладают определенным числом глагольных признаков — способность сочетаться с аффиксами залогов, способов действий и др. В ходе исследования выявлены следующие значения форм инфинитива: цели, объекта в широком понимании этого понятия, невозможности действия в сочетании с отрицательной частицей *çuk*, противопоставление и особое значение «что касается». Отмечается, что форма инфинитива с показателем *-ma/-me* может являться компонентом аналитических форм со значениями попытки и возможности совершения действия, которые образуются при помощи вспомогательных глаголов *năx* и *nuł*. Также рассмотрены некоторые семантические факторы, позволяющие инфинитивам вступать в синтаксические отношения с другими словами.

Ключевые слова: инфинитив, категория глагола, аналитическая форма, вспомогательный глагол, супин, имя действия

Для цитирования: Лебедев Э. Е. Категория инфинитива в чувашском языке // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 1. С. 50 — 67

© Лебедев Э. Е., 2026

Scientific article

THE INFINITIVE IN THE CHUVASH LANGUAGE

E. E. Lebedev

Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
edlebed@gmail.com

Abstract. This article examines the verb inflectional category of the infinitive having two forms: *-ma/-me* (*-ma/-me*) and *-mashkän/-meshkän* (*-mashkän/-meshkän*). The terminology used for forms expressing similar meanings in Turkic languages, such as “action noun”, “supin”, “masdar” (verbal noun), “substantive form of a verb”, “infinitive form of a verb”, “verbal noun” and others have been thoroughly examined. As a result of this study, it is concluded that the most appropriate term for these Chuvash forms is “infinitive”. This is because in the Chuvash language, they cannot attach case affixes and possess a certain number of verbal features such as the ability to combine with affixes of voice, and other verbal categories. The following forms express the meanings of purpose, the object in the broad sense of the term, impossibility of action in combination with the negative particle *chuk* (*çuk*), opposition and the special meaning “as far as sth (sb) is concerned”. It is noted that the infinitive form with the *-ma/-me* (*-ma/-me*) marker can be a component of analytical forms with the meanings of attempt and possibility of performing an action which are formed using the auxiliary verbs

păkh (пăх) and *pul* (пул). Some semantic factors that allow infinitives to enter into syntactic relations with other words have also been analyzed.

Keywords: the infinitive, verb category, analytical form, auxiliary verb, supin, action noun

For citation: Lebedev E. E. The infinitive in the Chuvash language // Modern Humanities. 2026;2(1):50 — 67

Аслăлăх статийи

ЧĂВАШ ЧĔЛХИНЧЕ ИНФИНИТИВ КАТЕГОРИЙĔ

Э. Е. Лебедев

Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхĕсен институтĕ,
Шупашкар хули, Раççей
edlebed@gmail.com

Аннотаци. Статъяра *-ма/-ме* тата *-машкăн/-мешкĕн* аффикспа пулакан инфинитив категориине тĕпченĕ. Автор ытти тĕрĕк чĔлхисенчи çакăн йышши пулăма палăртма усă куракан терминологие (ĕç ячĕ, супин, масдар, глаголăн субстантивлă форми, глаголăн паллă мар форми, глаголтан пулнă япала ячĕ т. ыт. те) тĕплĕн тишкерет те çапла пĕтĕм-летÿ тăвать: чăваш чĔлхишĕн чи маларах асаннă категориине палăртма «инфинитив» термин вырăнлăрах. Тĕпчевĕ çакна чăваш чĔлхинче ку форма падеж аффиксне йышăнминнипе тата ку категори глаголăн уйрăм паллисем пуррипе палăрнипе (залог аффиксне, ĕç мелне кăтартакан тата ытти хăш-пĕр аффикс хушма пултарни) сăлтавлать. Автор инфинитивăн çакăн пек пĕлтерĕшĕсем пурри çинчен сырат: тĕллев, объект (ку терминăн анлă пĕлтерĕшне илсен), ĕçe тума май пулманнине (çук хирĕçлев татăкĕпе чухне), хирĕçлени, вырăсла «что касается» тенипе тÿр килекен уйрăм пĕлтерĕш. *-Ма/-ме* аффикслă инфинитив *пăх* тата *пул* пулăшу глаголĕпе пĕрле аналитика форми тăвать. Вĕсен пĕлтерĕшĕ — ĕçe туса пăхни тата ĕç тума май пурри. Тĕпчевре çавăн пекех инфинитива ытти сăмахпа синтаксис сыхăнăвне кĕме май паракан семантика факторĕсенчен хăшне-пĕрне пăхса тухнă.

Тĕп сăмахсем: инфинитив, глагол категорийĕ, аналитика форми, пулăшу глаголĕ, супин, ĕç ячĕ

Цитатăлама: Лебедев Э. Е. Чăваш чĔлхинче инфинитив категорийĕ // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 1 №. С. 50 — 67

Введение

Изучением форм, традиционно называемых в тюркских языках «инфинитивами» и «именами действия», в чувашском языкознании занимался целый ряд ученых-грамматистов, но до сих пор отсутствует какое-либо теоретическое обоснование их функционально-семантической сущности. Целью настоящей статьи является попытка осмысления места этих форм в общей грамматической системе чувашского языка и их классификации с точки зрения передаваемых значений.

В грамматиках тюркских языков подобные формы описаны в соответствующих разделах. Так, в «Татарской грамматике» рассматриваются инфинитивы *-ырга/-ергэ*, *-мак/-мăк* (названный «отжившей формой») и имена действия, к которым относятся формы на *-у/-у* и *-и*, *-ыш/-еш* (первичные) и формы, образованные от причастия на *-ган/-гэн* (вторичные) [5, с. 230 — 235]. В якутском языке имеются формы причастий, «сопоставимые» с формами инфинитива, то есть способные выступать в этой роли. К ним относятся: форма на *-арга* (*-эргэ*, *-орго*, *-өргө*) (в положительном статусе) и *-бакка* (*-бăккэ*, *-бокко*, *-бөккө*) (в отрицательном статусе); форма на *-ыахха* (*-иэххэ*, *-уохха*, *-үөххэ*) (в положительном статусе) и *-ымыахха* (*-имиэххэ*, *-умуохха*, *-үмүөххэ*) (в отрицательном статусе); и форма на *-дахха* (*-лахха*, *-нахха*, *-тахха*) (в положительном статусе) и *-батахха* (*-бэтэххэ*, *-ботоххо*, *-бөтөххө*) (в отрицательном статусе) [10, с. 226 — 227]. В отношении

инфинитива в узбекском языке А. Н. Кононов пишет следующее: «В словарях узбекского языка (и некоторых других тюркских языков, например, азербайджанского, туркменского, турецкого) в качестве инфинитива принята форма с аффиксом *-моқ*, которая по существу является именем действия» [9, с. 187].

Наиболее подробное и теоретически обоснованное на настоящий момент исследование тюркских глагольных категорий с точки зрения функционально-семантического подхода представлено в работе В. Г. Гузева «Теоретическая грамматика турецкого языка». В ней автор предлагает свое видение вопросов, касающихся форм со значениями имен действий. Конечно, между турецким языком, материал которого дается в указанной монографии, и чувашским языком имеются определенные различия в области глагольной морфологии. Но в целом особенности функционирования и тенденции развития грамматических форм турецкого языка, на наш взгляд, имеют много общего. В связи с чем мы вполне можем обратиться к этому исследованию, для того чтобы оценить возможность применения тех или иных теоретических взглядов ученого к материалу чувашского языка.

Прежде всего отметим, что ряд форм турецкого языка (всего семь) с общим значением «действия, представляемого как предмет и лишенных каких-либо темпоральных значений» объединены автором в одну категорию имен действия. При этом в скобках даются и другие их названия, используемые в работах по тюркскому языкознанию — «масдары» и «субстантивные формы глагола» [6, с. 154]. Подобный подход к трактовке этих форм и объединение их в рамках одной категории вполне оправдывают себя, так как основным их значением действительно является представление действия в качестве предмета. В. Г. Гузев не согласен с тем, что формы наподобие турецких *-ma/-me* и *-mak/-mek* часто в работах по грамматике тюркских языков трактуются как инфинитивы. Основным его доводом является то, что в турецком языке они могут принимать аффиксы падежа. Включение же этих форм в словари в качестве основной словарной формы глагола, по его мнению, также не может быть основанием для того, чтобы называть их инфинитивами, так как подобное их применение весьма условно [6, с. 154] (чувашские лексикографы, например, в роли словарной используют форму повелительного наклонения второго лица единственного числа глаголов). Положения ученого об объединении всех форм с однородными значениями в одну словоизменительную категорию можно учитывать и при исследовании материала чувашского языка, конечно, с учетом специфики его грамматической структуры.

Материалы и методы

Исследование выполнено с применением функционально-семантического метода. В нем подробно изучены основные значения форм инфинитива на *-ma/-me* и *-машкӑн/-мешкӑн*, рассмотрена семантика глаголов, которые сочетаются с указанными формами, а также возможное участие инфинитива в образовании аналитических форм. В качестве иллюстративного материала использованы примеры из художественной литературы на чувашском языке. Представленные примеры точно отражают языковые факты, в основной своей части они получены из Национального корпуса чувашского языка.

Результаты исследования и их обсуждение

Подробное изучение форм со значениями имен действий в чувашском языке начинается еще в трудах патриарха чувашского языкознания Н. И. Ашмарина — «Материалы для исследования чувашского языка» и «Опыт исследования чувашского синтаксиса. Часть 2». По отношению к ним ученый использует термин «супин»

[2, с. 312 — 313; 3, с. 128 — 142]. В работе 1898 г. дается описание форм с показателями *-ma/-me*, *-машкӑн/-мешкӑн* и *-ашишӑн/-ешишӑн* и утверждается следующее: форма на *-ma/-me* в чувашском языке не склоняется по падежам, форма на *-машкӑн/-мешкӑн* произошла путем метатезы согласных *-ш* и *-к* в сочетании таких аффиксов как *-мак/-мек* (в терминологии Н. И. Ашмарина неопределенное наклонение) и *-шӑн/-шӑн* (ученый отмечает его как послелог со значением «ради»), форма на *-ашишӑн/-ешишӑн* тоже является составной и образовалась путем соединения аффикса причастия будущего времени с показателем *-ac/-ec* и упомянутого послелога со значением «ради» [2, с. 312]. Что касается последней формы, то она чувашскими языковедами обычно не отмечается в качестве имени действия, инфинитива или супина. Мы же считаем, что эту составную форму, передающую модальное значение желания совершения действия, необходимо отнести к категории наклонения.

В другой своей работе Н. И. Ашмарин дает более подробное описание этих форм с указанием их основных значений. В частности, у формы на *-ma/-me* он обнаруживает такие значения, как: цель, назначение или следствие (*мӑн тума килтӑн?* «зачем ты пришел?»), отглагольное имя действия (*пурӑнма йывӑр* «жить тяжело»), дополнение при некоторых глагольных и многих именных сказуемых (*кунтан сӑреме сывӑх* «отсюда ходить близко»), способность, удобство, пригодность и т. д. (*кашкӑр сурӑх тымма йста* «волк — мастер ловить овец»), невозможность с частицей *сук* (*ништа та кайма сук* «никуда нельзя уйти») и др. [3, с. 128 — 140]. Также подробно ученым рассмотрены значения, передаваемые формами с показателями *-машкӑн/-мешкӑн* и *-ашишӑн/-ешишӑн*. В отношении первой он сообщает, что она заменяет форму на *-ma/-me* в некоторых случаях, но «как более пространная глагольная форма, сообщает речи несколько большую выразительность или резкость, а иногда и ясность». Что касается же формы на *-ашишӑн/-ешишӑн*, то здесь Н. И. Ашмариным выделяются значения цели, стремления или желания [3, с. 140 — 143]. В целом можно отметить, что данное исследование ученого является достаточно подробным и обстоятельным и требует отдельного анализа с точки зрения теории современного языкознания.

В коллективной монографии «Материалы по грамматике современного чувашского языка» имеется параграф под названием «Инфинитивы и супины», который относится к разделу «Неспрягаемые формы глагола», подготовленному В. Г. Егоровым. Инфинитивом автор называет форму с показателем *-ma/-me*. По его мнению, это «усеченная форма» от тюркского аффикса *-мак/-мек*, конечный согласный звук которой выпал. Далее ученый заочно полемизирует с Н. И. Ашмариным, утверждая, что термин «супин» нельзя употреблять по отношению к форме на *-ma/-me*, так как значение цели является только одним из целого ряда значений, передаваемых этой формой. Наиболее подходящими В. Г. Егоров считает здесь термин «инфинитив» и «неопределенная форма». А вот супином ученый называет форму с показателем *-машкӑн/-мешкӑн* (правда, в заключительном абзаце этого параграфа им все же предлагается и ее считать инфинитивом). Он пишет, что обе указанные формы со временем почти совпали по своему значению и употреблению. Но между ними еще сохраняются некоторые стилистические различия — «супин на *-машкӑн/-мешкӑн* придает речи большую выразительность и конкретность, а инфинитив на *-ma/-me* — известную степень отвлеченности» [7, с. 212 — 214]. В качестве имени действия ученый признает формы, образованные аффиксом *-и*, который присоединяется к формам причастий с показателями *-ӑн/-нӑ* и *-ac/-ec* [7, с. 235 — 239]. Действительно, с присоеди-

нением этого аффикса происходит процесс субстантивации, и образованная форма получает способность присоединять аффиксы падежей: *килнĕ + и = килни* → *килинне, килнинче, килнинчен*; *каяс + и = каясси* → *каясине, каяссинче, каяссинчен*. Но так как эта форма является производной, мы не включаем ее в наше исследование.

Отдельный параграф этого раздела посвящен такому явлению, как субстантивация инфинитива. В. Г. Егоров указывает, что форма на *-ма/-ме* послужила исходной основой для образования некоторых имен существительных со значениями «продукта, результата действия, назначения или орудия действия» [7, с. 214]. Ученый отмечает, что не все существительные, образованные таким способом, имеют полную парадигму склонения. Некоторые из них могут присоединять только аффиксы со значением местного, исходного и реже — дательно-винительного падежа: *выртмара* «в ночном», *вырмара* «на жатве» и др. [7, с. 215]. Наконец, от инфинитива с показателем *-ма/-ме* образованы и некоторые прилагательные: *утма сул* «пешеходная дорога», *сĕрме кунăс* «скрипка», *шартлама сивĕ* «трескучий мороз» и др. [7, с. 215].

В работе И. П. Павлова «Хальхи чăваш литературă чĕлхи. Морфологи» по отношению к формам с показателями *-ма/-ме* и *-машкăн/-мешкĕн* также используется термин «инфинитив». Ученый дает определение этому термину и объясняет разницу между именами действия и инфинитивами. По его мнению, основным их отличием является то, что имена действия подобно именам существительным более выражено обладают семантикой субстантивности, а инфинитивы, как и глаголы, передают значение процесса, развития действия [13, с. 261]. Аффикс *-машкăн/-мешкĕн*, как считает автор, изначально имел значение супина, то есть передавал значение цели. Но впоследствии его семантика расширилась, и в настоящее время он, как и форма на *-ма/-ме*, является типичным инфинитивом. И. П. Павлов задается интересным вопросом: «Почему в настоящее время формы инфинитива не могут присоединять аффикс причинно-целевого падежа, а также аффиксы и других падежей, если они могли это делать раньше?» Он полемизирует с В. Г. Егоровым, утверждая что не имена с показателем *-ма/-ме* (*сырма* «овраг», *пума* «лестница», *чикме* «ограда» и др.) произошли от инфинитива путем субстантивации, а наоборот, эти слова более древние и существовали еще до того, как эта форма стала инфинитивом. У современных инфинитивов возникло несколько признаков, сближающих их с глаголом — они могут сочетаться с аффиксами залогов и формы множественности (*сыртарма* «заставлять писать», *сыркалама* «писать часто») и управлять падежом имени существительного, с которым образуют словосочетание (*миришĕн кĕрешме* «бороться за мир», *урампа пума* «идти по улице») [13, с. 261 — 262]. И. П. Павлов указывает, что различия в значениях между формами на *-ма/-ме* и на *-машкăн/-мешкĕн* найти трудно. Глаголы же, которые образуют с инфинитивами словосочетания, можно разбить на несколько групп: 1) глаголы, обозначающие начало или завершение действия; 2) глаголы с модальными значениями; 3) глаголы движения и 4) глаголы со значениями повеления. С глаголами каждой из этих групп рассматриваемые формы передают разные значения — цели, объекта и др. Автором рассмотрены также случаи сочетания инфинитивов со словами, относящимися к другим, прежде всего, именным частям речи и частицам: *кирлĕ* «нужно», *тивĕç* «достойный», *хăрушĕ* «страшно, опасно», *мар, çук* «не» и др. [13, с. 263 — 264].

В 2017 г., уже после ухода ученого из жизни, увидела свет монография «Современный чувашский язык. Том 2. Морфология». В ней И. П. Павлов предлагает

несколько иной взгляд на проблемы морфологии чувашского глагола. Параграф, посвященный указанным выше формам, называется «Неопределенные формы глагола». Его предваряют теоретические рассуждения автора, касающиеся самого термина «неопределенная форма глагола» (который он считает вполне оправданным), места инфинитивов в ряду других неличных форм, происхождению и развитию современных форм на *-ма/-ме* и *-машкӑн/-мешкӑн* [12, с. 194 — 196]. Ученый отмечает, что эти формы «нельзя трактовать... ни в качестве двух самостоятельных морфем, ни в качестве алломорфов» [12, с. 197]. По его мнению, с точки зрения значения они тождественны, и «справедливо было бы называть их вариантами инфинитивного аффикса» [12, с. 197]. В связи с отсутствием противопоставленных по значению форм И. П. Павлов отрицает наличие в чувашском языке отдельной грамматической категории инфинитива. Также ученый выделяет несколько модальных значений, которые могут передавать конструкции с инфинитивами. К ним относятся: 1) возможность совершения действия; 2) отстранение от действия; 3) устремление к действию; 4) вынужденная необходимость; 5) желание; 6) цель и др. Глагольные же конструкции с инфинитивами могут выражать начало или окончание действия: *выляма пусланӑ* «начал играть», *чӗлӗм туртма пӑрахӑ* «бросил курить» [12, с. 199 — 200].

В. И. Сергеев в своей работе о морфологии чувашского языка пишет о наличии в нем «одночленной категории инфинитива» [14, с. 310], к которой относится форма, образуемая аффиксом *-ма/-ме*. По мнению автора, эта форма может присоединять к себе аффиксы уподобления *-ла/-ле*, *-лла/-лле*, лишительного падежа *-сӑр/-сӗр*, достаточности *-лӑх/-лӗх*, частотности *-серен* и аффикс со значением усиления *-(а)х/-(е)х* [соотв. *каймалла* «надо идти», *каймаӑр* «не идя», *каймалӑх* «достаточный, чтобы идти», *каймассерен* «каждый раз как идет», *каймах (лекет)* «надо идти» и др.]. Также ученый рассуждает о том, что к данной форме в диахроническом плане присоединялся аффикс причинного падежа *-шӑн/-шӗн*, который вследствие метатезы в настоящее время уже не выделяется из словоформы *-машкӑн/-мешкӑн* [14, с. 322 — 323]. На наш взгляд, практически все перечисленные В. И. Сергеевым словоформы (разве что за исключением *-мах/-мех*) уже не могут считаться разложимыми, так как приобрели новое значение, которое не является простой суммой значений их компонентов. В данном случае налицо смешение диахронии с синхронией.

В монографии «Чӑваш чӗлхи» разделы, посвященные исследуемым нами формам, подготовлены Л. П. Сергеевым. К инфинитивам Л. П. Сергеев относит формы, образуемые аффиксами *-ма/-ме* и *-машкӑн/-мешкӑн*. Автор указывает, что с точки зрения значений эти формы не отличаются друг от друга. Форма *-машкӑн/-мешкӑн* более характерна для поэтической речи, а *-ма/-ме* — для прозаической. В зависимости от контекстуального окружения Л. П. Сергеевым определяются конкретные значения указанных форм, среди которых: цель совершения действия *цирк курма кай* «иди смотреть цирк», объект действия *выляма сӑмӑл* «играть легко», противопоставление другому действию (в сочетании с отрицательной частицей *мар* «не») *йӑпанма кӑна мар*, *пурӑс хӗлхемне чӗртсе пыма та пулӑшат* (С. Шавли) «помогает не только утешиться, но и разжигать искру жизни», невозможность совершения действия (в сочетании с отрицательной частицей *сук*) *тупма сук* «не найдешь» и др. Далее ученый утверждает, что инфинитив на *-ма/-ме* может образовывать форму частотности (при помощи аффикса *-серен*) и форму достаточности (при помощи аффикса *-лӑх/-лӗх*): *каймассерен* «каждый

раз как идет», *асӳнмалӳх* «то, что нужно на память» [15, с. 375 — 378]. С последним утверждением мы не согласны, так как считаем образовавшиеся формы уже обособившимися от диахронически исходной словоформы с показателем *-ма/-ме*, и имеющими свои собственные значения.

Переходя к рассмотрению функционирования форм на *-ма/-ме* и *-машкӳн/-мешкӳн* в чувашском языке, необходимо определиться с их правильным наименованием. Среди перечисленных выше обозначений подобных форм в других тюркских (и нетюркских) языках представлены такие как: инфинитив, неопределенная форма глагола, отглагольное существительное, имя действия, масдар, субстантивная форма глагола, супин, нефинитная форма глагола и вербоид. Из всего ряда перечисленных терминов в силу своей компактности и понятности наиболее подходящими, на наш взгляд, являются инфинитив и имя действия. Эти два термина, как мы могли видеть выше, не являются полными синонимами. Понятие «инфинитив» в бóльшей степени предполагает наличие у соответствующей формы глагольных признаков, а термин «имя действия» — признаков имени. По мнению Н. А. Козинцевой, автора соответствующей статьи в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», под инфинитивом понимается «нефинитная форма глагола (вербоид), существующая во флективных и агглютинативных языках... и используемая для оформления сказуемого, а также слов с предикатным значением в позициях именных членов предложения» [8, с. 198]. Ученый утверждает, что признаком, отличающим инфинитивы от финитных форм, является отсутствие выражения категориальных значений глагола, таких как «абсолютное время, наклонение и, как правило, лицо и число» [8, с. 198]. В индоевропейских языках, по мнению того же автора, инфинитивы могут иметь грамматические формы вида, залога и в некоторых случаях лицо и число. В отношении же алтайских языков, к которым относятся и языки тюркской группы, Н. А. Козинцева указывает, что инфинитив здесь по сути является именем действия, которое (в отдельных случаях) сохраняет некоторые глагольные категории и приобретает некоторые грамматические признаки имен, например, падеж, формы принадлежности и др. [8, с. 198].

В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой дается описание термина «имя действия», который автором приравнивается к термину «отглагольное существительное» [1, с. 175, 465]. В соответствии с ее определением, отглагольное существительное (имя действия) — это «существительное, образованное от глагольной основы и обозначающее действие (состояние, процесс) как “определенное”, “субстантивированное”, т. е. представляющее его в наиболее общем и отвлеченном смысле» [1, с. 465].

Таким образом, Н. А. Козинцева, определяя инфинитив в алтайских языках, как указано выше, отмечает его тождество с именем действия. Об этом же пишут и А. Н. Кононов с В. Г. Гузевым в отношении материала узбекского (Кононов) [9, с. 187] и турецкого (Гузев) [6, с. 154] языков. Основным доводом этих авторов является способность соответствующих форм присоединять аффиксы именных грамматических категорий (падеж, принадлежность и др.). Что же касается чувашского языка, то формы на *-ма/-ме* и *-машкӳн/-мешкӳн* не могут присоединять к себе аффиксы именного словоизменения, конечно, за исключением случаев полной субстантивации формы с аффиксом *-ма/-ме* (*сырма* «в овраге», *хӳмене* «ограду»). Но подобные случаи мы оставляем вне рамок нашего исследования, так как они представляют собой явления словообразовательного уровня. Зато эти

формы могут принимать аффиксы глагольных категорий, в частности, залогов и многократности совершения действия: *култарма* «смешить», *пӑхкалама* «подглядывать». Следовательно, наиболее подходящим термином для чувашских форм с соответствующими значениями стоит признать термин «инфинитив»¹. Что же касается понятия «супин», которое использовал в своей работе Н. И. Ашмарин и которое в современном языкознании трактуется как «отглагольное существительное, придающее обороту, в котором оно употреблено, значение цели» [4, с. 499], то здесь мы солидарны с мнением В. Г. Егорова [7, с. 212 — 214] и считаем, что значение цели является лишь одним из целого ряда значений, передаваемых указанными формами, поэтому называть их супином нет никакой необходимости.

В чувашском языке отмечена и форма, которая в весьма редких случаях может считаться именем действия. Это форма с показателем *-у/-ӹ*: *сапу* «удар», *килӹ* «приход» и др. По словам Л. П. Сергеева, она прежде всего встречается в литературных произведениях, в художественной речи [15, с. 400]. При этом ее необходимо уметь отличать от омонимичного словообразовательного аффикса, посредством которого образуются имена существительные от глаголов [11, с. 65 — 67]. В отличие от формы имени действия производные существительные, образованные подобным образом, могут присоединять все аффиксы падежа, числа и принадлежности. А имена действия на *-у/-ӹ* способны принимать лишь некоторые падежные аффиксы, и совсем не изменяются по числам и не имеют парадигмы принадлежности (*камӑнлӑх*). К тому же в разговорной речи они встречаются только в отдельных местностях, например, у чувашей Башкортостана, но совершенно отсутствуют в верховом диалекте чувашского языка [15, с. 401]. В связи с ограниченной сферой использования имени действия на *-у/-ӹ* мы оставляем ее вне рамок нашего исследования.

Обе формы инфинитива — как с показателем *-ма/-ме*, так и с показателем *-машкӑн/-мешкӑн* — являются синонимичными и различаются только стилистически: форма на *-машкӑн/-мешкӑн* чаще встречается в художественной литературе, обозначая «книжный стиль». В связи с их фактической синонимией при описании значений мы не разделяем их на отдельные подпункты, а даем вместе. Эти формы способны передавать целый ряд значений, среди которых мы отмечаем следующие:

1. Значение цели. В этом значении указанные формы можно считать супинами. Но этот термин нельзя применять к ним в целом, так как это всего лишь одно из значений, которые ими передаются:

— *Ме сӗр тенкӗ!* — *укса тӑсрӗ ун енне хулигансенчен аслӑраххи.* — *Эсӗ те! Килне ситме валли* (Русаков) «Возьми сто рублей! — протянул ему деньги старший из хулиганов. — И ты! **Чтобы добраться** до дома». В этом примере в качестве дополнительного показателя передаваемого значения использован послелог *валли* «для», который здесь факультативен, так как значение цели уже присутствует в форме глагола *сит* «добраться».

Калаçӑва пуçарма та тӳрех кирлӗ сӑмах тупаймарӗ пулӑçӑ (Краснов) «Не нашел рыбак сразу нужного слова, **чтобы начать** разговор».

¹ Если версия о происхождении формы на *-машкӑн/-мешкӑн* путем присоединения к гипотетическому аффиксу *-мак/-мек* аффикса причинно-целевого падежа *-шӑн/-шӑн* с последующей метатезой согласных *к* и *ш* верна, то это указывает на то, что в прошлом данная форма могла присоединять к себе аффиксы именных категорий (в данном случае падежа), что автоматически дает право причислять ее к именам действия, а не к инфинитивам. Но в современном языке эта способность отсутствует, и, следовательно, форма относится к категории инфинитивов.

— Пулйшатпйр. Сурт-йёр **савйрма** кирпёч паратпйр. Цемент та, чус хйма та... (Ярандай) «— Поможем. Дадим кирпич, **чтобы построить** дом. А также цемент и тесовые доски...»

Саван пек инкеке **курма**, тўсме никам умёнче те сылаха кёмен эё (Максимов) «Ты ни перед кем не грешен, чтобы **переносить** и **выдерживать** такую беду».

Приведем примеры с формой на -машкйн/-мешкён со значением цели:

«Самед, пёлетён-и дельфинсене этем чёлхине вёрентекен **самрэк** ученай кам иккенне?» — терё вёл мана хййпе юнашар вырён **сине лармашкйн** пўрнипе кячяк туртса чёнсе (Краснов) «“Самед, ты знаешь, кто такой этот молодой ученый, который обучает дельфинов человеческому языку?” — сказал он подозвав меня пальцем, приглашая сесть рядом» (досл.: **чтобы сесть** на место рядом с ним).

Таньан сáмахёсем пуринчен асра юлчёс: сáлтáр сáннисене **сáлмашкйн** вáй-хала шеллемелле мар (Сундал) «Все слова Тани остались в памяти: нельзя жалеть сил для спасения звездных людей (досл.: **чтобы спасти**)».

Экспедици задачи — геологсемпе астрономсене **йышáймашкйн** станци хатёрлесси... (Педерки) «Задачей экспедиции является подготовка станции для приема (досл.: для того, **чтобы принимать**) геологов и астрономов...»

Чáнлáха **усмашкйн** санáн юнуна манáнне ДНК тишкерёвё сёс ирттермелле (Елтов) «Для того, **чтобы открыть** правду, необходимо лишь провести тест ДНК твоей и моей крови».

В качестве связанного с инфинитивом слова могут выступать и именные части речи с частицами:

Килне таврáнсан та лáпланаймарё вáл. Васкамасáр хывáнчё те хваттерти япалисене тинкерчё. Пурте пур вёсене телейлё **пулма** (Эльмен) «Вернувшись домой, он также не мог успокоиться. Неспешно разделся и осмотрел вещи в квартире. Все есть у них для счастья (досл.: **чтобы быть** счастливыми)».

Унта **ситмешкён** тáватáй сáхрáм та сáк (Ильбек) «Дотуда и четырех верст не будет (досл.: **чтобы добраться** дотуда)».

Вёренме укса кирлё, уксине ёслесе илес пулать (М. Ухсай) «Для учебы (досл.: для того, **чтобы учиться**) нужны деньги, а деньги нужно заработать».

Часто в этом значении инфинитивы встречаются в сочетании с глаголами движения:

Натюк Матёрnene **чёнме** тухасиáнччё, анчах аláка усма тáнá сёре Матёрне хáй те килсе кёчё (М. Ухсай) «Надюк хотела выйти, **чтобы позвать** Матрёну, но когда она собралась открыть дверь, Матрёна сама зашла в избу».

Ялтан эрнелёхе пёр сич-сакáр сáхрáма сáл **юсама** кайсан та, вицё кунлáх Вáрнара, Сёмёрлене, Етёрnene кантáр е тырá **ле́сме** кайсан та тáван тавралáхиáн чун тунсáхласа сáтет (Скворцов) «Когда отправляешься на неделю из деревни за семь-восемь верст (километров) **ремонттировать** дороги или на три дня, **чтобы отвезти** коноплю или зерно в Вурнары, Шумерлю, Ядрин, душа тоскует по родным местам».

Кирилл авланнá чухне «туй **сума**» та килмерёс вёсем (Андреев) «Когда Кирилл женился, они даже не пришли, **чтобы “обмыть”** свадьбу».

Ку вáрманá пырса кёме фашистсем пёрре те хáйман. Яла **саратма-сёмёрме** пырсан, пёрисем пўртсемпе кёлетсенче, нўхреспенче ухтарса сáренё, теприсем, сáв вáрман еннелле шултáра калибрá пулеметсем лартса, унтан партизансем сиксе тухасран сáхласа тáнá (Агаков) «Заходить в этот лес фашисты не отважились ни разу. Когда приходили **грабить** деревню, часть из них ходила по домам,

рыская по амбарам и погребам, другие же устанавливали крупнокалиберные пулеметы, развернув их к лесу, и караулили оттуда партизан, чтобы они не выскочили (из леса)».

Кайран қасхи шайлаха тимлеме сўре пуслараймър (Мышкина) «Затем мы стали бродить, вслушиваясь (досл.: **чтобы вслушиваться**) в вечернюю тишину».

2. Значение объекта совершения действия. В этой группе мы объединили примеры, демонстрирующие передачу сочетанием инфинитива с финитной формой нескольких более частных значений (напр., желание, необходимость, готовность и др.). Поэтому термин «объект совершения действия» здесь, в общем, имеет условный характер. Формы инфинитива, передающие это значение, сочетаются с наибольшим количеством семантических групп глаголов, среди которых мы установили как минимум следующие:

а) глаголы, значение которых каким-то образом связано с состоянием субъекта действия. Здесь мы наблюдаем достаточно большой разброс их семантики:

Паян айна нимён те кансерлеймерё сёр шинчен айш куллине парнелеме (Андреев) «Ничто ему (солнцу) сегодня с земли не мешало **дарить** его теплую улыбку».

Сурайм пуххиччен эрне ытла пулин те — пётём ялэ ёнтё яланхи пекех сара тума хатёрленет (Скворцов) «Хоть до собрания села Сурам еще больше недели, все село уже как всегда готовится **делать (варить)** пиво».

Малтан хай вуня сул ытла пурайна сурта ситсе курма шуларё Владимир Петрович (Ишимбай) «Владимир Петрович решил дойти и **посмотреть** дом, в котором он жил более десяти лет».

— *Тоня, килте ларса каласайар, лайлан, — хайне алла илме тарайса каларё арсын четрекен сассине* (Тарават) «— Тоня, поговорим спокойно дома, — сказал дрожащим голосом мужчина, пытаюсь **взять** себя в руки».

— *Ут хатёрёсене урапа шинчех хавар. Апатланайар та Манис аппуна леще хурайар. Тёттёмле пёччен сўреме харамалла...* (Гордеев) «— Конскую утварь клади сразу на телегу. Пообедаем и отвезем твою сестру Манису. В темноте страшно **ехать** одному...»

Канашлащсё, сўтсе яващсё, халиччен туман сёнё япаласене тума йышайнащсё (Трубина) «Советуются, обсуждают, принимают решения о том, чтобы **сделать** новые вещи, которые никогда до этого не делали».

Ёс хакне кайт тырайна, арна-улаймна саплаштарса хатланащсё. Укча илсе курни сук. Юрать, газпа сутаийан тўлеме хёрё пулайшать (Савельев-Сас) «Стоимость работы частично стараются восполнить зерном, мякиной и соломой. Денег не получают. Хорошо, хоть дочь помогает **платить** за газ и свет».

Тўпере пёр вёсёмсёр тайри юрри илтёнет. Епле чыханса каймасть ирёке, уса сывлайша, хёвеле юратакан пёлтёрти пёчэк кайак, епле ывайнамасть вай сак илеме мухтамашикан! (Афанасьев) «В небе слышна бесконечная трель жаворонка. Как же не захлебнется эта маленькая юркая птичка, так любящая свободу, свежий воздух и солнце! Как не устанет **прославлять** эту красоту!»

б) глаголы, передающие значения повеления, приказа или побуждения к совершению действия, а также другие глаголы с подобной семантикой:

Унта та кунта сурасем макарни, ёнесем кахаллан ёнёрлени уйраймах темёнке чёрене сывайх, ырай туйайм суратать, пурнас юхамне малалла тасма хистет (Осипова) «Блеяние овец, ленивое мычание коров, раздающиеся повсюду, рождают в сердце какое-то особенно близкое, теплое чувство и велют **продолжать** течение жизни».

Хёрарым чирёпе операци тунь хыссын йывър **ййтма** хушманччэ-ха йна врачсем, анчах Миша хваттере яланах тирпейлэ **тытма** хушаты: кирек хйи вэхйтра та въл хйине кирлэ сынсене илсе килсе **хйналама** пултарты (Эльмен) «После перенесенной операции по женской болезни врачи запретили ей **поднимать** тяжелые вещи, но Миша велит всегда **держать** квартиру в чистоте, ведь в любое время он может **привести** в гости нужных ему людей (досл.: **привозить и принимать** в гостях)».

— Пирён асатте пите ёсчен сын пулнэ, аттене пёчёлех хйи сумёнче **тытма** тёрйинэ, каччэ шутне кёрсен хйи тельняшкине тэхантарнэ та матрос пурнаёсёнчи йаласемпе паллаштарнэ, шывра лайах **ишме**, мунча кёнэ чухне юр сыне туха-туха **выртма**, икё пйт пуканне саварттарса **вылятма** хйнахтарнэ (Кибеч) «Наш дедушка был очень трудолюбивым человеком. Он старался с малолетства держать отца при себе, и когда он повзрослел, надел на него свою тельняшку, познакомил с обычаями матросской жизни, научил (досл.: приучил) его хорошо **плавать, валяться** в снегу во время бани и **подбрасывать** двухпудовую гирию».

Чулкасри суркунне чатаймаре айиша тек шур юр. **Сухалмашкэн** тивет йна та (Савельев-Сас) «Не выдержал весной тепла и белый снег в Чулкас. И ему придется **растаять** (досл.: **исчезнуть**)».

в) глаголы со значением возможности совершения действия:

Эсё аннўне сиен кйна **тума** пултартан (Осипова) «Ты можешь своей матери только вред **нанести**».

Анчах темшён васкамасть-ха въл. Хёвелё вара кйит та **хёрхенме** пёлмест (Мышкина) «Но почему-то он не торопится. И солнце хоть чуть-чуть не может **пожалеть**».

Бйвйна пёлмен самрак тухтёр вара, сёрлехи сил-тамана та, суркуннехи шыв-шура та пэхмасёр, йывёр выртакан сын патне васкаты (Осипова) «Молодой, **не знающий усталости** (досл.: **уставать**) врач, спешит к тяжелобольным людям, невзирая на ночную пургу и весеннюю распутицу».

Сапёсура хйюляхпа паттарлэх кятартнэ самраксене комсомола йышаймалла. Ёс май таран. Училищёрен вёренсе тухнёранпа хам ёсне **ёслеме** тўрё килмерё (Шашкин) «Молодежь, которая показала в бою свою смелость и героизм, нужно принять в комсомол. Дел по горло. После окончания училища у меня не было возможности **работать** по своей специальности».

г) глаголы, имеющие значения желания совершения действия:

Сўреме тесен, кунта, район центрёнче, тафта та ситсе тухма пулаты. **Паллашма** тесен те тантайсем тунйнассех (Гордеев) «Захочешь **погулять**, здесь, в районном центре, можно хоть куда добратся. А если хочешь **познакомиться**, сверстники обязательно найдутся».

Ирхине ёсе тухса каяс умён йна арэмё — Серафима Акимовна — Оля ашиёшён тунсэхлани синчен икё хутчен те астутарчэ. Саванна Петр Андреевич каскўлём больницяна кайса килме хййён вэхйтне епле те пулин **йўнесстерме** ёмётленнёччэ (Юдин) «Утром перед выходом на работу его жена, Серафима Акимовна, два раза напомнила ему о том, что Оля скучает по отцу. Поэтому Петр Андреевич мечтал вечером хоть как-нибудь **найти** время, чтобы сходить в больницу».

Ача чунё сьлэхсёр, въл тўрех сан патна рая пырё. Эпё йна усал сунмастайп, касар мана, эпё йна рая **йышайнмашкэн** тархаслатайп (Педерки) «Душа ребенка безгрешна, она сразу достигнет тебя в раю. Я не желаю ему зла, прости меня, я умоляю **принять** ее в рай».

д) в качестве связанного с инфинитивом слова в этом значении встречаются и слова, относящиеся к именным частям речи и выступающие в функции сказуемого. К ним относятся такие слова, как *хатёр* «готовый», *кичем* «скучно», *кирлэ* «нужно», *аван* «хорошо», *сáймáл* «легко», *меллэ* «удобно», *юрать* «можно» и др.:

Сáмах май асáнса хáварма пит те вырáнлá пулать пуль: Тимёр амáшйе апат пёсёрмешкён áстаччэ (Ильбек) «**Вспомнить** между словом, возможно, будет очень уместным. Мама Тимера была мастерицей **готовить** обед».

Канмалли кунсенче общежитинче ларма кичем тесе áна юлташ хёрё Вера хáйсен ялне хánана илсе кáйрэ (Эльмен) «Так как в выходные дни **сидеть** в общежитии скучно, подруга Вера взяла ее с собой в гости в их деревню».

Ёлэкхи пек, кёсьери юлашки пуссене те шутлама кирлэ мар (Эльмен) «Не нужно как раньше **считать** по карманам последние копейки».

— «Эй» *теме аван мар. Эсэ мён ятлá?* — *газ плити умёнче кáштáртатнá май каласрэ хваттер хуци* (Мышкина) «— **Говорить** “Эй!” некрасиво. Тебя как зовут? — спросил хозяин квартиры, копошившийся у газовой плиты».

Тёллён-палáн урана пылчáк явáнать те, сáпатам йывáрланнáсем ытларах йывáрланать, урана ылмаштарса пусмашкáн та сáймáл мар (Ильбек) «Местами ноги облепила грязь, мои лапти совсем отяжелели, трудно даже **ступать**, чередуя ноги».

Микулай халэ хёрён шывра шапарнá пушмакне те хáй кáкáрёнчен тухакан сывáшпа вёрсе тинётме хатёр (Эсхель) «Николай теперь готов **высушить** выдыхаемым им воздухом (досл.: подув, **высушить воздухом**, выходящим из его груди) промокший в воде ботинок девушки».

Чáнах та, чиркúре сырса пынисем аванах упранса юлнá, вулама та меллэ, почерк та хитре (Кибеч) «И действительно, записи в церкви хорошо сохранились, и **читать** легко (удобно), и почерк красивый».

— *Иртме юрать-и?.. Санюк аппа килёнче нимех те улиáнман* (Мышкина) «Можно **пройти**?.. В доме старшей сестры Саши ничего не изменилось».

Ай-вай йывáр áна сёнтерме! (Эктел) «Ой, как трудно его **победить!**»

е) в этой группе значений часто встречаются сочетания, которые передают фазовые значения начала или завершения совершения действия. При передаче этих значений в качестве финитных используются такие глаголы, как *пусла* «начинать», *тытáн* «приступать», *пáрах* «бросать», *чарáн* «останавливаться», *тапрат* «начинать, затевать» и др.:

— *Паллах, — терё Махмуд, вара арáмёне тавлашма пáрахрэ, áна сула хатёрленмешкён пулáшма тытáнчэ...* (Вутлан) «Конечно, — сказал Махмуд, затем прекратил **препараться** с женой и принялся **помогать** ей готовиться в путь».

Сёрёпех сывáрман пирки йывáрланнá пуç ирхине тинёсре шыва кёрсен те ыратма чарáнмарэ (Краснов) «Даже после того, как он с утра нырнул в воду с головой, которая была тяжелой после бессонной ночи, она не перестала **болеть**».

Таиç аппа кáшит лáплансан, Ираида Васильевна áна каластарма пикенчэ (Осипова) «Когда Таисия аппа немного успокоилась, Ираида Васильевна принялась с ней **разговаривать** (досл.: заставляя говорить)».

Йёкёт, Якур Иванчá áна итлеме кáмáл туманнине кура пулас, шáлне кáшит йёрсе илчэ, сарлака хура пит-кусне сапаланчáк вяляткаларэ, унтан урисемпе вырáн сáнче тáпáртаткаларэ те ачалла сунёттеме пусларэ (Юман) «Юноша, видимо из-за того, что у Якура Ивановича не было желания его слушать, лишь

слегка сжал зубы, на его черном широком лице заиграли желваки, затем он потоптался ногами на месте и начал по-детски **лепетать**».

Ача те ыратнипе, те ют сынсенчен хэранипе-ши тата хытйраха тытйнчэ йёме (Эльби) «Ребенок принялся **плакать** еще сильнее, то ли от боли, то ли от страха перед чужими людьми».

Сак самантра подъезд алакёнчен тата иккён тухрёс. Хёрарымна арсын. Сынйскерсем. Вёсене курсан, йёкёлтекен хёрарым кайшкарма тапратрё: «Пулайшйр!.. Тытйр!.. Хулигансем вёсем!.. Упйшкана хёнерёс!..» (Ярандай) «В это время из двери подъезда вышли еще двое. Женщина и мужчина. Подвыпившие. Увидев их, сплетница принялась **кричать**: «Помогите!.. Держите их!.. Они хулиганы!.. Мужа избили!..»

Чим-ха, — сёлёкне пукан сине хывса хучё вёл. — Апла эс юрлама пйрах-рйан-им? (Ярандай) «Постой-ка, — положил он свою шапку на стул. — То есть ты бросил **петь**?»

Вёсем киле таврайнй тёле Макара Иванович Байкала тйварма ёлкёрнё ёнтё, лаша лёсме майнукне кётмешкён тытйннй (Гордеев) «Когда они вернулись домой, Макара Иванович уже успел вернуть Байкала и принялся **ждать** внука, чтобы отвезти лошадь».

3. Значение невозможности совершения действия. При передаче значения невозможности с формами инфинитива сочетается отрицательная частица *сук* «нет». Возможно, здесь речь идет об особых аналитических формах с соответствующим значением, которые относятся к формам модальности:

Нина Сатлайкинйна ялти чи хитре хёр теме сук (Алендей) «Про Нину Сатлайкину **не скажешь**, что она самая красивая девушка в деревне».

Анчах ку кёрлевре пёр сймахне те тытса йнланмайшкйн сук (Эльгер) «Но при таком шуме невозможно **расслышать (понять)** ни одного слова».

— *Пёр укнё йывйса каялла тйратса лартма сук. Пысйк инкек пулсан та, сав териех хывса сунма кирлё мар, Иван пичче, — терё совхоз директорё, аттене юнашар ларса* (Ярандай) «— Дерево, которое однажды упало, нельзя **поставить** снова на место. Даже если случилась большая беда, нельзя так сильно переживать, дядя Иван, — сказал директор совхоза, присаживаясь рядом с отцом».

Сўсё те, хулан кус хариисем те, пйт хура кусё те, кйшит тёксёмрех сйнё те — йна калама сук хайне евёр илем кўрессё (Скворцов) «И ее волосы, и пышные брови, и совершенно черные глаза, и слегка хмурый вид придают ей своеобразную, неопишемую красоту (досл.: невозможно **описать**)».

— *Кала-ха, юлташйм, — терё вёл. — Нивушлё сав йёксёксене тупма сук?* (Ярандай) «Скажи-ка мне, друг, — сказал он. — Неужели этих негодяев нельзя **найти**?»

Сав сулсене ниепле те манма сук, пурте кус умёнче: учительсем те, пёр класра вёренсе ўснё ачасем те, тйхтав вйхйтёнче вйлянисем те, кйштах аййпа кёрсен учительскине чёнсе кёртнисем те... (Кибеч) «Эти годы невозможно никак **забыть**, все как перед глазами: и учителя, и ребята, с которыми учился и вырос вместе, и баловство на переменах, и вызовы в учительскую из-за мелких провинностей...»

Для усиления соответствующего значения может использоваться слово *май* «способ, возможность» в отрицательном статусе:

Мёниён тесен йна хупйанса-усйалса ёлкёрме те май сук: пёрисем кёрессё, теприсем тухассё (Русаков) «Потому что невозможно **успеть** ее закрыть или открыть: одни заходят, другие выходят».

Кёс-вёс сёр сине персе анасла сывах уйа́хн сивё сүтинчен пуртре те **пытанма** май сук (Андреев) «От холодного света луны, которая так близка, что вот-вот сойдет на землю, нельзя **скрыться** и дома».

4. Значение противопоставления другому действию. В этом значении формы инфинитива сочетаются с отрицательной частицей *мар* «не»:

Ку вёл — шайа вылявё, шуйттан аташтарни, а́нсартран пулнй трагеди...
Эпё халиччен хёрсем сине алё **сёклем** мар, сывласа та курман... (Брят) «Это проказы судьбы, происки беса, случайная трагедия... Я до сих пор **не то чтобы** руку на женщину **поднять**, даже не дышал (на них)...»

Халё а́на Миша суралнй кунне тас́ти ва́рмана **уявлама** мар, юратнй сыни́йн та́рйашса пёсёрне́ апат харама кайни, а́на упайки ним вы́рйанне те хуманни, ачисен, ун ёмёсёсене татни хурлантарчё (Эльмен) «Сейчас ее огорчало не то, **что** Миша **будет праздновать** свой день рождения в лесу, а то, что пропадет обед, который она так старалась приготовить для любимого человека, что муж ни во что ее не ставит, и что не сбудется мечта ее и их детей».

Савайна та пёрремёш тёллу́ра Перетяткин капитан чикё пайсакана тытса **чарма** мар, темле кобра́на упрама ве́рентмешкён ты́тйансан Олег ка́малё сивёнмеллипех сивёнчё (Гордеев) «И поэтому Олег сильно расстроился, что при первой встрече капитан Перетяткин принялся их учить **не как ловить** нарушителей границы, а как защитить себя от каких-то кобр».

— Мёни́ён-и? Эпир кунта **чирлеме** мар, сывалма, юсанма, социализм тёнчи́иён са́пйасмайкён вай-хал пухма килнё (Збанацкий) «Почему? Мы сюда прибыли, **не чтобы болеть**, а чтобы выздороветь, поправиться и набрать сил для борьбы за социалистический мир».

Вилмешкён мар, ирёке ханьхнй совет халёхё нихсан та сичё ют хурахён тарси пулма килёшес суккине чёрепе сиссе, Сталинградан чул пек та́прине чёрне вёсёсён алтса-кайшласа, окопсемпе траншейа́сем турйа́йр (Ильбек) «Мы копали окопы и траншеи, врываясь ногтями в твердую как камень землю Сталинграда, **не чтобы умереть**, а сердцем чувствуя, что советский народ, привыкший к свободе, никогда не согласится стать рабом иноземных захватчиков».

5. Сочетания инфинитива с финитной формой, образованной от того же глагола, в чувашском языке передают особые значения, которые на русский язык переводятся при помощи таких слов и сочетаний, как «даже; что касается» и др. По мнению Н. И. Ашмарина, подобные случаи могли возникнуть вследствие влияния русского языка или представляют собой «новые обороты» [3, с. 138 — 139]:

Лисукан хырйа́мё пыса́клансах ситнё ёнтё; **пёшкёнде** те аран-аран пёшкёнке́лет (Брят) «Живот Лисук уже сильно увеличился, даже наклоняться ей тяжело (досл.: **наклоняться**, и то с трудом наклоняется)».

Хай енчен вёл калас́ава ытлаиши чёртсех пымасть, хайна мён ыйтнине сёс хуравлакалать, **итлеме** вара тимлесех итлет (Эсхель) «Со своей стороны, он не особо поддерживает разговор, лишь отвечает на вопросы гостя, а вот что касается **послушать**, то слушает внимательно».

В чувашском языкознании были попытки определения указанных значений, в частности у И. П. Павлова [13, с. 199] и Л. П. Сергеева [15, с. 376], но в силу их громоздкости и отсутствия охвата всех возможных случаев, мы здесь их не приводим. Поиск более емкого и точного определения значения формы на *-ма/-ме* в указанных сочетаниях будет возможен только после анализа как можно большего количества примеров, что требует отдельного исследования.

6. Форма с показателем *-ма/-ме* способна выступать в качестве компонента аналитической формы со вспомогательным глаголом *пӕх* «смотреть», которая передает модальное значение попытки совершения действия. Мы считаем это сочетание аналитической формой, так как глагол, выступающий здесь в роли вспомогательного, полностью потерял свое основное лексическое значение:

Вӕл, хӕрне лӕплантарасийӕн пулса, вӕйсӕррӕн кулма пӕхрӕ, анчах кулли тухмарӕ (Осипова) «Она хотела успокоить дочку, попыталась слабо **улыбнуться**, но не получилось».

Сӕллӕ те хытанка каччӕ кӕрсе тӕчӕ. Аллинчи хӕп-хӕрлӕ, шултра кӕл чечек сыххине хӕр еннелле тӕсрӕ, чуптуса илме пӕхрӕ (Мышкина) «Вошел высокий и сухощавый парень. Он протянул в сторону девушки огромный букет красных роз и попытался **поцеловать** (ее)».

— *Мӕскер мыскарари тӕватӕн эс, Мишиша? Алмазовӕ пӕрех шӕтлекелеме, шӕл йӕрме пӕхатъ...* (Енеш) «— Что за спектакль ты разыгрываешь, Миша? Алмазов же все равно пытается **отшутиться, позубоскалить...**».

7. Еще одна аналитическая форма с компонентом на *-ма/-ме* образуется при помощи вспомогательного глагола *пул* «быть». Ее значением является возможность совершения действия:

Биофилолог Сӕр шывӕ хӕрринчен таврӕнсан пулӕсӕ ун патне татах кӕрсе тухма пулчӕ (Краснов) «Когда биофилолог вернулся с берега Суры, рыбак снова смог **зайти** к нему».

Сакӕнта сакланнишиӕн Голиков сав тери хӕпӕртет. Ма тесен кунта сӕнна ним суд тумасӕрах персе пӕрахма пулатъ иккен (Кибеч) «Голиков так рад тому, что попал сюда. Если спросить почему, оказывается, здесь можно без суда **растреливать** людей».

Сӕуре ме сен, кунта, район центрӕнче, та сӕта та ситсе тухма пулатъ (Гордеев) «Захочешь погулять — здесь, в районном центре, можно хоть куда **добраться**».

Уйӕх сӕнчи кӕвентеллӕ хӕрӕн кун кӕнекине малалла вуланӕ пулсан акӕ мӕн пӕлме пулатъ (Эльби) «Если дальше почитать дневник девушки, стоящей с коромыслом на Луне, можно вот что **узнать**».

Эту форму может образовывать и инфинитив с показателем *-машкӕн/-мешкӕн*:

Анчах та вӕл сӕру е проект сӕрма васкамарӕ-ха, мӕнле те пулин урӕх сӕл шыраса тупмашкӕн пулмӕ-и терӕ (Юхма) «Но он не спешил писать письмо или проект, думая о том, нельзя ли как-нибудь **найти** другой путь?».

Распространены случаи, когда две формы инфинитива связаны и следуют друг за другом. При этом сочетания могут состоять как из двух слов в одной форме на *-ма/-ме*, так и из двух слов, одно из которых стоит в форме с показателем *-машкӕн/-мешкӕн*, а второе — в форме на *-ма/-ме*. Сочетания, которые состоят из двух слов в форме на *-машкӕн/-мешкӕн*, не отмечены. Среди значений, которые они передают в этих сочетаниях, чаще всего встречаются значения цели и объекта:

Института кӕме хатӕрленме пулӕшрӕ (Бӕрӕт) «Он помог **подготовиться** (объект) **поступить** (цель) в институт».

Настя хулана кайса института бухгалтера вӕрнеме кӕме документсене пачӕ (Емельянова) «Настя поехала в город и подала документы на поступление (досл.: **чтобы поступить**) (цель) в институт, **чтобы учиться** (цель) на бухгалтера».

— Мёниён *çăлтăн мана?! Мён тума вилме памарăн?! — ўлесе макăрчĕ Кирилл* (Андреев) «Зачем ты меня спас?! Почему не дал умереть?! [досл.: **не дал умереть** (объект), **чтобы что делать** (цель)?] — зарыдал Кирилл».

Вилесрен çăлмашкăн ыйтма килтĕм сан патна (Юхма) «Я пришла к тебе **просить** (цель) **спасти** (меня) (объект) от смерти».

Анчах та семьеере чи кĕçĕнни Петĕр ашиё-амăиён кил-çуртне пăрахас темен ёнтĕ. Ялтах тĕплене вăй хурса лайăх пурнăç тумашкăн тăрăшма тытăннăй вара çамрăк семье (Петти) «Но самый младший в семье, Петр, не хотел уже покидать родительский дом. Молодая семья укоренилась в деревне и, прилагая свои силы, принялась строить лучшую жизнь [досл.: принялась **стараться** (объект) **строить** (цель)]».

Ытла сĕмсĕр пулсан пире кунта тăмашкăн чарма та пултарĕç тесе эфир вĕсенчен хăпрăмăр (Гордеев) «Если будут слишком наглыми, то могут **помешать** (объект) нам здесь **стоять** (цель), поэтому мы отстали от них».

Канаша сысна кĕтĕвне хăваласа кайма пулăшмашкăн ишкул директорĕ мана та хăйĕн патне чĕнтерсех хушнăччĕ ун чухне... (Краснов) «Директор школы, вызвав к себе, приказал тогда и мне **помочь** (цель) **отогнать** (объект) стадо свиней в Канаш...»

Заключение

Проведенное нами исследование позволяет сделать следующие выводы в отношении функционально-семантических особенностей форм с показателями *-ma/-me* и *-машкăн/-мешкĕн* со значениями инфинитива:

1. Формы, образуемые при помощи аффиксов *-ma/-me* и *-машкăн/-мешкĕн* по всем своим характеристикам, с учетом их неспособности сочетаться с аффиксами именных категорий, а также передаваемых ими значений, являются инфинитивами.

2. Исходя из предыдущего пункта, можно утверждать, что в чувашском языке имеется отдельная словоизменительная грамматическая категория инфинитива, конституируемая двумя указанными формами, которые передают одни и те же значения, различаясь лишь в плане стилистики. Форма на *-машкăн/-мешкĕн* употребляется, как правило, в книжной речи, а форма на *-ma/-me* может использоваться как в художественных произведениях, так и в разговорной речи.

3. К основным значениям, которые передают эти формы, относятся: значение цели, объекта действия (в самом широком смысле, с включением всех возможных семантических вариантов), невозможности совершения действия (в сочетании с частицей *çук*), противопоставление другому действию (в сочетании с частицей *мар*) и особое значение, передаваемое сочетанием инфинитива на *-ma/-me* с финитной формой того же глагола.

4. Форма с аффиксом *-ma/-me* участвует в образовании аналитических форм в сочетании с десемантизированными вспомогательными глаголами *пăх* и *пул*, основные лексические значения которых — «смотреть» и «быть». Эти сочетания передают модальные значения попытки и возможности совершения действия.

5. Среди семантических групп слов, образующих синтаксические сочетания с инфинитивами, отмечены следующие: при передаче значения цели — глаголы движения, именные части речи и частицы, глаголы, представляющие другие семантические группы с широким спектром значений; при передаче значения объекта — глаголы, обозначающие различные состояния субъекта действия, глаголы, имеющие семантику, близкую к побуждению к совершению действия, глаголы со

значением возможности, глаголы со значением желания, глаголы с фазовыми значениями начала и окончания действия, а также именные части речи и частицы; при передаче значений возможности и противопоставления — частицы *сук* и *мар*.

6. Установлены случаи сочетаний глаголов, находящихся в формах на *-ма/-ме* и *-маикӑн/-меикӑн*, друг с другом. Инфинитивы в этих сочетаниях, как правило, передают значения цели и объекта. Сочетаться могут как два инфинитива в форме на *-ма/-ме*, так и в формах на *-ма/-ме* и *-маикӑн/-меикӑн*. Случаи сочетаний двух форм с показателем *-маикӑн/-меикӑн* не отмечены.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
2. Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типолит. Императ. ун-та, 1898.
3. Ашмарин Н. И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2. Симбирск: Тип. Полиграфсекции С.Н.Х., 1923.
4. Васильева Н. В. Супин // Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1990. С. 499.
5. Ганиев Ф. А. Инфинитивные формы. Имена действия // Татарская грамматика. Т. II. Морфология. Казань: ИЯЛИ АНТ, 1997. С. 230 — 235.
6. Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2015. 320 с.
7. Егоров В. Г. Глагол // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. Морфология. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. С. 151 — 239.
8. Козинцева Н. А. Инфинитив // Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1990. С. 198 — 199.
9. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1960. 447 с.
10. Коркина Е. И. Глагол // Грамматика современного якутского литературного языка. Москва: Наука, 1982. С. 213 — 227.
11. Лебедев Э. Е. Словообразование в чувашском языке. Чебоксары: ЧГИГН, 2023. 212 с.
12. Павлов И. П. Современный чувашский язык. Т. 2. Морфология. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. 448 с.
13. Павлов И. П. Хальхи чӑваш литературӑ чӗлхи. Морфологи. Шупашкар: Чӑваш АССР кӑн. изд-ви, 1965. 344 с.
14. Сергеев В. И. Морфология чувашского языка: словоизменение, формоизменение и формобразование. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. 400 с.
15. Сергеев Л. П. Глаголӑн сӑпатсӑр формисем // Чӑваш чӗлхи. Шупашкар: Чӑваш кӑн. изд-ви, 2012. С. 375 — 401.

REFERENCES

1. Akhmanova O. S. Dictionary of Linguistic Terms. Moscow;1969:608. (In Russ.)
2. Ashmarin N. I. The Materials for the Study of the Chuvash Language. Kazan;1898. (In Russ.)
3. Ashmarin N. I. An Attempt at Studying Chuvash Syntax. Part Two. Simbirsk;1923. (In Russ.)
4. Vasilyeva N. V. Supin // Linguistic Encyclopedic Dictionary. Moscow;1990:499. (In Russ.)
5. Ganiev F. A. The Infinitive Forms. Action Nouns // Tatar Grammar. Morphology. Kazan;1997: 230 — 235. (In Russ.)
6. Guzev V. G. Theoretical grammar of the Turkish language. St. Petersburg;2015:320. (In Russ.)
7. Egorov V. G. The Verb // The Materials on the Grammar of the modern Chuvash language. Part one. Morphology. Cheboksary;1957:151 — 239. (In Russ.)
8. Kozintseva N. A. The Infinitive // Linguistic encyclopedic dictionary. Moscow;1990:198 — 199. (In Russ.)
9. Kononov A. N. Grammar of the modern Uzbek literary language. Moscow; Leningrad;1960:447. (In Russ.)
10. Korkina E. I. The Verb // Grammar of the modern Yakut literary language. Moscow;1982: 213 — 227. (In Russ.)
11. Lebedev E. E. Word formation in the Chuvash language. Cheboksary;2023:212. (In Russ.)

12. Pavlov I. P. Modern Chuvash language. Vol 2. Morphology. Cheboksary;2017:448. (In Russ.)
13. Pavlov I. P. Khalkhi chävash literatură chëlkhî. Morphology. Shupashkar;1965:344. (In Chuvash)
14. Sergeev V. I. Morphology of the Chuvash language: inflection, form change and form formation. Cheboksary;2017:400. (In Russ.)
15. Sergeev L. P. Glagolän säpatsär formisem // Chävash chëlhi. Shupashkar;2012:375 — 401. (In Chuvash)

Статья поступила в редакцию 29.12.2025;
одобрена после рецензирования 09.02.2026; принята к публикации 02.03.2026

Информация об авторе:

Лебедев Эдуард Евгеньевич, ведущий научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),
кандидат филологических наук,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7101-5283>, edlebed@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 29.12.2025;
approved after reviewing 09.02.2026; accepted for publication 02.03.2026

Information about the author:

Eduard Ev. Lebedev, leading researcher, Chuvash State Institute of Humanities
(29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),
Candidate of Philological Sciences,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7101-5283>, edlebed@gmail.com

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 29.12.2025 çитнĕ;
рецензиленĕ хыççăн 09.02.2026 ырланă; 02.03.2026 пичете йышăннă

Автор çинчен:

Лебедев Эдуард Евгеньевич, Чăваш патшалăх гуманитарни
ăслăлăхĕсен институчĕн ăслăлăх ертÿçĕ ёçтешĕ
(428015, Раçсей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
филологи ăслăлăхĕсен кандидачĕ,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7101-5283>, edlebed@gmail.com

Пайталăх конфликчĕ: автор пайталăх конфликчĕ çуккине пĕлтерет.
Автор ал çырăвĕн юлашки вариантне вуласа тухнă, ырланă.

УДК 821.512.111.09-3
ББК 83.3(2=635.1)

Научная статья

ПОЭТИКА ДОКУМЕНТАЛИЗМА В ЧУВАШСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ И ВОЕННОЙ ПРОЗЕ

А. Ф. Мышкина

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
alb-myshkina@mail.ru

Аннотация. Документальная проза как разновидность художественной литературы стала устойчивым явлением XX в. Термин «документальная литература» появился в 1920-е гг. В основном функционирует в литературоведческой науке России и стран ближнего зарубежья. В данной статье документализм рассматривается как один из принципов художественного исследования действительности, как самостоятельное художественное явление, имеющее свои специфические особенности. Своеобразие документализма автор статьи связывает с его функцией свидетельствовать. В художественном творчестве это становится одним из способов описания внешнего мира в его историческом, эстетическом, этическом развитии. В документальной прозе писатели в художественной форме описывают реальные события, называя настоящие имена героев, вводят в ткань художественного повествования подлинные документы. Свое эстетическое воплощение документ в основном получает в историческом повествовании, военной прозе, биографических и мемуарных материалах. В статье проанализированы произведения военной (А. Хмыт, В. Савелькин, Н. Сорокин) и исторической (Н. Сорокин, Л. Сачкова, К. Куликов, И. Салахов, А. Доронин) прозы национальных писателей Урало-Поволжья. В результате исследования сделан вывод о том, что значимой особенностью современной историко-документальной прозы стала определенная реакция на идеологию тоталитаризма, возросший интерес к «белым пятнам» истории и известным политическим событиям. В подобных произведениях исторические документы становятся частью исторической картины. В военной прозе документализм связан с биографическими фактами писателя. Авторы подобных произведений чаще всего являются участниками описываемых военных событий, то есть прямыми их свидетелями.

Ключевые слова: чувашская проза, документ, документализм, документальная литература, военная проза, исторический факт, историко-документальная проза, национальные литературы Урало-Поволжья

Для цитирования: Мышкина А. Ф. Поэтика документализма в чувашской исторической и военной прозе // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 1. С. 68 — 80

© Мышкина А. Ф., 2026

Scientific article

THE POETICS OF DOCUMENTARY IN CHUVASH HISTORICAL AND WAR PROSE

A. F. Myshkina

Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
alb-myshkina@mail.ru

Abstract. Documentary prose emerged as an established literary genre in the 20th century. The term «nonfiction» first appeared in the 1920s and is primarily used in literary studies in Russia and neighboring countries. This article examines documentarism as a principle of artistic inquiry into reality, viewing it as an independent artistic phenomenon with distinct features.

The author links the uniqueness of documentarism to its testimonial function. In fiction, this becomes one of the ways to describe the external world in its historical, aesthetic, and ethical development. In documentary writing, writers depict real events artistically, using actual names and integrating authentic documents into the narrative. Documentary elements are most commonly found in historical narratives, war prose, biographies and memoirs. This article analyzes war fiction (A. Khmyt, V. Savelkin, N. Sorokin) and historical fiction (N. Sorokin, L. Sachkova, K. Kulikov, I. Salakhov, A. Doronin) by national writers of the Ural-Volga region. The study concludes that a significant feature of contemporary historical documentary fiction is a certain reaction to the ideology of totalitarianism and an increased interest in the «blank spots» of history and well-known political events. In these works, historical documents become part of the historical narrative. In war fiction, documentary prose, documentarism is closely linked to the author's biography. The authors of such works are most often participants in the military events described, serving as direct witnesses.

Keywords: Chuvash prose, document, documentarism, documentary literature, war prose, historical fact, historical documentary prose, national literatures of the Ural-Volga region

For citation: Myshkina A. F. The poetics of documentary in Chuvash historical and war prose // Modern humanities. 2026;2(1):68 — 80

Аслăлăх статийи

ВĂРÇĂ ТАТА ИСТОРИЛЛĔ ЧĂВАШ ПРОЗИН ДОКУМЕНТАЛИЗМЛА ИЛЕМЛĔХ МЕЛĔСЕМ

А. Ф. Мышкина

Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхĕсен институтĕ,
Шупашкар хули, Раççей
alb-myshkina@mail.ru

Аннотаци. Илемлĕ литературăн пĕр тĕсĕ шутланакан документлă проза XX ĕмĕрте сирĕппенсе ситнĕ пулăм пулса тăнă. «Документлă литература» термин 1920-мĕш сÛлсенче сÛралнă. Паян унпа ытларах Раççей тата унпа юнашар сĕршывсен литература пĕлĕвĕнче усă кураççĕ. Статъяра документализма вăл чăнлăха илемлĕх мелĕсемпе тĕпчемелли принципсенчен пĕри тата хай тĕллĕн илемлĕх пулăмĕ пулнине асра тÿтсе тĕпченĕ. Документализмăн хай евĕрлĕхне статья авторĕ унăн чăн пулнине ĕненерес функцийĕпе сыхăнтарать. Илемлĕ пултарулăхра вăл пурнăçа истори, илемлĕх тата кăмăл-сипет тĕнчин аталанăвĕ урлă сăнласа памалли мелсенчен пĕри пулса тăрать. Документлă прозăра сыравçăсем чăн пулнине илемлĕх мелĕсемпе сăнлаççĕ, сăнарсен чăн ячĕсене асăнаççĕ, илемлĕ калу тĕртĕмне чăн документсене кĕртеççĕ. Документпа усă курса илемлĕх сăнарне калăплани ытларах историллĕ калура, çар прозинче, биографи тата мемуар материалĕсенче асăрхама пулать. Статъяра Уралпа Атăл тăрăхĕнчи халăхсен сыравçисен вăрçă (А. Хмыт, В. Савелькин, Н. Сорокин) тата истори (Н. Сорокин, Л. Сачкова, К. Куликов, И. Салахов, А. Доронин) хайлавĕсене тишкернĕ. Материала тĕпченĕ хыççăн автор хальхи историпе документ прозин чи паллă уйрăмлăхĕсем тоталитаризм идеологине сивлессипе, историн сÛтатса пaman тапхăрĕсемпе тата паллă политика пулăмĕсемпе кăсăкланасси ўснипе сыхăннине палăртса пĕтĕмлетÿ тăвать. Çакăн пек хайлавсенче истори документчĕсем истори картинин пĕр пайĕ пулса тăраççĕ. Вăрçă прозинчи документализм ытларах сыравçăн биографийĕнчи пулăмсемпе сыхăннă. Çакăн пек хайлавсен авторĕсем чылай чухне хайсем сÛрса кăтарнă вăрçа хутшăннă сÛнсем, урăхла каласан, çав событисен тÿрĕ свидетелĕсем пулаççĕ.

Тĕп сăмахсем: чăваш прози, документ, документализм, документлă литература, вăрçă прози, историллĕ факт, историпе документлă проза, Уралпа Атăлчи халăхĕсен литературисем

Цитатăлама: Мышкина А. Ф. Вăрçă тата историллĕ чăваш прозин документализмла илемлĕх мелĕсем // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 1 №. С. 68 — 80

Введение

Термин «документальная литература», используемый в основном в научной среде России и стран ближнего зарубежья, возник в 1920-е гг. В чувашской литературе зарождение документальной прозы как художественного явления относят к 1930-м гг. [роман-хроника С. В. Эльгера «Вутпа сулам витёр» («Сквозь огонь и бурю», 1949) впервые был издан как мемуары «Върçă кунĕсем» («Дни войны», 1937)]. В русской литературе к художественно-документальной прозе причисляли «мемуары, дневники и записные книжки писателей и иных авторов, чьи сочинения, как полагали исследователи, были значимы не только в аспекте фактографическом, но и в аспекте эстетическом»¹. Сюда также относили произведения, авторы которых в художественной форме описывали реальные события, называя настоящие имена всех действующих лиц, вводя в ткань художественного повествования подлинные (или же выдаваемые за таковые) документы. Акцент смещался либо в сторону документальности, либо в сторону художественности. Учитывая подобную особенность документалистики, Е. Г. Местергази правомерно выделяет два вида документальных жанров: 1) чистые (первичные) (письмо, хроника, исповедь, автобиография и т. д.); 2) сложные (вторичные) (невывымышленный рассказ, документальная повесть, документальный роман)². При этом в первом случае нет места вымышленным персонажам, здесь вымысел отсутствует как таковой, а во втором случае частичный вымысел образов, сюжетной линии, конфликтов и ситуаций становится первостепенным.

Для нашего исследования более важен второй вид документальных жанров, напрямую связанный с художественной литературой. Для данного направления литературы характерно исследование исторических событий и явлений общественной жизни через анализ документов, исторических материалов и их воспроизведение в полном или частичном изложении. В рамках данного исследования мы намерены рассматривать документализм как один из принципов художественного исследования действительности, как самостоятельное художественное явление, имеющее свои специфические особенности.

Материалы и методы

Материалом исследования являются произведения военной (А. Хмыт, В. Савелькин, Н. Сорокин) и исторической (Н. Сорокин, Л. Сачкова, К. Куликов, И. Салахов, А. Доронин) прозы национальных писателей Урало-Поволжья. В ходе исследования применены методы культурно-исторического, биографического, сравнительно-типологического анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Военная проза во всех литературах народов России становится своеобразным вектором развития художественной документалистики. Она достаточно исследована с учетом различных литературоведческих проблем. К примеру, мордовские литературоведы А. И. Брыжинский [1], В. М. Макушкин [5], Н. И. Чекашкина³ в своих работах разделяют ее на три группы: 1) произведения, в которых события

¹ Местергази Е. Г. Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века): автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.01.08 / Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького РАН. Москва, 2008. С. 12.

² Там же.

³ Чекашкина Н. И. Художественное осмысление темы Великой Отечественной войны в современной мордовской прозе (80 — 90-е годы XX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2004. 24 с.

войны становятся важным фактором в судьбе героев, являясь прямыми объектами изображения; 2) произведения, в которых довоенное и послевоенное время выступают как важнейший период в биографии героя; 3) произведения, авторы которых не являются участниками войны, и в которых военные события не нашли своего яркого описания. Данные выводы мордовские исследователи делают исходя из анализа произведений о Великой Отечественной войне. Аналогичная мысль о произведениях данной тематики высказана и в исследованиях чувашского литературоведа Г. И. Федорова, который, анализируя творчество писателей-фронтовиков, пишет: «В творческих откровениях Л. Агакова, М. Данилова-Чалдуна, К. Турхана, И. Тукташа, Хв. Ситты, равнодушных к проблеме биографического портрета, выходит на арену человек с концентрированным восприятием исторической памяти, отображаемой сквозь призму индивидуального, биографического понимания реалий войны» [4, с. 348]. Следует признать, что оппозиция писателей как «участник» или «не участник» военных действий способствует более глубокому пониманию документальной основы произведений о войне.

В современной чувашской литературе наиболее ярким представителем военной прозы стал Анатолий Хмыт, в творчестве которого тема выполнения интернационального долга на территории Афганистана стала сквозной. Документализм его произведений в первую очередь основывается на исторических и биографических (или автобиографических) фактах и событиях. Так, в основе сюжета повести «Вилёмсёр кайкър юрри» («Песня бессмертного сокола», 2020) лежит биография погибшего при выполнении интернационального долга Евгения Михайловича Трилинского (1969 — 1988), чье имя (Женя Трилинский) носит одна из улиц г. Чебоксары. Произведение построено по принципу «рассказ в рассказе». Так, встретившись на очередную годовщину в День Победы афганцы-однополчане навещают своего сослуживца Евгения Александрова в госпитале. Именно он здесь становится рассказчиком, повествующим о жизни и последнем бое Трилинского. Следует заметить, что в повести очень много топонимов, которые близки и знакомы тем, кто прошел Афган (Гульбахар, Панджшер, Файзабад, Иш-Камыш, Джабаль-ус-Сирадж, Саланг, Джабаль и др.), а также специфических слов и терминов — духи, дувал, дуكان, кишлак, шурави, БМП, броня, КПП, оружейка, окоп, гранатомет и др. Как отмечают исследователи, «присутствие жаргонной, сниженной и диалектной лексики <...> делает произведения максимально правдоподобными» [9, с. 494]. Таким приемом А. Хмыт пользуется весьма успешно. В его творчестве — это специализированно-специфические слова, связанные с военным делом и определенным регионом (Афганистаном).

Несмотря на изобилие фактического, документального материала, повесть «Песня бессмертного сокола» остается произведением художественной литературы. И ей не чужды художественный вымысел и эстетические параллели. Особенно наглядно это выражено в финале повести, рассказывающем о последних минутах главного героя Жени Трилинского, в котором в одно целое сливаются грохот боя, красивая мелодия, песня о родном крае, о «Волге-отце». Все это указывает на то, что на первый план здесь выходит лирическое повествование, которое работает на углубление трагического начала всего произведения. И название повести имеет символический характер. В ней есть образ сокола по кличке Орлик, прирученного старшим лейтенантом Виктором Ивановичем Лысковым. Сокол, который не раз помогал разведчикам не наткнуться на вражеский дозор, подсказывал, паря над ними. Вместе с тем образ сокола здесь — это и образ по-

гибших на поле боя советских солдат, обессмертивших свое имя. И после своей смерти сокол Орлик, как и павшие солдаты, остается в строю.

Бесспорно, произведения А. Хмыта имеют явный автобиографический характер. Писатель делится фактами своей жизни и личными переживаниями, используя методы художественного переосмысления и обработки реальных фактов. При этом он не пишет мемуары. И здесь важно учитывать, что любое событие или факт биографии писателя по истечении определенного промежутка времени может по-разному трансформироваться, измениться. С истечением времени писатель не просто передает свои первичные чувства и мысли, а делает определенный акцент на важных, с точки зрения сегодняшнего дня, моментах прошлых событий, усиливая или стирая ту или иную сторону одного и того же факта, события. Именно о таком подходе А. Хмыта к изображению событий своей жизни свидетельствуют два обстоятельства его творчества.

Во-первых, писатель сам является участником афганской войны (1982 — 1984), а свои произведения об этих событиях начал писать лишь в конце 1990-х — начале 2000-х гг.: «Рафик» (1999), «Саръ чечек — уйрӑлу палли» («Желтый цветок — знак расставания», 2000), «Тавӑрнӑ чыс» («Возвращенная честь», 2002), «Сӑлтӑрсем вылянӑ каҫ» («Ночь, когда играли звезды», 2003) и т. д. Это говорит о том, что у него было время переосмыслить и обобщить не только свои чувства и мысли, но и взглянуть на все те события в ракурсе изменившихся социально-политических условий. В связи с этим возникает и второе обстоятельство, которое отражается непосредственно в его произведениях. Так, А. Хмыт описывает не только героизм советских солдат, но и отношение общества (или некоторой части общества, отдельных людей) к парням, прошедшим эту войну, и рассуждает о той трагедии, которую несет война разным народам. Можно сказать, что через них писатель выражает позицию по отношению к описываемым событиям, дает им свою оценку.

По мнению исследователей, выражение авторской позиции и оценки является важным показателем «проявления личности автора или транслирования личностного опыта известных личностей» [9, с. 494] в художественно-документальной прозе. Вот, к примеру, несколько подобных эпизодов в рассказе «Желтый цветок — знак расставания». Первое — это высказывание ветерана Великой Отечественной войны Саламбека Махмутова о молодом поколении: *«Мён вӑл Афганистан? Эпир ӑна чӑн-чӑн асап тӑссе ирттертӑмӑр. Эпир мён курнине эсир курман»*⁴ (Что такое Афганистан? Это мы пережили настоящие страдания. Того, что увидели мы, вы не видели⁵). Второе — рассуждение главного героя, афганца Володи Кичанова: *«...куҫ умне Файзабад, Иш-Камыш, Панджшер тӑрӑхӑнчи хаяр ҫапӑҫусене кӑларса тӑратрӑҫ. Мён чухлӑ чуна илсе кайрӑҫ-ши вӑсем леш тӑнчене? Ҫур ҫул хушинче ҫеҫ ҫӑр ҫирӑм сакӑр ача пуҫ хучӑ. Ҫак вӑрҫӑра тата миҫе этем ҫунса кайӑ-ши? Нивушлӑ вӑсем пурнӑҫа тивӑҫ пулмарӑҫ? Синкер телеграммӑсем тата миҫе ҫын чунне хуҫӑҫ-ши? Кам калӑ ҫакна?»*⁶ (...перед глазами возникли жестокие бои возле Файзабада, Иш-Камыша, Панджшера. Сколько душ они забрали на тот свет? За полгода сложили голову сто двадцать восемь ребят. Сколько еще человек сгорят в этой войне? Неужели они были не достойны

⁴ Хмыт А. Тӑлленмен тӑлӑк: повеҫсем, калавсем. Шупашкар: Чӑваш кӑн. изд-ви, 2020. С. 169.

⁵ Здесь и далее, кроме особо оговоренных мест, подстрочный перевод автора статьи.

⁶ Хмыт А. Тӑлленмен тӑлӑк. С. 169.

жизни? Еще скольким людям разобьют душу злополучные телеграммы? Кто расскажет об этом?).

Авторскую позицию в творчестве А. Хмыта показывают не только высказывания героев и повествователя, но и описываемые ситуации. Так, в повести «Шуря кёпеллэ хёртен юлнă йăмăх» («Блеск, оставшийся после девушки в белом платье», 2020) возлюбленная Тимри Зульфия отвергает парня, которого ждала из армии, узнав о его инвалидности, потере ног. А в повести «Айша» (2020) поступок Кирилла по отношению к афганке Айше — интимная близость с ней — становится причиной его моральных терзаний, хотя в создавшейся ситуации, когда Айша одна воспитывает его сына, вины Кирилла нет. Так сложились обстоятельства: после взрыва Кирилл потерял девушку, счел ее погибшей и один уехал на родину. Как показывает анализ произведений, многие из героев (а они, естественно, несут в себе мысли и поступки реальных людей) не до конца понимают, что означает служить в Афганистане, их трагедию и боль. Между тем можно утверждать, что это трагедия и боль самого писателя, непосредственного участника и очевидца всех подобных обстоятельств.

Исследование творчества А. Хмыта позволяет утверждать, что в его прозе фактический материал, исторические события и факты добротнo обработаны и переложены в художественную плоскость. Один и тот же материал — афганская война — лежит в основе и документального, и приключенческого, и лирико-романтического, любовного сюжета его произведений. Все это свидетельствует о том, что в прозе А. Хмыта документализм гармонирует с художественным вымыслом.

Подобное явление наблюдается и в повестях В. Савелькина «Элчел» («Горькая участь», 2009), Н. Сорокина «Тăлăх арăм минтерё» («Вдовья подушка», 2019). Здесь весьма интересно определение жанра произведений самими писателями: В. Савелькин обозначил его как «*шухăшласа кăларман повесть*» (непридуманная повесть), а Н. Сорокин — «*савнисен романё*» (любовный роман). Жанровое определение «непридуманная повесть» напрямую указывает на документальную основу сюжета, а «любовный роман» — на главную тему произведения. Тем не менее, на наш взгляд, и повесть Н. Сорокина «Вдовья подушка» тяготеет к документализму. В числе явных его признаков уместно обозначить строгое датирование происходящих событий, вставку архивных и исторических документов, с указанием их источника. А в части «Эпилог» писатель полностью отходит от художественного воздействия на фактический материал и просто описывает дальнейшую судьбу главных героев произведения: «*Ваçиле ывăлĕ, Анатолий Иванович Кузнецов палă юрист, кĕçĕнни, Вениамин Иванович самолетсен перспективлă конструкторĕ пулса тăнă. Хĕрĕ, республика тава тивĕçлĕ строителĕ Лилия Ивановна...*»⁷ (Сын Василе, Анатолий Иванович Кузнецов знаменитый юрист, младший, Вениамин Иванович стал перспективным конструктором самолетов. Его дочь, заслуженный строитель республики Лилия Ивановна...). Имена героев произведения Н. Сорокина совпадают с именами их прототипов, что, вероятно, сделано автором специально для подчеркивания документальной, жизненной основы сюжета повести.

Действия повести «Горькая участь» В. Савелькина, как и повести Н. Сорокина «Вдовья подушка», происходят в период Великой Отечественной войны,

⁷ Сорокин Н. Тăлăх арăм минтерё: савнисен романё. Шупашкар: Çĕнĕ Вăхăт, 2019. С. 215.

с одним лишь отличием: у В. Савелькина — на территориях, оккупированных фашистами, а у Н. Сорокина — это советский тыл. Будучи сотрудником КГБ, В. Савелькин имел доступ к засекреченным документам и архивным материалам КГБ (ФСБ) ЧР [6, с. 142]. Именно они легли в основу сюжета. До определенного периода о деятельности легиона «Идель-Урал» не упоминалось даже в работах историков, ныне эта информация широко представлена и в интернет-пространстве.

Все события повести «Горькая участь» описаны от имени главного героя Анатолия Кадеева, сдавшегося в плен еще в начале войны. Однако ее документальную основу создают образы реальных людей (доктор Бенцинг⁸, Власов⁹, Семен Николаев¹⁰ и др.), исторические факты, которые введены в структуру повествования через диалоги персонажей (отсутствие подписи СССР на документах Женевской конвенции¹¹, данные о репрессиях среди высшего эшелона военачальников, создание Русской освободительной армии, сталинский Приказ № 270 о признании всех пленных предателями и т. д.), линейное развитие сюжета с выделением точных дат (в начале повести — весна 1941 г., в конце — лето 1946 г.). Некоторые высказывания героев явно демонстрируют гражданскую позицию самого писателя. Вместе с тем они являются зачатками художественно-публицистической линии повести. Например, отрывок «*Влаç въл паян ку, ыран — урӑххи. Тӑван çĕршыв вара улишӑнмасть, въл яланах пĕрре*»¹² (Власть она сегодня эта, завтра — другая. А Родина не меняется, она всегда одна) показывает не столько патриотизм героев, сколько порицание власти. В отрывке «*Харьков патĕнче пирĕн пĕтĕм арми тыткӑна çакланчĕ. Ман айӑп аста-ши? Командовани айӑплӑ*»¹³ (Под Харьковом вся наша армия попала в плен. Где же моя вина? Командование виновато) звучит прямое обвинение военачальников, а через них самого главнокомандующего, И. Сталина, в поражении и попадании в плен. Эмоциональное высказывание героя Хведера «*Тутарсем ёмĕр-ёмĕрех Атӑл тӑрӑхёнчи ытти халӑхсене пусмӑрласа пурӑннӑ*»¹⁴ (Татары издревле угнетали другие народы Поволжья) раскрывает исторически сложные отношения народов Поволжья между собой. Это высказывание приобретает особую актуальность, так как писатель В. Савелькин как уроженец Татарстана имеет социально-бытовой опыт практического общения с татарами. А в эпилоге своего произведения автор дает последнее слово Анатолию Кадееву перед собственной казнью: «*Эй, чӑваш халӑхĕ! Туймастӑн-им, сисместĕн-им эсĕ: санӑн маттур ывӑлна персе вĕлерме илсе каяççĕ! Мана йӑнӑш сул çине тĕкекенсем сывӑ юлчĕç. Эй, мёскĕн чӑваш!...*»¹⁵ (Эй, чувашский народ! Неужели не чувствуешь, не ощущаешь ты: твоего славного сына ведут на расстрел! Те, которые подталкивали меня на ошибочную дорогу, остались среди живых. Эй, бедолага чуваш!). В этих словах нет осуждения предателя, в них

⁸ Йоханс Бенцинг (1913 — 2001) — немецкий тюрколог, востоковед.

⁹ Власов А. А. (1901 — 1946) — советский военачальник, в ходе Великой Отечественной войны перешедший на сторону нацистской Германии.

¹⁰ Николаев С. Н. (1880 — 1976) — российский и белоэмигрантский юрист, общественный и политический деятель. Эсер, депутат Всероссийского Учредительного собрания (1917 — 1918).

¹¹ Документ от 1929 г., регулировал вопросы прав военнопленных из числа гражданских лиц и военнослужащих.

¹² Савелькин В. Элчел: повесть // Тӑван Атӑл. 2009. 9 (611) №. С. 26.

¹³ Там же. С. 37.

¹⁴ Там же. С. 42.

¹⁵ Там же. С. 99.

больше сочувствия к нему и ко всему чувашскому народу, которому для выживания всегда приходилось приспосабливаться в нелегких исторических и социальных ситуациях. И как показывает сюжет повести «Горькая участь», главный герой Анатолий Кадеев все свои поступки совершает лишь для того, чтобы выжить.

Удачным примером романа-хроники в современной чувашской литературе стала трилогия Н. Сорокина «Аттеçём Атӑл» («Вечная Волга», 2017). Каждый том романа охватывает определенный период в жизни чувашского народа (на примере членов семьи Соколовых) и Российского государства: первая книга — от событий начала XX века (революции, Гражданская война, голод) до насильственной коллективизации; вторая — трудные годы Великой Отечественной войны; третья — современность, времена руководства страной Горбачевым, Ельциным и Путиным.

На поэтику трилогии напрямую повлияли профессиональная деятельность писателя, являющегося журналистом, и его политические взгляды, которые, смеем предположить, явно относятся к либеральным, потому что он особенно тепло относится к личности Б. Н. Ельцина. Более того, изобилие исторических фактов, архивных документов, статистических данных, а также применяемые лексико-стилистические средства и приемы в романе Н. Сорокина вырабатывают особый стиль повествования, в котором отчетливо выражается авторская позиция осуждения и порицания описываемых событий.

Архивные документы и статистические данные, включенные в структуру трилогии без изменений и художественной обработки, применяются писателем в качестве доказательной базы своих слов, описываемых событий, в конечном счете — всего повествования. При этом материалы очень часто приводятся в оригинале — на русском языке, без перевода. Так, к примеру, описывая ситуацию сноса церковей, автор включает в повествование документ «Протокол № 30 общего собрания Б. Шемякино. 17 февраля 1930 года», не связывая его с текстом. А далее автор проводит историческую параллель, когда Чингисхан, дойдя даже до границ Польши, не разрушил ни один святой храм. Возвращаясь к деяниям Сталина и его солдат, писатель приводит статистические данные, доказывающие масштабы разрушений церковей, соборов, монастырей и мечетей. Анализируя далее эту ситуацию, писатель обращается к Ленину и его декрету «Об изъятии церковных ценностей» от 23 февраля 1922 г. И сразу же разговор переходит к голодным 1921 — 1922 гг. И опять же, для подтверждения чудовищности ситуации этих лет, писатель приводит архивные документы¹⁶.

Кроме проблем голода и сноса церковей и мечетей на территории Татарской Республики, в романе затронуты и также путем использования реальных документов и фактов обоснованы все важнейшие события XX — первого десятилетия XXI в.: коллективизация, репрессии 1930-х гг. (ГУЛАГ), Великая Отечественная война (штрафные батальоны, Приказ Сталина № 227 «Ни шагу назад», советские военнопленные), хрущевская оттепель (свержение Л. Берия), афганская война, ГКЧП (приход к власти Б. Н. Ельцина), чеченская война, приватизация, арест М. Ходорковского (ЮКОС) и т. д. Как показывает анализ романа «Вечная Волга», манера изложения художественного материала Н. Сорокина очень близка к журналистско-публицистической. Писатель в наиболее острых моментах яро

¹⁶ Сорокин Н. Аттеçём Атӑл: роман-трилоги. Пёрремёшпе иккёмёш кёнекесем. Шупашкар: Чӑваш кӑн. изд-ви, 2017. С. 154 — 156.

начинает рассуждать о приведенных выше проблемах, и в таких случаях журналистско-публицистическое начало берет верх. Подобную характеристику нельзя рассматривать как негативную сторону романа, необходимо воспринимать ее как жанрово-стилевое своеобразие художественной документалистики: «Для событийно-хроникальной прозы типично, что автор нередко открыто “входит” в текст посредством авторских отступлений в форме размышлений или воспоминаний (в том случае, если сам является непосредственным участником или свидетелем описываемых им событий). Здесь можно говорить о феномене фактора субъективности документально-художественной прозы, которая при всей ее документальной обусловленности отражает видение и позицию писателя» [9, с. 494]. Рассмотренные нами произведения А. Хмыта и Н. Сорокина наглядно демонстрируют именно подобную отличительную черту: Хмыт свое присутствие в произведении, субъективизм, авторскую позицию выстраивает, опираясь на автобиографизм, а Сорокин — через публицистические отступления.

Следует также отметить, что по характеру использования исторических документов в поэтике произведения Н. Сорокин в чувашской прозе вовсе не одинок. Аналогичный подход наблюдается и в историческом романе Людмилы Сачковой «Иртнĕ кунсен куçсулĕ» («Слезы прошедших дней», 2024), в основе сюжета которого лежат события Гражданской войны. Как отмечает во «Введении» сама писательница, она обогатила роман историческими фактами (через короткие справки), сносками, списком использованной литературы, подробно показала хронологию, статистику боев. Здесь есть необходимость особо обратить внимание на два момента из обозначенных автором — это сноски и список использованной литературы. На наш взгляд, их использование в художественном произведении недопустимо, так как их присутствие перетягивает текст из эстетического поля в научное. Однако Л. Сачкова, раскрывая тему Гражданской войны, вероятно, сознательно обращается к научным методам. Для нее они выступают доказательством достоверности описываемых событий, сюжета романа, то есть художественно-эстетическое исследование жизни дополняется документальным иллюстрированием. Например, для объяснения значения слова «лейб-гвардия» в предложении «Тебя, богатыря, определили в лейб-гвардию Финляндского полка» автор дает развернутое историческое объяснение, взятое из интернета, в виде ссылки¹⁷. Язык романа «Слезы прошедших дней» выходит за рамки чувашского литературного языка: здесь применены русский, древнерусский, чехословацкий, татарский языки. Если использование отдельных фраз и слов на древнерусском, чехословацком, татарском языках в диалогах оправдывается показом национальных особенностей героев, то приведение ссылок, объемных диалогов на русском языке засоряет художественный язык всего произведения.

Для углубления понимания эстетической особенности произведения Л. Сачковой следует обратиться к работам отечественных исследователей художественно-документальной прозы. Так, с одной стороны появление в исторической романистике произведений с «документальной струей» связано с небывалым интересом писателей к новым историческим сведениям в тех или иных областях истории. Однако в таком случае, по утверждению исследователей, произведения не претендуют на художественность, а носят, скорее, характер беллетризованного повествования [7, с. 28]. Но вместе с тем «выбор предмета познания —

¹⁷ Сачкова Л. Иртнĕ кунсен куçсулĕ: истори романĕ е сага. Шупашкар: Çĕнĕ Вăхăт, 2024. С. 7.

прошлого, не существующего как наличная материальная и духовная субстанция, делает неизбежным включение в процесс его постижения текстов-посредников (исторических документов, научных исследований, произведений литературы и других видов искусства изображаемой эпохи). <...> Причем наиболее выражена она в исторической литературе» [8, с. 100]. По мнению исследователей, в этом заключен документалистический уклон подобных произведений. Все это говорит о том, что, хотя жанр романа «Слезы прошедших дней» определен автором как исторический, но отчетливо выраженная документальная основа сюжета позволяет отнести его к художественной документалистике. Исходя из этого, жанровую разновидность романа «Слезы прошедших дней» уместнее обозначить как историко-документальный.

Произведения чувашских писателей Н. Сорокина и Л. Сачковой написаны в русле общероссийских художественно-эстетических тенденций. В частности, в художественном творчестве писателей Урало-Поволжского региона, как и в трилогии Н. Сорокина «Вечная Волга», возрастает интерес «к “белым пятнам” национальной истории, демифологизации известных политических событий и канонизированных деятелей культуры» [3, с. 186]. Так, к примеру, в удмуртской литературе тенденции документальной и историко-документальной прозы ярко проявились в произведениях К. Куликова («Трокай», 1991; «Иван Пастухов», 1987), Н. Павлова («Иосиф Наговицын», 1988), Н. Кузнецова («Из мрака», 1994) и др. В основе этих произведений, рассказывающих о подлинных событиях жизни первого поколения удмуртской интеллигенции, представители которого погибли в период революции, Гражданской войны или репрессий второй половины 1930-х гг., лежат архивные документы. В частности, по утверждению удмуртских литературоведов, в поисках верного подхода к изображению деятельности и личности своего героя автор повести «Трокай» досконально изучил большой фактический материал, встречался со многими людьми, вел долгую переписку. Именно поэтому «повесть щедро насыщена фактами и документами, поскольку без подробного воспроизведения конкретных реалий и свидетельств автору трудно было бы показать все напряжение идейной борьбы, развернувшейся вокруг организации национальной автономии. Исторические документы, вплетенные писателем в ткань художественного произведения, стали частью исторической картины» [3, с. 190 — 191].

Тема «человек и тоталитарная система» разрабатывается и в романе-хронике И. Салахова «Колымские рассказы» (1989), которая стала первым произведением в татарской литературе, «разоблачающим насилие и террор “открытым текстом”» [2, с. 37]. В основу романа-хроники легли автобиографические события жизни самого писателя, узника ГУЛАГа. После «Колымских рассказов» данная тема в татарской литературе стала осевой в творчестве таких писателей, как А. Гилязов («Давайте помолимся!», 1991 — 1993), Г. Тавлин (роман-трилогия «Катастрофа», 1990 — 1995), Л. Бадышкан (роман «Вероотступник», 1994), Р. Карамии (роман «Проклятые этапы», 1995) и др. [2, с. 37]. Жанрово-стилевая принадлежность произведения к художественно-документальной прозе не вызывает никакого сомнения. Тем не менее за ним закрепились такие определения, как «документальная повесть», «повесть-воспоминание», «роман». Сам И. Салахов жанр произведения обозначил как «роман» [2, с. 38]. Вместе с тем в нем наглядно синтез жанров: литературного очерка, публицистики, новеллы, писем, ежедневника, мемуаров, исторического романа-хроники, романа-трагедии, трагедии-хроники.

Изображение отдельных эпизодов из жизни исторических личностей (Г. Ибрагимов, К. Тинчурин, Ш. Усманов, С. Рафиков, Х. Туфан, М. Мутин и др.) позволяет назвать «Колымские рассказы» И. Салахова также и документальным романом.

Анализ произведений разных национальных литератур выявляет схожие подходы писателей к реализации исторического факта, исторической ситуации в поэтике художественного произведения. Подобная схожесть наблюдается, к примеру, в романах чувашского писателя Л. Сачковой («Слезы прошедших дней») и эрзяно-мордовского автора А. Доронина («Тени колоколов», 1995; «Кузьма Алексеев», 1998). Исследователи творчества А. Доронина обращают внимание на то (в частности, по отношению к роману «Тени колоколов»), что «благодаря документу роман насыщается элементами публицистики, автобиографизма, наполняется научными сведениями, эссеистическими тенденциями» [11, с. 319]. То есть именно документ становится важнейшим элементом публицистичности и автобиографизма произведения. Более того, по мнению исследователя современного мордовского романа С. В. Шеяновой, в данном романе документализм открывает для автора возможность разносторонне, обстоятельно и убедительно описать образ исторического героя, прочувствовать историческую атмосферу, увидеть определенную эпоху со всеми его нюансами. Она особо отмечает: «Документ становится одним из источников развития сюжета, его обогащения. Письма, документальные свидетельства позволяют высветить внутреннюю экспрессию жизни героев; исторические справки, дневники выполняют функцию “внесюжетных элементов”, расширяющих рамки повествования» [10, с. 85]. При этом они вводятся в сюжетную канву романа без изменений, лишь в частично художественно обработанной форме. Данное обстоятельство, о чем мы говорили ранее, весьма характерно и для романа «Слезы прошедших дней» Л. Сачковой.

Заключение

В современной культуре документализм как один из принципов художественного освоения жизни становится достаточно выраженным и весомым. Для художественно-документальной прозы принципиальны установка писателя на достоверность, правдивость, обращение автора к реальным событиям и фактам. Подобная установка, со своей стороны, усиливает в поэтике произведения автобиографизм, биографизм, историзм, которые реализуются путем использования исторических фактов и документов в первую очередь в художественных целях. Немаловажно и то, что документализм подразумевает особые формы воплощения факта, а именно включение в композицию произведения различных источников: официальных документов, свидетельств, воспоминаний автора, записи устных рассказов и др.

В военной прозе документальная канва произведения напрямую связана с личностью самого писателя, в частности, с его причастностью к описываемым событиям. Современные авторы подобных произведений чаще всего являются участниками описываемых военных событий, то есть прямыми их свидетелями (А. Хмыт «Песня бессмертного сокола», «Айша», «Турай» и др.).

Вместе с тем документализм конца XX — начала XXI в. стал определенной реакцией на идеологию тоталитаризма, связанной с возрастающим интересом к «белым пятнам» нашей истории и демифологизации известных политических событий. Данная поэтика находит свое выражение в основном

в исторической романистике, в которой исторические документы, вплетенные писателем в ткань художественного произведения, становятся частью исторической картины.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Брыжинский А. И. Современная мордовская проза. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. 232 с.
2. Габидуллин Р. Р. Реальные личности в «Колымских рассказах» И. Салахова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. Кн. 8. С. 36 — 41.
3. Зайцева Т. И. Удмуртская проза второй половины XX — начала XXI века: национальный мир и человек: монография. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2009. 376 с.
4. История чувашской литературы XX века. Ч. 1 (1900 — 1955 годы): коллективная монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 431 с.
5. Макушкин В. М. Обретение зрелости. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1984. 224 с.
6. Никифорова В. В. Чувашская повесть начала XXI века и ее жанровые разновидности // Чувашский гуманитарный вестник. 2023. № 18. С. 135 — 151.
7. Сусорева О. М. Творческая индивидуальность А. М. Доронина: жанровое многообразие прозы писателя в контексте отечественного литературно-художественного процесса // Финно-угорский мир. 2012. № 1 — 2 (10 — 11). С. 24 — 29.
8. Чукуева З. Н. Документализм как существенный элемент современной литературы // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 1 (26). С. 100 — 103.
9. Чукуева З. Н. Функциональная роль документального начала в современной документально-художественной прозе // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 2 (99). С. 493 — 495.
10. Шеянова С. В. Современный мордовский роман: проблематика, поэтика: монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 284 с.
11. Шеянова С. В. Структурообразующие и стилиобразующие функции документа в романе А. Доронина «Тени колоколов» // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2011. № 3. С. 318 — 326.

REFERENCES

1. Bryzhinsky A. I. Modern Mordovian prose. Saransk;1995:232. (In Russ.)
2. Gabidullin R. R. Real personalities in “Kolyma stories” by I. Salakhov // Scientific notes of Kazan University. The Humanities series. 2008;150(8):36 — 41. (In Russ.)
3. Zaitseva T. I. Udmurt prose of the second half of the 20th — beginning of the 21th century: national world and man: Monograph. Izhevsk;2009:376. (In Russ.)
4. The history of Chuvash literature of the 20th century. Part 1 (1900 — 1955): a collective monograph. Cheboksary;2015:431. (In Russ.)
5. Makushkin V. M. Gaining maturity. Saransk;1984:224. (In Russ.)
6. Nikiforova V. V. The Chuvash story of the beginning of the 21th century and its genre varieties // Chuvash Humanitarian Bulletin. 2023;18:135 — 151. (In Russ.)
7. Susoreva O. M. The creative individuality of A.M. Doronin: the genre diversity of the writer’s prose in the context of the domestic literary and artistic process // Finno-Ugric world. 2012;1 — 2 (10 — 11): 24 — 29. (In Russ.)
8. Chukueva Z. N. Documentalism as an essential element of modern literature // Izvestiya Dagestan State Pedagogical University. Social sciences and humanities. 2014;1(26):100 — 103. (In Russ.)
9. Chukueva Z. N. The functional role of the documentary principle in modern documentary fiction // The world of Science, culture, education. 2023;2(99):493 — 495. (In Russ.)
10. Sheyanova S. V. Modern Mordovian novel: problematics, poetics: monograph. Saransk;2013: 284. (In Russ.)
11. Sheyanova S. V. Structure-forming and style-forming functions of a document in A. Doronin’s novel “Shadows of bells” // Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University. 2011;3:318 — 326. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.12.2025;
одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 02.03.2026

Информация об авторе:

Мышкина Альбина Федоровна, ведущий научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),

доктор филологических наук, доцент,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8560-9146>, alb-myshkina@mail.ru
Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 29.12.2025;
approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 02.03.2026

Information about the author:
Albina F. Myshkina, leading researcher, Chuvash State Institute of Humanities
(29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),
Doctor of Philological Sciences, associate professor,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8560-9146>, alb-myshkina@mail.ru
Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 29.12.2025 ситнӗ;
рецензиленӗ хысӗн 16.02.2026 ырланӗ; 02.03.2026 пичете йышӑннӗ
Автор сӑнчен:

Мышкина Альбина Федоровна, Чӑваш патшалӑх гуманитарн
ӑслӑлӑхӗсен институчӗн ӑслӑлӑх ертӗҫӗ ёҫтешӗ
(428015, Раҫҫей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
филологи ӑслӑлӑхӗсен докторӗ, доцент,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8560-9146>, alb-myshkina@mail.ru
Пайталӑх конфликчӗ: автор пайталӑх конфликчӗ суккине пӗлтерет.
Автор ал ҫырайӑн юлашки вариантне вуласа тухнӗ, ырланӗ.

УДК 821.512.111.09
ББК 83.3(2=635.1)

Аслăлăх статийи

ЫТАРЛĂ СĂМАХ МЕХЕЛĔ (Ю. М. АРТЕМЬЕВ 85 ÇУЛА ÇИТНĔ МАЙ)

В. В. Никифорова

Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхĕсен институтĕ,
Шупашкар хули, Раççей
vera.nickiforova@yandex.ru

Аннотаци. Статьяра филологи аслăлăхĕсен докторĕ, профессор, литература тĕпчевси, критик, вĕрентекен, Юрий Михайлович Артемьев пултарулăхне пĕтĕмĕшле хак панă. Тĕпчевĕ çăваш литературин историне те, хальхи литература аталанăвне те, уйрăм авторсен пултарулăхне те тĕрлĕ енлĕ, объективлă тишкерет; хальхи гуманитаристикăн пĕтĕмĕшле ыйтăвĕсем пирки сахал мар ғырат. Унăн ёçĕсене ку статьяра биографи саманĕсемпе ғыхăнтарса пăхса тухнă. Уйрăм статийсемпе кенекисене, ытларах юлашки çулсенче ғырнисене, тĕплĕнрех тишкернĕ. Вĕсен авторĕн стилĕн, шухăшлавĕн хай евĕрлĕхне аңланса илме тăрăшнă. Чăваш филологĕн стильне чăн чăвашла, ытарлă шухăшлав витерсе тăнине ғырĕpletсе панă. Çакан евĕрлĕ шухăшлав унăн статийсен ячĕсенчех аван палăрат, уйрăмах хальхи литература пирки ғырнисенче. Вăл ғырнă кĕске калавсенче (хайласенче) ытарлăх тата ғыарах курăнат. Ю. М. Артемьевăн критика ёçĕсенче те, тухса калашнисенче те илемлĕ ывăрттарса, вăлтса, шахвăртса калани тăтăшах тĕл пулат. Аслăлăх ёçĕсем те унăн чылай чух сăнарлăхпа уйрăлса тăраççĕ. Ун пек чĕлхе пуянлăхне уçса пама пултаракан тĕпчевĕсем питĕ сахал пулаççĕ. Филологăн ытарлă сăмахĕн мехелĕ «шал хĕмлĕ», шухăш-туйăм ғылкуçĕн иксĕлми таппинче.

Тĕп сăмахсем: Ю. М. Артемьев, паллă чăваш филологĕ, чăваш литератури, чăваш критики, ытарлă шухăшлав, французла-чăвашла куçарусем

Цитатăлама: Никифорова В. В. Ытарлă сăмах мехелĕ (Ю. М. Артемьев 85 çула çитнĕ май) // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 1 №. С. 81 — 89

© Никифорова В. В., 2026

Научная статья

ЧАРУЮЩАЯ СИЛА МЕТАФОРИЧЕСКОГО СЛОВА (К 85-ЛЕТИЮ Ю. М. АРТЕМЬЕВА)

В. В. Никифорова

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
vera.nickiforova@yandex.ru

Аннотация. В статье дана общая оценка творчеству доктора филологических наук, профессора, литературоведа, критика, педагога, Юрия Михайловича Артемьева. Ю. М. Артемьев всесторонне, объективно анализирует как историю чувашской литературы, так и развитие современного литературного процесса, творчество отдельных авторов; немало пишет по общим вопросам современной гуманитаристики. Его работы рассмотрены в связи с моментами биографии. Отдельные статьи и книги — в основном, написанные в последние годы, подверглись более детальному анализу. В данной статье мы постарались раскрыть самобытность стиля их автора. Доказано, что стиль чувашского филолога определяет подлинно чувашское, метафорическое мышление, которое хорошо прослеживается уже в названиях его статей, особенно тех, что касаются современной литературы. В написанных им коротких рассказах (*хайла*) метафоричность проявляется еще ярче. В критических работах, выступлениях Ю. М. Артемьева также постоянно встречается иносказательное, аллегорическое слово. Его научные труды во многих случаях

отличаются образностью. Исследователей, способных раскрыть богатство родного языка, очень мало. Метафорическое слово филолога имеет огромный внутренний потенциал.

Ключевые слова: Ю. М. Артемьев, выдающийся чувашский филолог, чувашская литература, чувашская критика, метафорическое мышление, французско-чувашские переводы

Для цитирования: Никифорова В. В. Чарующая сила метафорического слова (К 85-летию Ю. М. Артемьева) // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 1. С. 81 — 89

Scientific article

THE FASCINATING POWER OF THE METAPHORICAL WORD (ON THE 85TH ANNIVERSARY OF YU. M. ARTEMYEV)

V. V. Nikiforova

Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
vera.nikiforova@yandex.ru

Abstract. The article provides an overview of the scholarly work of Doctor of Philology, professor, literary critic, and teacher Yuri Mikhailovich Artemyev. Artemyev comprehensively and objectively analyzes both the history of Chuvash literature and the development of the modern literary process, as well as the work of individual authors; he has also written extensively on general issues of the humanities. His works are examined in relation to key moments in his biography. Individual articles and books, mostly written in recent years, have been subjected to more detailed analysis. This article seeks to highlight the originality of his style and way of thinking. It is proved that the style of the Chuvash philologist defines truly Chuvash, metaphorical thinking. This mode of thinking is already evident in the titles of his articles, especially those dealing with modern literature. In the short stories he wrote (haila), metaphorical expression is even more pronounced. In his critical works and public speeches, figurative and allegorical language is also consistently employed. His scholarly works are often characterized by a high degree of imagery. Few researchers are capable of fully revealing the richness of their native language. The metaphorical word of a philologist has a huge inner potential.

Keywords: Yu. M. Artemyev, outstanding Chuvash philologist, Chuvash literature, Chuvash criticism, metaphorical thinking, French-Chuvash translations

For citation: Nikiforova V. V. The Fascinating Power of the Metaphorical Word (on the 85th anniversary of Yu. M. Artemyev) // Modern humanities. 2026;2(1):81 — 89

Кўртём

Филологи аслалӑхӑсен докторӑ, профессор, литература тӑпчевӑи, критик, вӑрентекен, Юрий Михайлович Артемьев пултарулаӑхӑ чӑваш культуричче питӑ пысӑк вырӑн йышӑнать. Вӑл 2026 ҫ. кӑрлач уйӑхӑн 30-мӑшӑнче 85 ҫул тултарчӑ. Паянхи кунччен унӑн 17 кӑнеке, 300 ытла статья пичетленсе тухнӑ. Ю. М. Артемьев ҫырнисене чӑн чӑвашла, ытарла шухӑшлав витерсе тӑрать. Пирӑн ӗҫӑн тӑллевӑ — вӑл ҫырнисен хайне еврӑлӑхне, стильне тишкересси; юбилярӑн пултарулаӑхне пӑтӑмӑшле хак парасси.

Тӑпчев материалӑсем тата меслечӑсем

Статьяра уйрӑм ҫын — Ю. М. Артемьев филолог пултарулаӑхне пӑкса тухнӑ. Ун кӑнекисене, аслалӑх, критика, публицистика статийисене, прозӑлла хайлавӑсене тата куҫарӑвӑсене тӑпченӑ, педагогикари ӗҫне-хӑлне тишкернӑ. Биографи тата тишкерӑ меслечӑсемпе усӑ курнӑ. Биографи меслечӑ уйрӑм ҫыннӑн пултарулаӑх ҫулне йӑрлесе тухма, пӑлтерӑшлӑ самантисене палӑртма пулашать. Тишкерӑ меслечӑ профессор ӗҫӑсене системӑлама, уйрӑм ӗҫсене ытларах тимлӑх уйрӑма май парать.

Тёпчев результатёсем, вёсене сўтсе явни

Ю. М. Артемьев тёпчевсё Чăваш АССРĕн Канаш районĕнчи Сиккасси ялĕнче 1941 ç. çуралнă. 1969 ç. вăл В. И. Ульянов-Ленин ячĕллĕ Хусан патшалăх университетĕнче историпе филологи факультетне вĕренсе пĕтернĕ. Кунта çамрăк К. Иванов поэзине тёпчеме пуçлат. «Творчество К. Иванова и чувашский романтизм» («Константин Иванов пултарулăхĕ тата чăваш романтизмĕ») ятлă диплом ёçĕ сырат [5, с. 3 — 8, 9 — 38]. 1969 — 1980 çç. вăл Чĕлхе, литература, истори тата экономика наука тёпчев институтĕнче ёçленĕ (1994 çултан — Чăваш патшалăх гуманитарни аслăлăхĕсен институтĕ). Кунта вай хунă тапхăрта вăл И. Я. Яковлев сырнисене пичете хатĕрленĕ; çулталăк тишкерĕвĕсем, уйрăм авторсем пирки (Çеçпĕл М., Е. Еллиев, И. Тăхти) статьясем, диссертаци сырнă. Ёмĕр тăршшĕпех тёпчевсё институтпа сыхану тытат. Паянхи кун та вăл — ЧПГАИ Аслăлăх канашĕн пайташĕ.

Кандидат диссертацине («Становление социалистического реализма в чувашской литературе») вăл 1977 ç. Мускавра, А. М. Горький ячĕллĕ тĕнче литературы институтĕнче хўтеленĕ. Çак çулах вăл монографи пек пичетленнĕ [4]. Ку кĕнекене хай вăхăтĕнче чăваш аслăлăхĕнче хакласа ситермен пек туйанат. Тухсанах, пичетре ун пирки икĕ хаклав пичетленнĕ. Пĕри — сĕршивăн тĕп хулинче тухса тăракан «Вопросы литературы» журналта, Л. Бекизова сырнă рецензи. Вăл чăваш тёпчевсин ёçне пысăк хак парат [7]. Ю. Артемьев кĕнекипе паллашнă хыççăн тёпчевсё чăваш литературине çамрăк сырулăхлă («младописьменный») литературăсем шутĕнче пăхассинчен асăрханат, çамрăк литературăсен шутĕнче курач. Ку вăхăтра чăваш сăмах ўнерне тулашри тёпчевсёсем çамрăк сырулăхсен анинче сăмсаланакан «сăвар литературăсен» (Ю. М. Артемьев терминĕ) виçине лартса хакланă. Калăпăр, пĕр вунă çул маларах çак журналтах пичетленнĕ статьяра Д. Романенко чăваш литературине çак ушкăна кĕртет [8]. Кăшт каярах мордвасен паллă тёпчевси Н. Черапкин çак шухăша малалла тăсат [9].

Тепри — республикăра тухса тăракан «Ялав» журналта Н. Иванов сырнă хаклав. Н. Иванов çамрăк авторăн кĕнекине хытах тустарса илнĕ. «Вăл хамăр литературăна унченхи тёпчевсёсем епле сăнаса хакланине тивĕçлипе аяланма тăрăшманран, совет литература тёпчевĕнчи тĕрлĕ хире-хирĕç юхăмсен тыткăнне кĕрсе ўкнĕ...»¹. Статьяпа паллашсан, ун авторĕ хайне тата ытти тантăшĕсен ёçĕсене сахал шута илнишĕн кўренни палăрат.

Социализма реализм меслечĕпе пуринчен ытларах политикăна пăхăннă сыравăсем ёçлени паллă. Анчах та çак тапхăрта та пĕр темăнах тĕрлĕ писатель тĕрлĕрен усса панă: ку вăл кашнин асталăхĕнчен килет. Çеçпĕл М., Г. Тал-Мăрса, Е. Еллиев, И. Тăхти, Хумма Ç. тата ытти хăш-пĕр авторăн пултарулăхĕ çак чикĕсене вырнаçманнине Ю. Артемьев лайăх кăтартса пама пултарнă. Çав вăхăтрах, кирек епле пулсан та, ку авторсем те, Ю. Артемьев хай те, самана ачисем пулса юлаçсĕ, ун уйрăмлăхне палăртаçсĕ.

Доктор диссертацине те Юрий Михайлович Мускаврах хўтеленĕ. Ку 1993 ç. пулса иртнĕ. «Просветительство и развитие чувашской литературы»² («Çутлăх тапхăрĕ тата чăваш литературы аталанăвĕ») ятлă вăл. Ёçре çутлăх тапхăрне тишкернĕ. Хусанпа Мускав аслăлăх шкулĕсенче вĕреннĕ Ю. М. Артемьев хайĕн

¹ Иванов Н. Лавё йывăр пулнăран: Ю. Артемьев «концепцийĕнчи» чăваш литературине ун меслечĕ // Ялав. 1979. № 3. С. 26.

² Артемьев Ю. М. Просветительство и развитие чувашской литературы: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.01.03 / Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького. Москва, 1992. 32 с.

пултарула̄хѐнче, пѣтѣмѣшле илсен, классика̄лла̄ филологин традиция̄сене аша хывна̄, малалла аталантарна̄.

Филолог литература̄на тѣрлѣ енчен тѣпчет. Тѣрлѣ юхам, сулам, меслет аталанавне (џутла̄х тапха̄рѣ, романтизм, соцреализм тата ыт. те) тишкерет. Унан пултарула̄хѐнче вуншар џулла̄ха санлакан таран тѣпчевпе паянхи куна хак паракан критика аван шайлаша̄наџѣ. Тишкерѣ, рецензи, џыравџа портречѣ, эссе е ура̄х жанр — Юрий Михайлович џырнисене вулама яланах ка̄сакла̄.

Ю. М. Артемьев ѣџесене чан чавашла, ытарла̄ шуха̄шлав витерсе та̄рать. Вѣсене вуласа эфир хала̄х ас-хакалѐн џалкуџѣ иксѣлми пулнине курса ѣнетпѣр, џак пуянла̄ха тѣпчевѣ питех те таран анланса илнине, палартма пултарнине куратпа̄р. џака̄ вал хай џырна̄ проза̄лла хайлавсенче, кѣске калавсенче тата уџамла̄рах кура̄нать. «џырма пуџлакансен мѣн пѣлмелле», «Пайта̄ пѣџереймерѣ», «Йа̄ра ка̄ранташпа џип џелен», «Кѣпер хывакансем» тата ыт. текстсем — илемлѣ џаварттарса, валтса, шахвартса џырна̄скерсем; џав ва̄хатрах кула̄шла, шӯтлѣ, ирониллѣ, кѣскен каласан — ытарла̄ калавсем. Выран-выранпа вѣсенче ятарласа хала̄х самахла̄хне евѣрленѣ стиль мала тухать, тепѣр чух аллегориллѣ хайла тесе палартна̄, пѣлтерѣшѣ вара кашнинчех таранла̄хра выртать.

Ытарла̄х тени чылай чухне статья̄ яџесенчех паларать, уйра̄мах хальхи литература̄ пирки чавашла џырнисенче: «Парка хунатар “Иванов ва̄рманѣ”», «Гатална̄ хѣлѣх янрамасть», «џунатсем вѣџевре џирѣпленеџѣ», «Хумханать сар тула̄ џил џинче», «Кайри мала, хуркайаксем...», «Чѣнтѣрленѣ карлак — кѣмѣл кѣпер», «Чаваш романѣ мѣнпе чирленѣ?», «Пурмен-шим чѣлхемѣре “тимѣр татма”», «Йыхарсан инџете кѣрен парас», «Кара̄нтарман уха̄па џунатла̄ ѣметсем», «Чунчѣре салпа̄ранѣ», «Ыва̄џ тупанѣ џинчи чѣре» тата ыт. те.

Вырасла џырна̄ ѣссенче те Ю. М. Артемьев тѣллѣн-тѣллѣн «ытарласа-систерсе», калассине аякран џаварса килсе калать. Тѣслѣхрен, «О прозе Хведера Уяра» статья̄ра (1984) [3] вал чаваш писателѣ џырнисене тѣрѣс хаклав тума Ч. Айтматов пултарула̄хѣпе ѣнентерѣллѣ танлаштарать. Прозаик пултарула̄хне пѣтѣмѣшле хак парса, «Аџта эс, тинѣс?» повеџе хӯтѣлет. Вуня̄ џул иртнѣ пулсанта, Хв. Уяра џак повеџшѣн тапана̄кансем тупансах таня̄ иккен. Ю. М. Артемьев республика тулашѣнче пичетленѣ статья̄ хыџџан џѣџ писателе салтавса̄р тиркеме па̄рахаџѣ.

Тѣпчевѣ поэзине юратни те ахальтен мар теес килет: поэзире ытарла̄х, сана̄рла̄х џаран паларать. Ю. М. Артемьев поэтсемпе поэзи пирки сахал мар тѣпчев ѣџѣ, критика статья̄ џырна̄. К. Иванов, П. Хусанкай, Ф. Павлов, џѣпѣл Мишши, М. Карягина, хай саманташѣсен поэзине тишкерсе џырна̄ статья̄сем, К. Иванов пирки ка̄ларам.

Тѣпчевѣ хальхи гуманитаристикан пѣтѣмѣшле ыйта̄вѣсем пирки сахал мар џырать. Наука̄па культуран, наци аталанавѣн, шуха̄шлавѣн џивѣч проблемисене џутсе явма чѣнет; чаваш философине, психологине, шуха̄шлавне тѣпчет³. Анла̄ тавракурамла̄ тѣпчевѣ теори ыйта̄вѣсене те хускатать, цивилизаци виџисемпе шуха̄шлать. Кала̄па̄р, «Манкурт џинчен шуха̄шланя̄ май» статья̄ра⁴ Юрий Михайлович Ч. Айтматов пултарула̄хѣнчен пуџласа паянхи чаваш культуринчи лару-та̄рава тишкерет, Н. И. Егоров хускатна̄ ыйтусемпе тава кѣрет. «Методо-

³ Артемьев Ю. М. Йыхарар пѣр-пѣрне нимене // Хыпар. 1997. Ака, 24; Его же. В поисках чувашской идеи // Республика. 2003. 29 января. С. 5; Уна̄нах. Манкурт џинчен шуха̄шланя̄ май // Та̄ван Ата̄л. 2012. 6 №. С. 106 — 112 тата ыт. статья̄сем.

⁴ Артемьев Ю. Манкурт џинчен шуха̄шланя̄ май // Та̄ван Ата̄л. 2012. 6 №. С. 106 — 112.

логические маргиналии» статьяра [2] «культурăпа идеологи хупăнчăклăхĕ» (герметизмĕ), «космогенлă цивилизаци» тата ытти ăнлавсене уçса парать; наци литературине тишкермелли çĕнĕ çулсем шырать; литература факçĕсене, пулăмĕсене, архив материалĕсемпе биографи материалĕсене пĕр системăра хак памаллине пусăмлать.

Гениллĕ чăваш поэчĕн вăрттанлăхне ăнланма тăрăшни тĕпчевçĕ пултарулăхĕнче тĕп вырăн йышăнать темелле пуль. Юрий Михайлович К. Иванов хайлавĕсене тишкерсе чылай ĕç çырать. 2013 ç. унăн «Константин Иванов: Жизнь. Судьба. Бессмертие» («Константин Иванов: Пурнăç. Шăпа. Вилĕмсĕрлĕх») (2013), «Чăвашсен чаплă çыннисем» серинче) кĕнеки пичетленсе тухать. Ю. М. Артемьев ĕсне вулакансем те, ытти тепчевçĕсем те пысăк хак параççĕ. Авторне уншăн ЧР 2014 ç. Патшалăх премийĕпе чысларĕç.

К. Иванов пултарулăхне ку таранчен такам та хак панă, нумай сăмах каланă. Чылай чухне авторĕсем поэт гений пулнине асăнса хăварнипех çырлахаççĕ. Юрий Михайлович поэт пултарулăхне шала кĕрсе тĕпчет. Тĕпчевçĕ кĕнеки типĕ наука ĕçĕ мар. Кунта Иванов пултарулăхĕ те, унăн чĕрĕ чунĕ, çынлăхĕ, трагедийĕ куç умне тухса тăрать. К. Иванов пултарулăхне те, чăваш литературине те тĕпчевçĕ çĕршыв, тĕнче литературин контекстĕнче курса хаклама тăрăшать.

Ĕмĕр тăршшĕпех Ю. М. Артемьев тăван литературăшăн чунне ыраттарать (пĕр статийине çаплах ят панă — «Сирĕн чунăр ыратать-и?»⁵). «Сăпка юрри пек „çепĕçĕ кĕвве автор диссонанслă аккордсем хушать. Тумалли ĕçсем çине статья авторĕн куçĕпе курас текенĕн куçĕ хăраса каять. “Мĕн тумалла? Кам айăплă?” текен сакраменталлă ыйтусем мала тухаççĕ. Çавсем пирки калаçмаллаччĕ пирĕн, вĕсене сÛтсе явмаллаччĕ ятарласа йышăннă çак литература çулĕнче. Тен, çапла тунни лакса ларнă лава хускатма пулăшнă пулĕччĕ. Ытама кĕменнине ытамлас теместĕп, мĕн-мĕн тумаллине тепĕр хут хисеплесе тухса. Анчах та татсах каласшăн: литература çулталăкĕ сĕç сителĕксĕр тăван сăмахăмăр лаççине хĕмлентерсе çунмаллах чĕртсе ярас тесен»⁶. Ку тата ытти статьясенче пăшăрханса-тиркесе калани пурне те пырса тивет: ытти пулăмпа танлаштарса, никама та кÿрен термесĕр, çав вăхăтрах ыйтава уççан палăртса, витĕмлĕ калаçать тĕпчевçĕ. Автор чĕлхи ахаль калаçура та сăнарлă. «Чун алăкĕсене хупă тытмалла, вара нимĕнле сип çĕлен те шуса кĕреймест» — тенĕччĕ вăл, тĕслĕхрен (75 çул тултарнă чух, Наци библиотеки, 17.02.1916).

Юрий Михайлович ăслăлăх ĕçĕсемшĕн сĕç мар, хайĕн çынлăхĕшĕн, чунлăхĕшĕн те пысăк хисепе тивĕç. Акă черетлĕ юбилей валли Ю. В. Яковлев хатĕрленĕ тĕрленчĕкĕн респонденчĕсем Юрий Михайловича çапла хак параççĕ⁷: «Унăн лăпкăлăхĕ хай йĕркеленĕ лăпкăлăх пек, тăрăхлавлă çынлăх пек туйăнать. Курса тăрать вăл: кÿрен термест, тем тумасть — хай кăмăлĕпе вăл хĕрÿ, вĕри — питĕ энергиллĕ çын. Хайне тытса тăрса, айккинчен тĕртсе шухăшне калама пĕлет» (В. Станьял); «Чăнлăхшăн, литературăри объективлăхшăн тăрас принциплăхне палăртмалла. <...> Шахвăрту, ирони, шÛт, кулăш туйăмĕ пысăк унăн. Хайне сирĕп туякан, ăна-кăна чухлакан, пурнăçра нумай ăс пухнă сын кăна çавăн пек калаçма пултарать. Сатирăллă хайлавсем нумай çырать» (Г. Юмарт).

⁵ Артемьев Ю. М. Сирĕн чунăр ыратать- и? // Коммунизм ялавĕ. 1989. Раштав, 29.

⁶ Артемьев Ю. М. Хамăра хамăр улталамастпăр-ши?! // Хыпар. 2015. Раштав, 25.

⁷ Яковлев Ю. «Ун лăпкăлăхĕ хай йĕркеленĕ лăпкăлăх пек туйăнать...» (Юрий Артемьев вăрттанĕ пирки) // Хыпар. 2011. Нарăс, 2.

«Тўрѐ, таса сын. Вайлѐ профессионал. Хайѐн ѐсне тѐплѐ пѐлет. Йѐпѐлтатас, пуѐа пѐкес йѐла ѐук. Хайѐн ѐырас стилѐнче тишкерѹ тунипе пѐрлех публицист чѐлхипе илемлѐ ѐавѐрттарса, вѐлтса, шахвѐртса калама пултарать. Кулѐшпа шѹт, ытарлѐх пѐрле пыраѐѐѐ. Ун критика хайлавѐсем илемлѐ хайлавсем пек вуланаѐѐѐ». (А. Мефодьев).

«Юрий Михайлович пѐр-ик ѐшѐ сѐмах калани пыѐак чыс шутланатчѐ, малал-ла ѐырма хавхалантаратчѐ» (П. Якусен).

Тѐрленчѐк авторѐшѐн вара Ю. М. Артемьев — «паян та шанѐѐ паракан маяк. Бѐрѐпа усала пѐтраштарма кирлѐ марри пирки калать вѐл, тѐттѐмрен ѐутгалла чѐнет» — тесе йѐшѐанать. Чѐнах та, Юрий Михайлович ыттисем курман енсене курать, пурте пѐлекен япала пирки ѐнѐ шухѐш калама пултарать. Ыттисенчен малта пыракан ѐын вѐл. Тѐрѐссипе тѐрѐс маррине, хитрипе хитре маррине уйѐрма пулѐшакан ѐын. Чѐваш ѐыравѐсемпе тѐпчевѐсемшѐн вѐл калани яланах пѐлтерѐшлѐ. Вѐсем чылайѐшѐ, ун шухѐшне пѐлес тесе, ѐна хайсен ал ѐыравѐ-кенекисене вулаттарма тѐрѐшаѐѐѐ.

Ю. Артемьевѐн стильне «ирѐк шухѐшсем» йѐркелесе пыраѐѐѐ. Анчах та вѐл «ирѐклѐх чикѐсѐр пулма пултарайманнине» те шута илет⁸. Хайѐн пирки Юрий Михайлович: «Хамашкал тѹррѐнлѐхе тата компромиса йѐшѐанманнине пула нумай тѹснѐ, тен, хама тивѐѐлине алран вѐѐертнѐ. <...> Мѐнле хурѐмпа калани те пѐлтерѐшлѐ, анчах мѐн калани тѐпре-ѐке-ха. Кѐштах ытарласа-систерсе, йѐрке хушшине варса калани те маншѐн ют марчѐѐ. Уяр йѐшши “ѐўллѐ ѐамкаллисем” ѐнланаѐѐѐх»⁹, — тени пур. Паллах, «тѹррѐнлѐхпе тата компромиса йѐшѐанманни» кунта шухѐшламасѐр, пуѐа мѐн килчѐ, ѐавна персе янине пѐлтермест. Тўрѐ чунлѐхпа танлашаты, ытарлѐ шухѐшлав йѐркине пачах та хирѐѐлемест.

«Шѐпа карчѐсем» кѐнекене (2015) [6] юлашки ѐулсенче ѐырна статьясемпе тѐрленчѐксем кѐнѐ. Классиксен шутне кѐнѐ авторсен тексчѐсене урѐх енчен пѐхса хаклать автор. Вѐл Ф. Павлов, И. Тѐхти, Е. Еллиев, Хв. Уяр, Л. Таллеров, Ю. Скворцов ѐырна хайлавсене ѐнѐрен вулаты, вѐсенче ку таранччен сѐнаман-асѐрхаман енсем уѐаты. Унсѐр пуѐсѐр кѐнекере Митти Георгийѐн «пыѐак (Турѐ панѐ) талантѐн» пултарулѐхне тишкернѐ, поэтѐн темисѐ сѐввине пичетленѐ. Шел пулин те, Юрий Михайлович ѐѐсем хыѐѐан та 1930 ѐѐ. ѐырна «чѐн поэт» пултарулѐхне тѐпчевѐѐсем те, вулакансем те ѐша илчѐѐ теме ѐук. Темле ѐнлантарса пѐтерме ѐук сѐлтавсене пула «тѐлѐнмелле пыѐак талант пултарнѐ Илем тѐнчи чѐваш халѐхѐн тутѐх тивми ѐспурлѐх тулашѐнче паян кунчченех» [6, с. 98]. Юрий Михайлович Митти Георгийѐ пек улѐпсен пултарулѐхне тѐрѐс хак парассине пирѐн сѐваплѐ тивѐѐ тесе шутлаты. Тата ку кѐнекере «Хальхи кунсем капла-ха. Килес кунсем мѐнле-ши?» ятлѐ эссе пичетленнѐ. Кунта Ю. М. Артемьев Н. Шупуѐѐыннипе К. Иванов, Ф. Павлов калаѐѐвѐсене, шухѐшѐ-ѐметне, ѐсне-хѐлне илемлѐ ѐыраса кѐтартнѐ. Ытарлѐх тени кунта та сисѐнет. Чѐваш литературипе культурин паянѐпе ыранѐ палѐрать ку диалогсенче.

Юлашки ѐулсенче Ю. М. Артемьевѐн «Страсть к полемике» («Тавлашѐвѐн пылак хавхаланѐвѐ», 2021) кѐнеке [5], уйрѐм статьясем пичетленсе тухрѐѐ. «Страсть к полемике» ятпа унѐн 2003 ѐ. та кѐларѐм пулнѐчѐѐ. Иккѐмѐш кѐларѐма малтанхинчен темисѐ статья кѐнѐ, анчах та вѐсене хушса тѹрлетнѐ. Унсѐр пуѐсѐр пичетленмен ѐѐсем те пур. Калѐпѐр, «От лесной сказки к букварю» асаилѹ. Унта

⁸ Артемьев Ю. «Ялан хам мѐн шухѐшланине ѐырна» // Хыпар. 2015. ѐу, 15.

⁹ Артемьев Ю. Пурнѐѐ тѐшмана та юратма вѐрентет // Хыпар. 2020. ѐѐртме, 26.

Юрий Михайлович хайён пурнаёшенчи чи асра юлна самантсене, тел пулна-хутшанна ынсене аса илет. Ку асаилевен чёлхи те пите санарла. Хайён каласавне вал савраран пуслать: асла юлташе тата Верентекене, Хветер Уяр каласа панисенчен, унан пурнаё урокесен пелтерешенчен. Малалла васкамасар, туйамла калу пырать. Автор хайён ачалане, шулта, килте пулса иртне ёсене, юлташесемпе таванесене аша камалпа аса илет. Ку хайлав Юрий Михайлович хайне евэрлехне анланма, пултарулахен тымаресене туйса илме чылай пулсать [5, с. 9 — 38].

Ю. М. Артемьев 40 сул И. Н. Ульянов ячелле Чаваш патшалых университетене ёсленё (1982 — 2022), весенчен 20 сул ыгла вырас литература кафедрине ертсе пына. Сахал мар спецкурс хатерленё, методика ёсесем каларна. Тепчевсе-верентушен ку тапхартти чи палла ёсесенчен пери — «Ёмер пусламашё» (1996) [1]. Ку кенекере XX ёмер пусламашенчи литературана сене куспа тишкерне, сене ятсем кертенё. Студентсем паянхи кун та унпа уса курацсе. И. Я. Яковлев ячелле Чаваш патшалых педагогика университетёпе те яланах сыхану тытна тепчевсе. Темисе сул унта аспирантсемпе ёсленё, лекцисем пырса вулана. Тата Ю. М. Артемьев вырас шулен 10 — 11 класесем валли сырна «Чувашская литература» (2003)¹⁰ верену кенекин авторё те.

Сене ёмерте филолог пултарулахенче тепер тес хушанче — вал кусаруца пулса паларче. Француз чёлхинчен турех чавашла А. Моруан «Термерен тавранны», А. Доден «Ылтан мимелле сын», «Сэген мёше качаки», «Корней хуца вартанлахё» тата ытти калавсене кусарче Юрий Михайлович. 2017 с. Чаваш кенеке издательствинче вал кусарна А. де Сент-Экзюперин «Пёчексес принц» аллегорилле повесть-юмахё пичетленсе тухре.

Паянхи кун та тепчевсе республикара пулса иртекен терле конференци-хатлавсене, Чаваш патшалых гуманитари аслалахесен институтен Аслалах канашен ёне хастар хутшанать, сахал мар статья пичетлет. Юлашки пилек сул хушшинче Ю. М. Артемьев классиксен — П. Хусанкай, Хв. Уяр, Сеспел Мишши, Ю. Скворцов тата ыттисен пултарулахне тишкерсе темисе ёс пичетлерё. «Шапа сырни пулмасть пер евёр...» статьяра вара 2023 с. «Таван Аталта» пичетленне хаш-пер авторан савви-поэмине хак пачё¹¹. Кунта критик Мальвина Петрова, Владимир Сурков, Станислав Сатур пултарулахне хак парать, весен уйрам хайлавесене пахса тухать.

«Манаслаха “сапайлахпа” таллани выранла-и?» ёсре¹² Юрий Михайлович вилемсер «Нарспи» тата ун авторё пирки малалла шухашлать. Поэт санарне тата пултарулахне таран тепченё, Иванов поэзийен «никампекмарлахне» анланса илме тата ыттисене анлантарма тарашна Ю. М. Артемьев пысаках мар ёсре пелтерешле, чуна ыраттаракан ытусем хускатать. Классик сырнисене хаклас ёсе «кам уркенмест, сав сыпашни» те пашархантарать ана, «илемле литература кружокесенче тавакан ханыху ёсесем» евёр, «ёлёк ял-ял тарых витре теплесе цурекен астасен шайенчи» кусарусем те хумхантарацсе, массалла культуран «йалахтармаш штампесем те, этнографизмла тунтер пичё те» тата ытти те камала паснине пытармасть вал. Статьяра унсар пусне темисе сене самах тел

¹⁰ Артемьев Ю. М. Чувашская литература: учебник для 10 — 11 кл. русскоязычных школ. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. 238 с.

¹¹ Артемьев Ю. М. Шапа сырни пулмасть пер евёр... // Таван Атал. 2024. 3 №. С. 94 — 97.

¹² Артемьев Ю. М. Манаслаха «сапайлахпа» таллани выранла-и? // Таван Атал. 2026. 1 №. С. 77 — 79.

пулать: «сърүнер», «кёвүнер», «майёркесем», «хамярләхсәр» тата ыт. те. Вăхят иртнĕсемĕн вĕсем чĕлхере сирĕпленес шанчăк пур. Юлашкинчен тĕпчевсĕ питех те тарăн пĕтĕмлетүү патне пырса тухать: К. Иванов «чăвашăн тĕлĕрекен манаслăх туйăмне вăратать».

Юрий Михайловичăн хисеплĕ ятсемпе наградăсем нумаях мар. Вăл «Раçсей Федерацийĕн профессионалле аслă вĕренĕвĕн хисеплĕ еçченĕ» (2011), Канаш районĕн хисеплĕ гражданинĕ (2017), Чăваш Республикин Патшалăх премийĕн лауреачĕ (2014). 2025 ç. âна «Чăваш Республикин тава тивĕçлĕ культура еçченĕ» ята параççĕ.

Пĕтĕмлетүү

Çапла вара, Юрий Михайлович Артемьев пек чĕлхе техĕмне, сăмах тĕшшинче туякан, вĕсен пуянлăхне уçса пама пултаракан, «пурте пĕлекен япаларан сĕнĕ хĕм çапса кăларма пултаракан» çынсем питех те сахал пулаççĕ. Чăваш литература пĕлĕвĕнче, культуринче вăл «никампекмарлăхĕпе», сăнарлă шухăшлавĕпе палăрса тăрат. Вăл сĕç калама пултарнă ытарлă сăмахăн мехелĕ «шал хĕмлĕ» (Ю. М. Артемьев), анлă. Çак сăмах вулаканăн чун-чĕрине тўрех пырса тивет, âс-тăнне хускатать, вăратса çивĕçлетет.

ÇĀЛКУÇСЕН СПИСОКĔ / СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Артемьев Ю. М. Ёмĕр пуçламăшĕ: (1900 — 1917 çулсенчи чăваш литература историйĕн очеркĕ). Иккĕмĕш кăларăм. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1996. 295 с.
2. Артемьев Ю. М. Методологические маргиналии // Известия Национальной Академии наук и искусств Чувашской Республики. 1996. № 5. С. 11 — 24.
3. Артемьев Ю. М. О прозе Хведера Уяра // Волга. 1984. № 12. С. 132 — 134.
4. Артемьев Ю. М. Становление социалистического реализма в чувашской литературе. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1977. 160 с.
5. Артемьев Ю. М. Страсть к полемике: воспоминание, статьи, рецензии, очерки, интервью. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2021. 303 с.
6. Артемьев Ю. М. Шăпа карчĕсем: литература тĕпчевĕпе критика статийсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2015. 159 с.
7. Бекизова Л. Становление социалистического реализма в чувашской литературе // Вопросы литературы. 1978. № 10. С. 276 — 279.
8. Романенко Д. Рождение романа (К истории младописьменных литератур Российской Федерации // Вопросы литературы. 1958. № 11. С. 100 — 110.
9. Черепкин Н. И. Притоки. Москва: Современник, 1973. 196 с.

REFERENCES

1. Artem`ev Yu. M. Ėmĕr puçlamăshĕ: (1900 — 1917 çulsenchi chăvash literatura istorijĕn ocherkĕ). Ikkĕmĕsh kălarăm. Shupashkar;1996:295. (In Chuvash)
2. Artemyev Yu. M. Methodological marginalia // Proceedings of the National Academy of Sciences and Arts of the Chuvash Republic. 1996;5:11 — 24. (In Russ.)
3. Artemyev Yu. M. On the prose of Khvedera Uyar // Volga. 1984;12:132 — 134. (In Russ.)
4. Artemyev Yu. M. The formation of socialist realism in Chuvash literature. Cheboksary;1977:160. (In Russ.)
5. Artemyev Yu. M. Passion for polemics: memories, articles, reviews, essays, interviews. Cheboksary;2021:303. (In Russ.)
6. Artem`ev Yu. M. Shăpa karchĕsem: literatura tĕpchĕvĕpe kritika statijsem. Shupashkar;2015:159. (In Chuvash)
7. Bekizova L. The formation of socialist realism in Chuvash literature // Questions of literature. 1978;10:276 — 279. (In Russ.)
8. Romanenko D. The Birth of the Novel (On the history of the early written literatures of the Russian Federation // Questions of literature. 1958;11:100 — 110. (In Russ.)
9. Cherapkin N. I. Tributaries. Moscow;1973:196. (In Russ.)

Статья редакции 02.02.2026 җитнӗ;
рецензиленӗ хыҗҗан 16.02.2026 ырланӗ; 02.03.2026 пичете йышӗннӗ
Автор җинчен:

Никифорова Вера Витальевна, Чӗваш патшалӑх гуманитарии ӗслӗлӗхӗсен
институчӗн ӗслӗлӗх аслӗ ӗҗтешӗ
(428015, Раҗсей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
филологи ӗслӗлӗхӗсен кандидачӗ
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0175-5678>, vera.nikiforova@yandex.ru
*Пайталӑх конфликчӗ: автор пайталӑх конфликчӗ җуккине пӗлтерет.
Автор ал җырӗвӗн юлашки вариантне вуласа тухнӗ, ырланӗ.*

Статья поступила в редакцию 02.02.2026;
одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 02.03.2026
Информация об авторе:

Никифорова Вера Витальевна, старший научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),
кандидат филологических наук,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0175-5678>, vera.nikiforova@yandex.ru
*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

The article was received by the editors on 02.02.2026;
approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 02.03.2026
Information about the author:

Vera V. Nikiforova, senior researcher, Chuvash State Institute of Humanities
(29/1 Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),
Candidate of Philological Sciences,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0175-5678>, vera.nikiforova@yandex.ru
*Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.*

УДК 781.2
ББК 85.31

Научная статья

**КОМПОЗИТОРСКОЕ ИСКУССТВО ЧУВАШИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА
В ЗЕРКАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО МУЗЫКОЗНАНИЯ**

Л. И. Бушуева

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
niclub7@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются публикации чувашских и российских музыковедов, в которых нашло отражение композиторское искусство Чувашии второй половины XX в. Кратко проследив историю развития музыковедения в Чувашии, автор группирует существующие работы по нескольким основным направлениям. Первое связано с осознанием происходящих в национальном искусстве процессов в виде логично выстроенных концепций, которые выявляются в трудах Ф. П. Павлова, И. В. Люблина, Ю. А. Илюхина, М. Г. Кондратьева, И. В. Даниловой. Исследование отдельных жанров, эстетико-стилевая оценка сочинений относятся наряду с музыкально-теоретическими концепциями к проблемным аспектам науки. В Чувашии многие из них связаны с осмыслением понятий «композиторская школа» и «национальное начало», которым в чувашском искусстве всегда уделялось большое внимание. Крупными темами предстают связь фольклора и профессионального композиторского творчества, преломление различных жанров, взаимосвязь личности и творчества художников. В XXI столетии получают активное развитие монографические исследования. Творчество современных авторов Чувашии постоянно придает музыкознанию новые импульсы, побуждая исследователей искать нестандартные подходы к осмыслению явлений.

Ключевые слова: музыкознание, чувашские и российские музыковеды, композиторское искусство Чувашии второй половины XX в., музыкально-теоретические концепции, проблемы теории и истории

Для цитирования: Бушуева Л. И. Композиторское искусство Чувашии второй половины XX века в зеркале отечественного музыкознания // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 1. С. 90 — 106

© Бушуева Л. И., 2026

Scientific article

**THE COMPOSITIONAL ART OF CHUVASHIA
IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY
IN THE MIRROR RUSSIAN MUSICOLOGY**

L. I. Bushueva

Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
niclub7@gmail.com

Abstract. The article examines the publications of Chuvash and Russian musicologists, which reflect the compositional art of Chuvashia in the second half of the 20th century. Having briefly traced the history of the development of musicology in Chuvashia, the author groups

existing works in several main directions. The first is related to the awareness of the processes taking place in national art in the form of logically constructed concepts, which are revealed in the works of F. P. Pavlov, I. V. Lyublin, Yu. A. Ilyukhin, M. G. Kondratiev, I. V. Danilova. The study of individual genres, stylistic trends, aesthetic and stylistic assessment of compositions belong, along with musical and theoretical concepts, to problematic aspects of science. In Chuvashia, many of them are associated with the understanding of the concepts of «composer's school» and «national origin», which have always been given great importance in Chuvash art. Major themes include the connection between folklore and professional composing, the refraction of various genres, and the relationship between the personality and creativity of artists. In the 21st century, monographic research is actively developing. The work of modern authors of Chuvashia constantly gives new impulses to musicology, encouraging them to look for non-standard approaches to understanding phenomena.

Keywords: musicology, Chuvash and Russian musicologists, the compositional art of Chuvashia in the second half of the 20th century, musical and theoretical concepts, problems of theory and history

For citation: Bushueva L. I. The compositional art of Chuvashia in the second half of the 20th century in the mirror of Russian musicology // Modern humanities. 2026;2(1):90 — 106

Аслалăх статийи

ЧĂВАШ ЕНЁН ХХ ЁМЁРЁН ИККЁМЁШ СЎРРИНЧИ КОМПОЗИТОР ЎНЕРЁ СЎР-ШЫВРИ МУЗЫКА ПЁЛЁВЁН ТЁКЁРЁНЧЕ

Л. И. Бушуева

Чăваш патшалăх гуманитари аслалăхёсен институтё,

Шупашкар хули, Раççей

niclub7@gmail.com

Аннотаци. Статъяра чăваш тата Раçей музыка тĕпчевçисен ХХ ёмĕрĕн иккĕмĕш сурринчи композитор ўнерĕ сăнланнă ёçсене тишкернĕ. Чăваш Енри музыка пĕлĕвĕн ата-лану историне кĕскен пăхса тухнă хыççăн автор пичетленнĕ ёçсене темиçе тĕп сул-йĕрпе ушкăнлать. Пĕрремĕшĕ Ф. П. Павлов, И. В. Люблин, Ю. А. Илюхин, М. Г. Кондратьев, И. В. Данилова ёçсенчи логика телĕшĕнчен йĕркеленнĕ концепцисемпе тата наци ўнерĕнче пулса иртекен процессене аналанипе палăрса тăрать. Уйрăм жанрсене, стиль енĕсене тĕпчени, хайлавсен эстетикапа стиль хаклавĕ музыка-теори концепцийĕсемпе пĕрле аслалăхăн проблемалла аспекчĕсен йышне кĕреçĕ. Чăваш Енре вĕсенчен нумайăшĕ «композитор школĕ» тата «нацилĕх пуçламăшĕ» аналавсене тĕшмĕртессипе сыхăннă, вĕсене чăваш ўнерĕнче яланах пысăк пĕлтерĕшлĕ тесе хакланă. Фольклорпа композиторăн профессионал пултарулăхĕн сыхăнăвĕ, тĕрлĕ жанр кĕретленни, художниксен хайлĕхĕпе пултарулăхĕ пĕр-пĕринпе сыхăнни пысăк темăсен вырăнĕнче. ХХІ ёмĕрте монографи тĕпчевĕсем вайлă аталанаççĕ. Чăваш Енĕн хальхи авторĕсен пултарулăхĕ музыкăна çĕнĕрен те çĕнĕ хăвартлăх кўрет, пулăмсене аналанса илмешкĕн хăнăхман мелсене шырама хистет.

Тĕп сăмахсем: музыка пĕлĕвĕ, чăваш тата Раççей музыка тĕпчевçисем, Чăваш Енĕн ХХ ёмĕрĕн иккĕмĕш сурринчи композитор ўнерĕ, музыка-теори концепцийĕсем, теорипе историн сивĕч ыйтăвĕсем

Цитатăлама: Бушуева Л. И. Чăваш Енĕн ХХ ёмĕрĕн иккĕмĕш сурринчи композитор ўнерĕ сЎр-шыври музыка пĕлĕвĕн тĕкĕрĕнче // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 1 №. С. 90 — 106

Введение

Историографии как музыкально-исторической науке выдающийся советский музыковед М. С. Друскин посвятил учебное пособие «Зарубежная музыкальная историография». В качестве основных задач в нем выделено: «1) Построение

концепций музыкально-исторического процесса; 2) создание теории стилей с их характеристикой; 3) выявление взаимосвязи личности и творчества крупнейших композиторов»¹. Усилиями нескольких поколений чувашских музыковедов данные вопросы рассмотрены на материале музыки XX столетия. Раскрыты они неравномерно, что объяснимо, с одной стороны, разным уровнем их сложности, а с другой — наличием специалистов, способных этим заниматься. Поэтому, прежде чем обратиться непосредственно к обозначенным задачам, необходимо дать общее представление о развитии музыковедения в Чувашии.

Материалы и методы

Основным методом исследования в данной статье является источниковедческий, в работе затронуто множество трудов, где широко и контекстуально осмыслены многие проблемы истории и теории чувашской музыки. Используя хронологический и аналитический методы, автор определяет наиболее важные концепции и проблемы, существующие в отечественном музыкознании. Опираясь на принципы историзма и системности, выявляются самые весомые идеи и подходы. Фактологический и системный методы позволили обобщить результаты исследуемого материала.

Результаты исследования и их обсуждение

Уже в 1920-е гг. многогранность и размах дарования первых деятелей национальной музыкальной культуры Ф. П. Павлова и С. М. Максимова позволили им сформулировать свое понимание ее целей и задач. Бесценны заслуги Ф. П. Павлова, пытавшегося осмыслить как истоки традиционной музыки, так и будущее профессионального искусства. Несколько позже, в конце 1920-х гг., появились лаконичные и точные тезисы² С. М. Максимова о современном состоянии и направлениях развития чувашской музыки. 1930-е гг. отмечены публикацией масштабных статей — «Советская музыка Чувашии»³ и «Олимпиада искусств в Чувашии»⁴ — первых обстоятельных исследований пианиста и музыковеда И. В. Люблина. На этом движение музыковедческой мысли в Чувашии приостановилось.

Профессиональное погружение в проблемы национальной музыки началось в Чувашии со второй половины XX в. с появлением первого музыковеда Ю. А. Илюхина. Вернувшись в г. Чебоксары после учебы на теоретико-композиторском факультете Казанской государственной консерватории в 1955 г., он стал заметной фигурой в кругу интеллигенции Чувашии. Его научно-творческую деятельность можно охарактеризовать словами видного казанского музыковеда Г. М. Кантора, с которым студент Юрий Илюхин обучался на одном курсе в консерватории: «Наш маленький выпуск, я считаю, — один из самых удачных в истории музыковедческого факультета по своей результативности, высокому профессионализму, преданности музыковедческой профессии»⁵. Оставаясь почти двадцать лет единственным специалистом в области музыкознания, Илюхин во всех основных жанрах и областях музыкознания оставил заметный след. Он

¹ История современной отечественной музыки: учебник: в 3 вып. Вып. 3 (1960 — 1990) / ред. Е. Долинская. Москва: Музыка, 2001. С. 517.

² Максимов С. М. Чувашская музыка // Первый Всечувашский краеведческий съезд (15 — 21 июля 1928 года в г. Чебоксарах ЧАССР). Тезисы докладов и резолюции. Чебоксары: Издание О-ва изучения чувашского края, 1929. С. 71 — 75.

³ Люблин И. Б. Советская музыка Чувашии // Советская Чувашия. Национально-культурное строительство. Москва: СоцэкГиз, 1933. С. 226 — 259.

⁴ Люблин И. Олимпиада искусств в Чувашии. Чебоксары: Чувашгиз, 1934. 112 с.

⁵ Кантор Г. М. Это было недавно, это было давно. Рукопись. С. 3.

зафиксировал события музыкальной жизни республики, осветил деятельность и роль Союза композиторов ЧАССР в культуре данного периода, заложил основу для дальнейших исследований. Среди его учеников — представители следующего поколения музыковедов М. Г. Кондратьев, С. И. Макарова, А. А. Осипов.

Возникновение в 1966 г. в Чувашском научно-исследовательском институте сектора искусств, преобразованного в 1971 г. в отдел, открыло возможности для организации планомерной научной музыковедческой работы с привлечением штатных и внештатных специалистов, первым из которых стал выпускник Казанской государственной консерватории 1972 г. М. Г. Кондратьев. Как некогда Ю. А. Илюхин, он много публиковался в республиканской прессе, отразив в статьях, рецензиях, интервью впечатления от просмотра премьерных постановок и концертных программ, обсуждения авторских сочинений, появления новых изданий, гастрольных выступлений исполнителей, участия в съездах и пленумах Союза композиторов СССР. Его ежегодные обзоры творческих сезонов [10 — 13] продолжили «летопись» музыкальной культуры республики. Около полутора сотен критико-публицистических и научно-популярных публикаций М. Г. Кондратьева в периодических изданиях, сотни статей в «Краткой чувашской энциклопедии» и четырехтомной «Чувашской энциклопедии» послужили источниками для научных статей и монографий, которые по тематике группируются в несколько циклов.

М. Г. Кондратьев внес значительный вклад в проблематику всех поднятых им вопросов, рассмотрев явления культуры прошлого и современности с оригинальных методологических позиций, совместив историко-теоретические подходы с исследовательскими инструментами из других гуманитарных наук. Затронутые в его трудах музыкально-эстетические проблемы представили чувашское музыкальное искусство всесторонне и целостно, от цивилизационных основ до явлений Новейшего времени.

В статье М. Г. Кондратьева «Чувашское музыковедение и его задачи» [16] говорится о появлении в 1970-е гг. признаков начала нового этапа в развитии музыкознания. Действительно, 1970-е гг. отмечены активностью нескольких специалистов, в 1980-е гг. их ряды пополнились свежими силами в лице А. А. Осипова, С. И. Макаровой, И. В. Даниловой, Г. И. Михайловой. Благодаря им заметно оживилась музыкальная критика, на страницах периодических изданий появились новые материалы. Но более важно другое: в художественную жизнь республики уверенно вошла музыкальная тележурналистика — актуальное и востребованное направление, прочно занявшее свою нишу в последующие десятилетия. На Чувашском телевидении начали развиваться долгосрочные авторские проекты С. И. Макаровой «Чувашия музыкальная», «Мастера искусств», «Представляем молодых», оставившие заметный след в национальной культуре. Параллельно осуществлялись научные изыскания по проблемам композиторского и исполнительского искусства.

Начиная с 1970-х гг. в ЧГИГН постоянно публикуются сборники статей серии «Чувашское искусство» и «Проблемы художественной культуры Чувашии», сборники материалов конференций и другие издания, в которых принимают активное участие внештатные авторы. В 1980 — 1990-е гг. это Л. И. Бушуева, Ю. В. Васильев, А. М. Григорьева, Т. В. Давыдова, И. В. Данилова, Ю. А. Дмитриева, И. С. Евсеева, С. И. Макарова, А. Р. Салихов, Т. В. Смелова, С. И. Федорова, Б. Я. Цимковский; в 2000 — 2020-е гг. — Т. А. Аbruкова, М. Г. Митина,

К. Г. Москалев, Л. В. Осипова, Т. А. Полковникова, А. В. Проскурин, И. В. Ткаленко. Выбор исследовательских тем у них чаще всего ограничен одним-двумя ракурсами. Так возникли статьи Т. А. Аbruковой о песенном жанре, Ю. А. Дмитриевой о хоровой музыке, А. Р. Салихова о гармонии, С. И. Федоровой о полифонии, Л. В. Осиповой и Б. Я. Цимковского об А. Г. Васильеве, И. В. Ткаленко о Л. Л. Быренковой, Т. А. Полковниковой о современных техниках композиции. Таким образом, научная мысль в Чувашии к настоящему времени получила развитие в разных направлениях.

Одна из наиболее сложных в музыковедении задач — осознание происходящих в национальном искусстве процессов в виде логично выстроенных концепций. Формироваться эти представления начали уже в период становления профессиональной художественной культуры. Первым предпринял попытки осмыслить национальное искусство в его историческом развитии, выявить хронологию и перспективы композиторского творчества Ф. П. Павлов. Происшедшие после Октябрьской революции 1917 г. изменения оценивались им как начало новой истории чувашского музыкального искусства. Национальная культура должна была развиваться с опорой на высокие образцы письменного творчества европейской традиции, чтобы занять достойное место в мировом контексте, представив глубину народной философии, этики и эстетики в новых образах и жанрах профессиональной музыки. Обосновывая реальность этой идеи, Ф. П. Павлов отмечал особый уровень дореволюционного (до 1917 г.) музыкального искусства, выделявшийся общественной значимостью и интенсивным развитием среди других видов художественной жизни Чувашии. Динамичность и насыщенность процессов позволили ему создать первую хронологию развития чувашской профессиональной музыки с периодами до 1917 г., с 1917 по 1920 г. и 1920-х гг.⁶

Намерение обобщить и систематизировать композиторский процесс прослеживается в статьях «Советская музыка Чувашии» и «Олимпиада искусств в Чувашии» И. А. Люблина. Его публикации дают представление об этнографическом (1918 — 1927) и современном (после 1927 г.) периодах становления профессионализма. В раннем, названном И. Люблиным этнографическим (1918 — 1927), устремления композиторов были направлены на поиски приемов и гармонических средств, соответствующих национальному фольклору и в то же время свободных от связи с традиционной «школьной» гармонией. На следующем этапе (после 1927 г.) при сохранении в качестве ведущих жанров обработок, гармонизаций и оригинальных сочинений в народном духе возникло и развилось иное направление творчества — песни, где современные тексты сочетаются с фольклорными напевами, или же полностью авторские сочинения. Этнографический характер музыки по-прежнему преобладал, но возникли и такие новые положительные качества, как доступность и массовость. Время скорректировало некоторые идеи автора, однако в целом они не утратили своей ценности.

Среди созданных старейшиной чувашского музыковедения Ю. А. Илюхиным трудов заметное место занимают материалы, подготовленные для столичных изданий. Это глава «Музыкальная культура Чувашской АССР» в книге «Му-

⁶ «...Первые вырастают отпрыски в области кристаллизации искусства». Доклад о фактической работе подотдела искусств отдела по народному образованию Автономной Чувашской области за 1920 год // Художественная культура Чувашии. 20-е годы XX века. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. С. 195 — 210.

зыкальная культура автономных республик РСФСР»⁷ — первом масштабном исследовании музыкального искусства, изданном в послевоенные годы. Ему же принадлежат шесть разделов в монографии «История музыки народов СССР»⁸ (1970 — 1977). В данных работах отразилась историографическая структура музыкального искусства, господствовавшая повсеместно в советские годы. Осуществленный Илюхиным обзор музыкальной жизни Чувашии за полувековой период послужил незаменимой источниковедческой базой для публикаций других специалистов.

Завершили начатую Ю. А. Илюхиным работу музыковеды М. Г. Кондратьев и С. И. Макарова, подготовившие раздел о развитии чувашской музыки в 1978 — 1987 гг. для VII заключительного тома «Истории музыки народов СССР»⁹. Если Ю. А. Илюхин в своих очерках преимущественное внимание уделял композиторским персоналиям и анализировал их наиболее показательные сочинения, то в VII томе ракурс иной: более обобщенный, с акцентом на ведущие тенденции и жанры и в тесной связи с явлениями в исполнительстве и художественной жизни в целом. Изменившаяся методология последнего тома дала возможность наряду с положительными моментами выделить подлежащие критике, благодаря чему выстроилась сложная и объективная картина.

Новые представления о чувашской музыке как сложившейся целостной музыкально-исторической системе появились в 1990-е гг. Произошедшая «архивная революция» открыла возможность иначе трактовать известные ранее исторические факты и события. Длительные наблюдения над традиционным и современным музыкальным творчеством позволили М. Г. Кондратьеву создать авторские варианты типологии и периодизации и структурировать их следующим образом:

— устная фольклорная крестьянская песня, древняя по истокам и сохранившая до сих пор свои важнейшие качества;

— устный профессионализм, не дошедший до нашего времени, но обозначающийся в отдельных формах устной традиции;

— современное любительское (самодеятельное) и эстрадное музицирование, процветающее преимущественно в городе;

— профессиональное искусство письменного типа, art-музыка, orpus-музыка — композиторское и исполнительское творчество, существующее около ста лет и ускоренно развивавшееся в советское время. В нем, в свою очередь, выделяется творчество композиторов, чаще всего уроженцев Чувашии, проживающих на территории республики и за ее пределами, а также отдельные явления творчества композиторов столиц (Москва, Санкт-Петербург), других городов России и зарубежья.

В истории развития чувашской музыки М. Кондратьевым выделены:

— древний период, до VIII в. н. э., охватывающий время до прихода тюркоязычных или болгароязычных предков чувашей в Волго-Камье;

— период формирования чувашской музыкальной системы — от VIII до XV — XVI вв., начавшийся после переселения болгаро-чувашей в Поволжье;

---

⁷ Илюхин Ю. А. Музыкальная культура Чувашской АССР // Музыкальная культура автономных республик РСФСР. Москва: Музгиз, 1957. С. 293 — 330.

⁸ История музыки народов СССР. Т. 1 — 5 / Институт истории искусств Министерства культуры СССР. Москва: Музыка, 1970 — 1974.

⁹ Кондратьев М. Г., Макарова С. И. Чувашия // История музыки народов СССР. Т. VII. Вып. 2. Москва: Музыка, 1997. С. 215 — 225.

— период после вхождения чувашей в Российское государство, с середины XVI в., когда возникают новые стилевые и жанровые пласты, отражающие воздействие православия и русской культуры;

— период с последней трети XIX в., период Нового времени. Появляются нотные записи чувашского фольклора, начинает развиваться профессиональное исполнительское и композиторское творчество. Здесь выделяются временные рубежи: 4 августа 1893 г., 1917 г., 24 июня 1920 г., конец 1920-х гг., вторая половина 1930-х гг., конец 1950-х гг., начало 1970-х гг., начало 1990-х гг.

Этот вариант периодизации в 2000-е гг. применительно к музыке XX столетия уточнен И. В. Даниловой. Музыкальное искусство Чувашии представлено ею как:

— период предыстории рубежа XIX — XX столетий (80 — 90-е гг. XIX — 10-е гг. XX в.), когда начинающие чувашские авторы пробовали свои силы в искусстве композиции, а русские музыканты создавали гармонизации и обработки чувашских народных песен;

— первый период становления национальной композиторской школы (1920 — 1930-е гг.), появление ведущих музыкально-исполнительских организаций и учебных заведений, значительных музыкальных композиций и хоровых сочинений;

— условно «регрессивный» период (2-я половина 1930-х гг. — до конца 1950-х гг.), «приостановка» композиторского процесса, смена поколений;

— второй период истории профессиональной чувашской музыки, оформление чувашской национальной композиторской школы (конец 1950-х — 1960-е — первая половина 1980-х гг.), появление большого количества новых сочинений, освоение новых жанров;

— третий, новый «послеперестроечный» период (2-я половина 1970-х — 1990-е гг.), время художественно-стилистического обновления¹⁰.

Таким образом, к настоящему времени в чувашском музыкознании сложилась определенная система представлений об основных этапах исторического развития национальной музыки, начиная с древнейших времен вплоть до конца XX в.

Исследование отдельных жанров, стилевых направлений, эстетико-стилевая оценка сочинений относятся наряду с музыкально-теоретическими концепциями к проблемным аспектам науки. В Чувашии многие из них связаны с осознанием понятий «композиторская школа» и «национальное начало», которым в чувашском искусстве всегда придавалось большое значение.

Наиболее глубокая публикация по данной проблеме — статья М. Г. Кондратьева «Проблема национального в музыкальном искусстве Чувашии» [14], где генезис национального осмысливается в соотношении с интернациональным, национальной традицией и творческим методом. Связана с этими вопросами разработанная ученым концепция о существовании в чувашской музыке второй половины XX столетия нескольких стилей. Типологические черты для национальной композиторской школы данного периода выявлены в статье «Стилевые поиски в камерно-инструментальном творчестве композиторов Чувашии» [15] через дефиниции «национально-традиционного», «национально-нетрадиционного» и «внечувашского» стилевых течений. Основными параметрами при анализе творчества мастеров стали интонационно-мелодическая основа и гармоническая

¹⁰ Данилова И. В. Этапы развития чувашской профессиональной музыки. К проблеме становления национальной композиторской школы: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02 / Гос. ин-т искусствознания. Москва, 2003. 253 с.

вертикаль. Наряду с камерно-инструментальным творчеством музыковед уделил внимание другим жанрам композиторского искусства Чувашии, и особенно — опере, симфонии, песне, рассмотрев в них сюжетную тематику, интонационную сферу музыкального языка, признаки фольклоризма.

О фольклоризме как явлении, в значительной мере определившем своеобразие чувашского музыкального искусства, писали многие. Освоить на практике и осмыслить в теории пути претворения народного мелоса первыми пытались Ф. П. Павлов¹¹ и С. М. Максимов¹². Уже в 1920-е гг. в связи с фольклоризмом возник вопрос о разных стилевых направлениях и композиторской технике. Ф. П. Павлова тогда воспринимали как «западника», позже он стал более осторожен в выборе средств, а в последние годы жизни задумывался об обработке народной музыки в «восточном стиле». В 1930-е гг. о стилевых предпочтениях размышлял И. А. Люблин. Согласно его оценке, Ф. П. Павлов — новатор, экспериментирующий с гармоническими средствами классической западноевропейской музыки, добившийся во второй половине 1920-х гг. убедительных художественных результатов. С. М. Максимов наиболее последователен по отношению к народной песне, он ищет и находит подходящие и оригинальные приемы. В. П. Воробьев придерживается в гармонизации заложенного в мелодии пятитонного звукоряда. Говоря о русских авторах, наиболее лестную характеристику И. А. Люблин дал В. М. Кривonosову, свободно владеющему разными приемами композиции. В композиторском фольклоризме музыковед выделил две ведущие тенденции в гармонизации народных мелодий.

Первая связана с опорой на преимущественно мажорный, реже — минорный лад. Главная трудность для композиторов — соотношение ладово многозначной мелодии с гармонизацией, ограниченной рамками только одного лада. Также нелегко подобрать соответствующее гармоническое оформление для характерной заключительной каденции на V ступени. Вторая тенденция основана на организации структуры аккордов только из звуков, извлеченных из пентатонной народной мелодии. Но подобные ограничения со временем начинают тяготить композиторов, и они постепенно вводят созвучия, выходящие за границы лада.

Яркое явление композиторского фольклоризма 1930-х гг. — сборник вокально-инструментальных обработок «Двадцать пять чувашских песен» московского композитора С. Е. Фейнберга, который упоминался в опубликованной в Париже книге «Музыка за 1937 год», ему же была посвящена отдельная рецензия В. А. Гроссман в журнале «Советская музыка»¹³.

В послевоенное время осмысление проблем композиторского фольклоризма становится более интенсивным. В кандидатской диссертации «Народная песня в творчестве чувашских композиторов»¹⁴ (1968) Л. В. Жирновой они затронуты на примере хорового жанра. Новые подходы к явлению демонстрирует статья казанского музыковеда А. Г. Юсфина «Фольклор и композиторское творчество»¹⁵,

¹¹ Павлов Ф. П. Собрание сочинений. 2-е изд. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. С. 20.

¹² Максимов С. М. Чувашская музыка // Первый Всечувашский краеведческий съезд (15 — 21 июля 1928 года в г. Чебоксарах ЧАССР): тезисы докладов и резолюции. Чебоксары: Издание О-ва изучения чувашского края, 1929. С. 71 — 75.

¹³ Гроссман В. Чувашские песни С. Фейнберга // Советская музыка. 1939. № 1. С. 34 — 39.

¹⁴ Шамина-Жирнова Л. В. Народная песня в хоровом творчестве чувашских композиторов: дис. ... канд. искусствоведения / Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии. Москва, 1968. 229 с.

¹⁵ Юсфин А. Г. Фольклор и композиторское творчество // Советская музыка. 1967. № 8. С. 53 — 61.

где фамилия чувашского автора впервые прозвучала в широком общекультурном контексте. Считая фольклор бесценным источником для авангардных поисков, музыковед призывал композиторов не преобразовывать, а напротив, погрузиться в его глубины, чтобы постигнуть все «слои интонирования». Среди авторов — венгра Белы Бартока, армянина Комитаса, русских А. В. Станчинского и Г. В. Свиридова, эстонца Вельо Тормиса, татарина А. З. Монасыпова — упоминался М. А. Алексеев, чьи эксперименты с чувашским мелосом получили самую высокую оценку: «В творчестве молодого чувашского композитора М. Алексеева также явственно ощущается настойчивое стремление услышать внутреннюю жизнь народной песни. В “Чувашском каприччио”, в серии его крупных циклов для деревянных духовых инструментов по-новому зазвучала чувашская мелодика. И в Сонате для флейты с фортепиано, и в Сюите для гобоя с фортепиано весь тематизм целиком фольклорен. Но это вовсе не породило ни “этнографической рапсодичности”, ни “расслабленности” формы. Подобное отношение к народной песне — активное и вместе чуткое, “извлекающее” форму, как и все другие компоненты музыкального языка, из мелодической основы, без ее фетиширования, но с должным доверием к ее еще нераскрытым возможностям, — следует признать, может быть, самым плодотворным и многообещающим»¹⁶. Идеи, методы анализа и стиль изложения этой статьи для чувашского музыкознания тех лет были новы, но отражали дух других проблемных публикаций о чувашской музыке, публикуемых в журнале «Советская музыка» сторонними специалистами. Первой из них стала статья¹⁷ Ю. С. Корева, носившая критический характер, но содержавшая немало ценных профессиональных замечаний насчет техники и мастерства, пожеланий к организационной деятельности правления Союза композиторов Чувашии.

В 1967 г. в «Советской музыке» вышла статья другого московского автора, композитора В. Г. Фере¹⁸, делившегося впечатлениями от услышанных сочинений чувашских авторов на выездном заседании секретариата Союза композиторов РСФСР в Чебоксарах. Эта работа примечательна не только тем, что представляет собой некий срез состояния музыкальной культуры определенного периода и содержит много полезной информации. В ней немало профессионально точных замечаний о драматургии сочинений, качестве инструментовки и других значимых сторонах музыкального языка.

В хронике композиторского искусства 1970-х гг. выделились IV съезд (1973) и пленум (1975) Союза композиторов Чувашии, о которых также говорилось в журнале «Советская музыка»¹⁹. Автор статей, приглашенный из Москвы представитель Союза композиторов СССР музыковед А. А. Иконников, отметил как наиболее типичное в современном состоянии чувашской музыки национальную определенность, любовь к фольклору, связь с русской культурой, творческую активность композиторов, расширение жанровых границ. Из недостатков упомянуты необходимость преодоления куплетности в песенном жанре, не всегда верно найденная интонационность, порой отсутствие взаимосвязи между экспериментом в области выразительных средств и художественным замыслом. Корректный и точный музыковедческий анализ затронул почти каждое произведение

¹⁶ Юсфин А. Г. Фольклор и композиторское творчество. С. 58.

¹⁷ Коров Ю. С. Чувашия // Советская музыка. 1956. № 6. С. 68 — 69.

¹⁸ Фере В. В Карелии и Чувашии // Советская музыка. 1967. № 4. С. 68 — 71.

¹⁹ Иконников А. А. Край развивающейся культуры // Советская музыка. 1974. № 5. С. 30 — 34; Его же. Снова в Чебоксарах // Советская музыка. 1976. № 4. С. 15 — 18.

чавшее сочинение, подведя к разговору о национальной почвенности и взаимоотношениях с фольклором, обсуждению вопросов профессионального мастерства, современности и реализма, необходимых для осмысления любым композитором цели своего творчества. Материал второй статьи был также опубликован в первом выпуске издаваемого с 1976 г. в Москве тематического сборника «Музыка России». Для композиторского искусства Чувашии публикации А. А. Иконникова были полезны в плане понимания дальнейших творческих приоритетов.

Из местных авторов последовательным интересом к одному жанру в 1970 — 1990-е гг. выделилась Т. А. Эррэ. Издав ряд статей и книгу «Чувашская опера» [23], она подготовила на ее основе кандидатскую диссертацию «Зарождение и развитие национальной оперы в Советской Чувашии, 1936 — 1976»²⁰ (1981), затем выпустила монографию «Национальная опера в автономных республиках Поволжья и Приуралья» [24] и защитила докторскую диссертацию на тему «Опера Среднего Поволжья. Закономерности формирования жанра»²¹ (1996). В этих работах прослеживается формирование, развитие и типология оперного жанра в чувашском искусстве, оперный процесс рассмотрен как явление регионального значения в контексте традиций и новаторства музыкальных культур Волго-Уральского региона.

Выявление взаимосвязи личности и творчества композиторов — самый разработанный в чувашском музыкознании ракурс, разносторонне осмысленный в работах местных и сторонних специалистов. Наиболее широко он представлен в многочисленных трудах, вышедших во второй половине XX столетия.

Одним из первых стал очерк «Чувашская советская музыкальная культура» [20] Ф. М. Лукина, вышедший вместе с другими обзорными статьями в юбилейном, приуроченном к 30-летию Чувашской автономии, сборнике трудов Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики. Затронув вопросы деятельности художественно-исполнительских коллективов и подготовки национальных кадров, Ф. М. Лукин основное внимание уделил композиторскому творчеству. Наиболее обширные разделы посвящены основоположникам Ф. П. Павлову и В. П. Воробьеву, из русских музыкантов отмечен В. М. Кривонос — учитель Лукина по композиции, из современников выделены Г. Г. Лисков, Г. В. Воробьев, Г. Я. Хирбю, Г. С. Лебедев, А. Г. Орлов-Шузьм, А. Н. Тогаев. О каждом созданы творческие портреты с анализом жанровых предпочтений, значимых сочинений, оценкой деятельности. Данный очерк представляет интерес не только как исследование, достойное уровня музыкознания, с ценными наблюдениями над развитием культурной жизни республики. Ф. М. Лукин как руководитель творческого союза обязан был отреагировать на вышедшее сравнительно недавно знаменитое постановление ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» 1948 г., последующее его обсуждение²² и решение бюро Чувашского обкома ВКП(б) о состоянии чувашской музыки и ее перспективах. Поэтому на страницах статьи говорится о недостатках нового сочинения А. Г. Орлова-Шузьм «Когда расцветает черемуха», сообщается об изменениях в тематике песенного жанра.

²⁰ Эррэ Т. А. Зарождение и развитие национальной оперы в Советской Чувашии, 1936 — 1976: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02. Ленинград, 1981. 285 с.

²¹ Эррэ Т. А. Опера в Среднем Поволжье: (Закономерности формирования жанра): автореф. дис. ... д-ра искусствоведения: 17.00.02 / Моск. гос. консерватория. Москва, 1995. 36 с.

²² Собрание работников искусств. Обсуждение постановления ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» // Красная Чувашия. 1948. № 54. 16 марта.

Начиная со второй половины минувшего столетия масштабно и весомо о композиторах и их творчестве писал Ю. А. Илюхин. Ему принадлежит свыше 1300 публикаций в местной и центральной печати: заметки, статьи, рецензии, аналитические очерки о юбилейных датах, значительных событиях, персоналиях. Эту «летопись» музыкальной жизни дополняют 27 разнообразных в жанровом отношении научных работ: от отдельных статей, одна из которых была опубликована Болгарской академией наук в Софии, до публикаций обзорного характера и монографического исследования о чувашском композиторе. В поле зрения музыковеда был фольклор, наследие Ф. П. Павлова, но более всего — вопросы современной художественной действительности и творчество профессиональных авторов.

Скрупулезно фиксируя и систематизируя факты музыкальной культуры республики, Ю. А. Илюхин отразил ее историю за период 1917 — 1967 гг. в обзорных очерках, опубликованных в «Ученых записках» ЧНИИ [7 — 9]. По структуре они напоминают разделы из существующих исследований по истории отечественной музыки, где композиторское искусство в его основных жанрах (вокальном, инструментальном, сценическом) рассматривается на фоне процессов, происходящих в обществе, фольклоре, профессиональном и самодеятельном исполнительстве. Большое место во втором и третьем обзорах уделено Союзу композиторов Чувашии, занимающему, как акцентирует автор, ведущее место в музыкальной культуре республики. Эта мысль аргументирована хроникой съездов, пленумов, постановлений союза, характеристикой творческих достижений композиторов, каждому из которых посвящены отдельные строки. Ф. П. Павлов, Ф. М. Лукин, Г. Я. Хирбю и Г. С. Лебедев представлены более масштабно, скромнее отражено творчество С. М. Максимова, В. П. Воробьева, Г. В. Воробьева, В. М. Кривоносова, И. В. Люблина, Г. Г. Лискова, у других проанализированы самые показательные произведения. Выявляется общее и индивидуальное в тематике и стилистике, обращается внимание на методы и приемы работы с фольклором, отмечаются сильные и слабые стороны сочинений. Этот же материал позже использовался во множестве статей в «Советской энциклопедии», «Музыкальной энциклопедии», «Театральной энциклопедии», «Краткой чувашской энциклопедии», «Чувашской энциклопедии».

С жанром монографического исследования об отдельной творческой личности Ю. А. Илюхин впервые соприкоснулся в дипломной консерваторской работе, связанной с творчеством Ф. П. Павлова. Для его двухтомного «Собрания сочинений» позже музыковед подготовил критико-биографический очерк, летопись жизни и творчества, комментарии. Впоследствии работы о персоналиях (статьи для периодики и энциклопедий, буклеты) заняли существенное место в его публикациях. Самая крупная из них — монография о Г. Я. Хирбю [6], ставшая, за исключением книги В. А. Ходяшева о Г. В. Воробьеве, первым опытом такого исследования в Чувашии. Биографические сведения в ней подкреплены большим количеством документальных и мемуарных материалов, затронуты исторические аспекты развития оперного, инструментального, кантатно-ораториального жанров, подробно представлены существующие варианты претворения в музыке сюжета поэмы «Нарспи» К. В. Иванова.

Наиболее объемно чувашское композиторское искусство отражено в книге «Композиторы Советской Чувашии»²³. По содержанию она шире и глубже

²³ Илюхин Ю. А. Композиторы Советской Чувашии. 2-е изд. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982. 320 с.

заявленного жанра биобиблиографического справочника — это полноценные, развернутые монографические очерки с биографией, анализом и оценкой значительных сочинений композиторов. На фоне подобных изданий, вышедших в 1970 — 1980-е гг. в Татарии, Марийской Республике, на Украине, в Молдавии, Белоруссии, других регионах СССР, труд чувашского музыковеда выделялся уникальностью и полнотой информации. Помимо очерков, Ю. А. Илюхин написал к книге развернутое предисловие, отразившее другие разрабатываемые им темы²⁴ и представившее целостно историю развития национальной музыки.

В 1960-е гг. появились также работы других авторов о композиторских персоналиях. В небольшой по объему (59 с.) книге о Г. В. Воробьеве [22] композитор В. А. Ходяшев попытался целостно представить его биографию и творчество, проанализировать основные сочинения, выявить черты стилистики. По сути, это было первое, пусть и скромное по масштабу, но монографическое исследование о чувашском композиторе.

Монография как жанр получила разностороннее развитие в трудах М. Г. Кондратьева. Обширный фактологический материал отражен в масштабных историко-биографических монографиях об основоположниках чувашского профессионального искусства «Композиторы Воробьевы» [17], «Степан Максимов. Музыкант-просветитель» [18], «Гора золотая...» Федор Павлов и его время» [19]. В полном авторском варианте издано Собрание сочинений выдающегося чувашского композитора довоенного времени Г. В. Воробьева²⁵. Эти труды дополняют составленные и отредактированные ученым научные издания, посвященные мастерам второй половины XX в. Г. Я. Хирбю, Ф. М. Лукину, В. А. Ходяшеву, А. Г. Васильеву. Из них выделяется книга «Композитор Александр Васильев. Творчество в контексте времени и традиций»²⁶, представляющая собой первый в Чувашии опыт музыковедческого сборника статей на монографическую тему. Целостные портреты композиторов Чувашии представлены в издании «Мастера музыкального искусства», вышедшем под редакцией музыковеда.

Из других появившихся в 1970-е гг. публикаций следует упомянуть монографический очерк Л. П. Потаповой²⁷, посвященный Ф. М. Лукину, работы О. А. Сухановой²⁸ о творчестве Ф. С. Васильева, монографический очерк Л. В. Жирновой о Ф. М. Лукине²⁹.

Музыковед С. И. Макарова была автором и ведущей более 150 выпусков «Чувашии музыкальной». Имевшие прообразом знаменитый в советское время

---

²⁴ Роль деятелей музыки русского и других народов СССР в развитии чувашской музыкальной культуры, Ленинская тема в чувашской музыке, Музыкальное воспитание и обучение в Симбирской чувашской школе.

²⁵ Воробьев Г. В. Сочинения. Вып. 1. Сонатина для фортепиано. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. 44 с.; Вып. 2. Пьесы для фортепиано. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. 72 с.; Вып. 3. Симфония: переложение для фортепиано. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. 80 с.; Вып. 4. Поэма. Соната. Для скрипки и фортепиано. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. 67 с.

²⁶ Композитор Александр Васильев: Творчество в контексте времени и традиций: сборник статей. Чебоксары: ЧГИГН, 1999. 184 с.

²⁷ Потапова Л. К. Творчество, популярное в народе // Советская музыка. 1970. № 2. С. 34 — 37; Её же. Филипп Лукин // Композиторы Российской Федерации: сборник статей. Вып. 1. Москва: Советский композитор, 1981. С. 206 — 226.

²⁸ Суханова О. А. Основная тема — народ // Советская музыка. 1970. № 8. С. 6 — 9; Её же. Федор Васильев // Композиторы Российской Федерации. Москва: Советский композитор, 1982. Вып. 2. С. 143 — 168.

²⁹ Шамина (Жирнова) Л. В. Певец чувашского народа // Советская музыка. 1981. № 4. С. 12 — 15.

«Музыкальный киоск» с Элеонорой Беляевой, эти образовательно-просветительские передачи стали для широкой публики «окном» в мир большого искусства. Регулярно выходившие программы включали в себя сюжеты об известных музыкантах и новых постановках, интервью с деятелями искусств, обзоры творческих сезонов, репортажи с различных мероприятий. Позже, в 1990-е гг., их дополнили альманахи «Ўнер тѣнчи» (Мир искусства) и циклы передач «Ўнер ѳстисем» (Мастера искусств) А. А. Осипова. Помимо этого, в 1980-е гг. на Центральном телевидении транслировались монографические передачи о творчестве Ф. С. Васильева, Ф. М. Лукина и А. Г. Васильева, в 1991 и 1993 гг. состоялся выпуск дисков-гигантов ВТПО «Фирма «Мелодия» и а/о «Русский диск» с аудиозаписями хоровой и инструментальной музыки чувашских композиторов и аннотациями М. Г. Кондратьева и А. А. Осипова. Началось издание альманаха «Музыка России», обзорные статьи о Чувашии для которого неоднократно писали чувашские музыковеды. Таким образом, «летопись» Ю. А. Илюхина и М. Г. Кондратьева получила развитие на новом уровне и в ином формате.

А. А. Осипов, работавший в 1980 — 1984 и в 1990 — 1996 гг. в отделе искусств ЧГИГН и занимавшийся преимущественно изучением фольклора, одним из первых исследовал хоровое творчество А. Г. Васильева [21]. Публикации С. И. Макаровой, изданные в научных сборниках в городах Чебоксары, Москва³⁰, Казань, в журнале «ЛИК Чувашии»³¹, затронули разные стороны современной музыкальной действительности. Она много писала о новых сочинениях и их авторах, деятельности Союза композиторов Чувашии, освещала вопросы музыкально-театрального исполнительства. Долгие годы была неизменной ведущей разнообразных концертных программ, творческих вечеров, презентаций в Чувашской государственной филармонии, Национальной библиотеке Чувашской Республики и других учреждениях культуры, проявив себя в этом качестве как профессионал, мастер устных выступлений.

Разнообразна тематика исследований музыковеда И. В. Даниловой, являвшейся в 2003 — 2008 гг. старшим научным сотрудником отдела искусствоведения ЧГИГН. Свои научные труды она посвятила авторам разных поколений — от В. П. и Г. В. Воробьевых до А. В. Асламаса [2], Г. Я. Хирбю и А. Г. Васильева. Первой она охарактеризовала творчество современных композиторов XXI столетия [3]³², создав яркие и выразительные портреты каждого. Чувашское композиторское искусство проанализировано ею в разных аспектах, выбор которых подсказал сам материал. Так появились работы о двуязычии и полистилистике в чувашской музыке второй половины XX в., о соотношении национального и европейского в творчестве А. Г. Васильева [5], о национальном [4] в чувашской музыкальной культуре на рубеже XIX — XX вв. Публикации И. В. Даниловой в журнале «Музыкальная академия» отразили современные реалии Союза композиторов Чувашии. Наиболее значимые труды — кандидатская диссертация

³⁰ Макарова С. И. Поиски новых путей (опера А. Васильева «Чакка») // Музыка России. Вып. 6. Москва: Советский композитор, 1986. С. 71 — 84.

³¹ Редакционная беседа. Музыкальное искусство сегодня и завтра (записала С. Макарова) // ЛИК Чувашии. 1994. № 2. С. 143 — 148; Редакционная беседа. Музыкальное отечество в опасности (записала С. Макарова) // ЛИК Чувашии. 1995. № 4. С. 70 — 74.

³² Данилова И. В. Новая галерея. Портреты молодых чувашских композиторов // ЛИК Чувашии. 1997. № 2. С. 88 — 94; Ее же. Молодые композиторы: линия судьбы // Новый ЛИК. 2000. № 2. С. 98 — 107.

«Этапы развития чувашской профессиональной музыки: к проблеме становления национальной композиторской школы»³³ и учебное пособие «Лекции по истории чувашской музыки»³⁴ — появились уже в следующем столетии.

Л. И. Бушуева, пришедшая в отдел искусствоведения в 2009 г., занимается актуальными вопросами истории и теории музыкальной культуры Чувашии, изучает творчество композиторов и современное состояние фольклора. В соавторстве с Ю. А. Илюхиным ею опубликован библиографический справочник «Композиторы Чувашии»³⁵, дополняющий и расширяющий картину развития национального искусства на протяжении большого исторического периода. Ряд публикаций связан с творчеством А. Г. Васильева. В монографии «Чувашская народная песня в творчестве композиторов: композиторский фольклоризм, фольклорные “волны”, жанр обработки» [1] проанализирован широкий круг явлений чувашской профессиональной музыки сквозь призму фольклоризма. Из множества граней Л. И. Бушуева выделила фольклоризм композиторский или проблему «композитор и фольклор», рассмотрев ее в жанре обработки. В монографии прослежена эволюция явления в истории профессионального искусства, обоснована его периодизация, осуществлена классификация подходов к фольклору.

Обсуждению проблемных моментов родственных культур Волго-Уральского региона посвящен ряд значимых публикаций 1980 — 1990-х гг., вышедших в формате «круглого стола». Впервые об актуальных тенденциях, стилях, жанрах в такой форме говорилось в редакционной беседе «Творчества вечно живая основа»³⁶ журнала «Советская музыка», собравшей деятелей культуры из республик Чувашия, Башкирия, Удмуртия, Мордовия, Татария, Марий Эл. Диалог М. Г. Кондратьева³⁷ (Чувашия) и М. П. Файзулаевой (Татарстан) о VII съезде Союза композиторов Чувашии (1988) позволил заострить внимание на других насущных вопросах. Круглые столы «Музыкальное искусство сегодня и завтра» и «Музыкальное отечество в опасности» в журнале «ЛИК Чувашии» обозначили принципиальные общекультурные проблемы, затрагивающие будущее национального искусства.

Публикации специалистов из других городов и регионов, как и прежде, в основном были связаны со съездами и пленумами Союза композиторов Чувашии и с фестивалями музыки композиторов Поволжья и Приуралья, где всегда звучали сочинения чувашских авторов. Свои впечатления от знакомства с чувашской музыкой гости из столицы и других республик излагали как на страницах газеты «Советская Чувашия», так и в «Музыкальной академии». Длительное знакомство с деятелями чувашской культуры и неоднократное участие в различных творческих мероприятиях Чувашии сформировали у Ю. С. Корева представления о процессе развития национальной музыки, отразившиеся в публикации «Нестолчными дорогами»³⁸ (1998).

³³ Данилова И. В. Этапы развития чувашской профессиональной музыки. К проблеме становления национальной композиторской школы: дис. ... канд. искусствоведения. Рукопись. Чебоксары, 2003. 253 с.

³⁴ Данилова И. В. Лекции по истории чувашской музыки. Конец XIX — начало 40-х годов XX века: учебное пособие. Чебоксары: ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2003. 144 с.

³⁵ Бушуева Л. И., Илюхин Ю. А. Композиторы Чувашии: библиографический справочник. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 511 с.

³⁶ Творчества вечно живая основа. Редакционная беседа // Советская музыка. 1985. № 12. С. 40 — 58.

³⁷ У нас много общего // Советская музыка. 1988. № 8. С. 10 — 13.

³⁸ Коров Ю. С. Нестолчными дорогами... // Музыкальная академия. 1998. № 3 — 4. С. 14 — 22.

Статья К. А. Уманского³⁹ появилась после его приезда в Чебоксары на IX съезд Союза композиторов Чувашии (2008). Она интересна прежде всего как оценка столичным специалистом значительных событий местной культурной жизни — премьерных исполнений крупных сценических произведений: оперы «Иван Яковлев» и рок-оперы «Нарспи», а также камерных и симфонических партитур А. Г. Васильева, Т. В. Полковниковой, В. Г. Салиховой, Л. Л. Быренковой. Включив свои наблюдения о Чувашии в обзор других творческих мероприятий, проходивших осенью 2008 г. в Уфе, Петрозаводске, Новосибирске, автор дал возможность читателю почувствовать музыкальную атмосферу этих городов, ощутить нюансы взаимоотношений в творческих союзах. Изложенные своеобразным литературным слогом, эти впечатления от новой музыки, знакомств и встреч представили разнообразную культурную жизнь регионов, транслируя опыт сравнения, несомненно ценный для каждого национального искусства.

Заключение

Сложившаяся картина национального искусства достаточно полная, но далеко не окончательная. Творчество авторов, развитие жанров, мероприятия Союза композиторов Чувашии постоянно придают музыкознанию новые импульсы, побуждая искать нестандартные подходы к осмыслению явлений в масштабе региональном, всероссийском, международном. Непрерывное движение в этом направлении есть тот перспективный путь, по которому следует вперед современное чувашское музыкознание.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бушуева Л. И. Чувашская народная песня в творчестве композиторов: композиторский фольклоризм, фольклорные «волны», жанр обработки. Чебоксары: ЧГИГН, 2021. 304 с.
2. Данилова И. В. Концертный жанр в творчестве А. Асламаса // Вопросы истории чувашского искусства. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1987. С. 27 — 34.
3. Данилова И. В. Оркестровые жанры в творчестве молодых чувашских композиторов // Чувашское искусство. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1997. Вып. III. С. 70 — 89.
4. Данилова И. В. Проблемы национального в чувашской музыкальной культуре конца XIX — начала XX вв. // Ренессанс Поволжья: конец XIX — начало XX вв. — период духовного возрождения народов. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. С. 53 — 60.
5. Данилова И. В. Проявления национального и европейского в хоровой музыке Александра Васильева // Композитор Александр Васильев. Творчество в контексте времени и традиций: сборник статей. Чебоксары: ЧГИГН, 1999. С. 38 — 57.
6. Илюхин Ю. А. Григорий Хирбю. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. 136 с.
7. Илюхин Ю. А. Развитие чувашской советской музыки в 1917 — 1945 годах // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1967. Вып. 35. С. 51 — 85.
8. Илюхин Ю. А. Музыкальная культура Чувашии в 1945 — 1956 гг. // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1969. Вып. 42. С. 104 — 115.
9. Илюхин Ю. А. Развитие чувашской советской музыки в 1957 — 1967 гг. // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1970. Вып. 50. С. 28 — 72.
10. Кондратьев М. Г. Музыкальная жизнь Чувашии в сезон 1973/74 года // Чувашское искусство. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1975. С. 236 — 245. (Труды / ЧНИИ; вып. 57).
11. Кондратьев М. Г. Музыкальная жизнь Чувашии в сезон 1974/75 г. // Чувашское искусство. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1976. С. 115 — 125. (Труды / ЧНИИ; вып. 70).
12. Кондратьев М. Г. Музыкальная жизнь Чувашии в сезон 1975/1976 года // О чувашском искусстве. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1977. С. 123 — 130. (Труды / ЧНИИ; вып. 75).
13. Кондратьев М. Г. О музыкальной культуре Чувашии 1978 — 1987 гг. // Вопросы истории и теории искусств. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1982. С. 25 — 39.
14. Кондратьев М. Г. Проблема национального в музыкальном искусстве Чувашии // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары: ЧГИГН, 1999. С. 189 — 205.

³⁹ Уманский К. Зимние заметки об осенних впечатлениях // Музыкальная академия. 2009. № 1. С. 37 — 39.

15. Кондратьев М. Г. Стилевые поиски в камерно-инструментальном творчестве композиторов Чувашии // Чувашское искусство. Поиски и решения: сборник статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1983. С. 35 — 63.
16. Кондратьев М. Г. Чувашское музыковедение и его задачи // Вопросы мастерства в современном чувашском искусстве. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1981. С. 128 — 144. (Труды / ЧНИИ; вып. 107).
17. Кондратьев М. Г. Композиторы Воробьевы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. 336 с.
18. Кондратьев М. Г. Степан Максимов: Музыкант-просветитель. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2010. 319 с.
19. Кондратьев М. Г. «Гора золотая...» Федор Павлов и его время. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. 399 с.
20. Лукин Ф. М. Чувашская советская музыкальная культура // Записки НИИЯЛИЭ при Совете министров Чувашской АССР. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1950. С. 115 — 148.
21. Осипов А. А. Хоровая музыка А. Васильева // Современность и чувашское искусство. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1984. С. 79 — 100.
22. Ходяшев В. А. Геннадий Воробьев: Краткий очерк жизни и творчества. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968. 59 с.
23. Эрре Т. А. Чувашская опера. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1979. 128 с.
24. Эрре Т. А. Национальная опера в автономных республиках Поволжья и Приуралья. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1988. 123 с.

REFERENCES

1. Bushueva L. I. Chuvash folk song in the works of composers: composer's folklore, folklore «waves», genre of processing. *Cheboksary*;2021:304. (In Russ.)
2. Danilova I. V. Concert genre in the works of A. Aslamas // *Questions of the history of Chuvash art. Cheboksary*;1987:27 — 34. (In Russ.)
3. Danilova I. V. Orchestral genres in the works of young Chuvash composers // *Chuvash art. 1997*;III:70 — 89. (In Russ.)
4. Danilova I. V. Problems of the national in the Chuvash musical culture of the late 19th — early 20th centuries // *Renaissance of the Volga region: late 19th — early 20th centuries — the period of spiritual rebirth of nations. Cheboksary*;2008:53 — 60. (In Russ.)
5. Danilova I. V. Manifestations of national and European in Alexander Vasiliev's choral music // *Composer Alexander Vasiliev. Creativity in the context of time and traditions. Collection of articles. Cheboksary*;1999:38 — 57. (In Russ.)
6. Ilyukhin Yu. A. Grigory Khirby. *Cheboksary*;1985:136. (In Russ.)
7. Ilyukhin Yu. A. The development of Chuvash Soviet music in 1917 — 1945 // *Scientific notes of the CHNII. 1967*;35:51 — 85. (In Russ.)
8. Ilyukhin Yu. A. Musical culture of Chuvashia in 1945 — 1956 // *Scientific notes of the Central Research Institute. 1969*;42:104 — 115. (In Russ.)
9. Ilyukhin Yu. A. The development of Chuvash Soviet music in 1957 — 1967 // *Scientific notes of the Central Research Institute. 1970*; 50:28 — 72. (In Russ.)
10. Kondratiev M. G. Musical life of Chuvashia in the 1973/74 season // *Chuvash art / Proceedings of the CHNII. 1975*;57:236 — 245. (In Russ.)
11. Kondratiev M. G. Musical life of Chuvashia in the 1974/75 season // *Chuvash art / Proceedings of the CHNII. 1976*;70:115 — 125. (In Russ.)
12. Kondratiev M. G. Musical life of Chuvashia in the 1975/1976 season // *On Chuvash art / Proceedings of the CHNII. 1977*;75:123 — 130. (In Russ.)
13. Kondratiev M. G. On the musical culture of Chuvashia in 1978 — 1987 // *Questions of the history and theory of arts. Cheboksary*;1982:25 — 39. (In Russ.)
14. Kondratiev M. G. The problem of the national in the musical art of Chuvashia // *Problems of the national in the development of the Chuvash people. Cheboksary*;1999:189 — 205. (In Russ.)
15. Kondratiev M. G. Stylistic searches in chamber and instrumental works of Chuvash composers // *Chuvash art. Searches and solutions / Collection of articles by CNII. Cheboksary*;1983:35 — 63. (In Russ.)
16. Kondratiev M. G. Chuvash musicology and its tasks // *Issues of mastery in modern Chuvash art / Proceedings of the CHNII. 1981*;107:128 — 144. (In Russ.)
17. Kondratiev M. G. The Vorobyov composers. *Cheboksary*;2006:336. (In Russ.)
18. Kondratiev M. G. Stepan Maksimov: Musician and educator. *Cheboksary*;2010:319. (In Russ.)
19. Kondratiev M. G. “Golden Mountain...” Fyodor Pavlov and his time. *Cheboksary*;2017:399. (In Russ.)
20. Lukin F. M. Chuvash Soviet musical culture // *Notes of the YALIE Research Institute under the Council of Ministers of the Chuvash ASSR. Cheboksary*;1950:115 — 148. (In Russ.)

21. Osipov A. A. Choral music by A. Vasiliev // Modernity and Chuvash art. Cheboksary;1984: 79 — 100. (In Russ.)
22. Khodyashev V. A. Gennady Vorobyov: A brief sketch of life and work. Cheboksary;1968:59. (In Russ.)
23. Erre T. A. The Chuvash Opera. Cheboksary;1979:128. (In Russ.)
24. Erre T. A. National opera in the autonomous republics of the Volga region and the Urals. Cheboksary;1988:123. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.01.2026;
одобрена после рецензирования 02.03.2026; принята к публикации 09.03.2026

Информация об авторе:

Бушуева Любовь Ивановна, старший научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп.1),
кандидат искусствоведения, доцент,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1132-7055>, niclub7@gmail.com

*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

The article was received by the editors on 12.01.2026;
approved after reviewing 02.03.2026; accepted for publication 09.03.2026

Information about the author:

Lyubov I. Bushuyeva, senior researcher, Chuvash State Institute of Humanities
(29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),

Candidate of Arts, associate professor,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1132-7055>, niclub7@gmail.com

*Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.
The author has read and approved the final version of the manuscript.*

Статья редакции 12.01.2026 ситнӗ;
рецензиленӗ хысӗн 02.03.2026 ырланӗ; 09.03.2026 пичете йышӑннӗ

Автор сӑнчен:

Бушуева Любовь Ивановна, Чӑваш патшалӑх гуманитарн
ӑслӑлӑхӗсен институчӗн ӑслӑлӑх аслӑ ёстешӗ
(428015, Раçсей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
искусствоведени кандидачӗ, доцент,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1132-7055>, niclub7@gmail.com

*Пайталӑх конфликчӗ: автор пайталӑх конфликчӗ суккине пӗлтерет.
Автор ал сӑрайӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӗ.*

УДК 792(470.344)"18/19"
ББК 85.333(2Рос.Чув)

Научная статья

ЗАРОЖДЕНИЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА В ЧУВАШСКОМ КРАЕ: ПРЕДЫСТОРИЯ

А. Н. Зарубин

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
a_zarubin85@mail.ru

Аннотация. Принято считать, что чувашский театр возник в 1918 г., однако уже в конце XIX — начале XX в. намечился сложный и многоканальный процесс его постепенного складывания. В искусствоведческой науке этому вопросу не уделялось должного внимания. Автором статьи выявлены новые и систематизированы ранее обнаруженные факты, касающиеся появления различных очагов театральной активности в Чувашском крае в дореволюционное время. На основе архивных документов и материалов периодической печати были прослежены основные направления генезиса провинциального театра в Чувашии, ключевые условия и факторы, повлиявшие на его зарождение. Автор считает, что бурно развивавшиеся со второй половины XIX в. капиталистические отношения способствовали сближению и более тесному общению чувашей с русскими, особенно в городах. На почве этого сближения определенное влияние на становление чувашского театра в рассматриваемый период оказали русский фольклорный, школьные, купеческие, клубные, заводские театры и любительские театральные кружки местных отделений Казанского общества трезвости и попечительств о народной трезвости. Чувашская интеллигенция, в том числе учительская, также приняла участие в этом процессе.

Ключевые слова: театр, Чувашский край, конец XIX — начало XX в.

Для цитирования: Зарубин А. Н. Зарождение театрального искусства в Чувашском крае: предыстория // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 1. С. 107 — 120

© Зарубин А. Н., 2026

Scientific article

THE ORIGIN OF THE ATRICAL ART IN THE CHUVASH REGION: BACKGROUND

A. N. Zarubin

Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
a_zarubin85@mail.ru

Abstract. It is generally accepted that the Chuvash theater emerged in 1918, but a complex and multi-channel process of its gradual development began in the late 19th and early 20th centuries. Art historians have not paid due attention to this issue. The author has identified new facts and systematized previously discovered facts concerning the origin of various theatrical activity centers in the Chuvash region in the late 19th — early 20th centuries, including amateur and other performances. The main directions of the genesis of the provincial theater in Chuvashia as well as the key conditions and factors that influenced its formation have been clarified based on archival documents and materials of the pre-revolutionary period. The author believes that the rapidly developing capitalist relations from the second half of the 19th century facilitated closer ties and interactions between Chuvash and Russians, especially in the cities. As a result of this rapprochement, Russian folk theaters, school theaters, merchant theaters, club theaters, factory theaters, and amateur theater groups from local branches of the Kazan Temperance Society and the Guardianship of National Temperance had a certain influence on

the development of Chuvash theater during this period. The Chuvash intelligentsia, including teachers, also played a role in this process.

Keywords: theatre, Chuvash region, late of 19th — early 20th centuries

For citation: Zarubin A. N. The origin of the atrical art in the Chuvash region: background // Modern humanities. 2026;2(1):107 — 120

Аслăлăх статийи

ЧĂВАШ ЕНРЕ ТЕАТР ЎНЕРĔ ПУЏЛАНСА КАЙНИ: УМИСТОРИ

А. Н. Зарубин

Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхĕсен институтĕ,
Шупашкар хули, Раççей
a_zarubin85@mail.ru

Аннотаци. Чăваш театрĕ 1918 çулта пуçланса кайнă шутланать, анчах та XIX ĕмĕр вĕçĕпе XX ĕмĕр пуçламăшĕнче ун аталанăвĕн палăрăмĕсене кăтартакан кăткăс та нумай енлĕ самантсем палăрма тытăнаççĕ. Ўнер аслăлăхĕнче ку ыйтăва тивĕçлĕ тимлĕх уйăрман. Статья авторĕ чăваш енре революцичен тĕрлĕ çĕрте театрпа сыхăннă палăрăмĕсем сĕнчен калакан унчен паллă пулнă тата çĕнĕрен тупнă фактсене тĕпчесе йĕркеленĕ. Архив докуменчĕсемпе хаçат-журнал материалĕсене тĕпе хурса чăваш енри театр пуçланса кайнине витĕм кўнĕ тĕп факторсене пăхса тухнă. XIX ĕмĕрĕн иккĕмĕш çурринчен вара капитализм аталанни чăваш хресченĕсене вырăссемпе тачăрах хутшăнма май панă, ку пулăм хуласенче уйрăмах палăрнă тет автор. Çак сыхăнăва пула асăннă тапхăрта чăваш театрĕн пуласлăхне витĕм кўнĕ факторсен шутĕнче — шкул, купса, клуб, завод тата вырăс фольклорĕн театрĕсен, Хусанти халăх урăлăхĕшĕн кĕрешекен тĕрлĕ пĕрлĕхсен театр кружокĕсен ёçĕ-хĕлĕ. Ку процесса чăваш интеллигенчĕсем, çав шутра вĕрентекенсем те, хутшăннă.

Тĕп сăмахсем: театр, чăваш ен, XIX ĕмĕр вĕçĕ — XX ĕмĕр пуçламăшĕ

Цитатăлама: Зарубин А. Н. Чăваш енре театр ўнерĕ пуçланса кайни: умистори // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 1 №. С. 107 — 120

Введение

Одной из недостаточно изученных проблем в чувашском искусствоведении является история зарождения театрального искусства в Чувашском крае в дореволюционный период¹. В советской историографии изучением этой проблемы занимались А. И. Иванов-Ехвет и Л. М. Смолянинова [13; 24]. Из современных исследователей ее касались М. Г. Кондратьев, А. В. Изоркин, Ю. В. Гусаров, А. Ю. Гусарова, А. Н. Зарубин и М. В. Ганин [4 — 5; 12 — 13]. Тем не менее статьи, суммирующей всю массу сведений по изучаемому вопросу и создающей целостную картину, до сих пор нет. В предлагаемой работе предприняты попытки обобщения по данной теме.

Материалы и методы

В основе исследования — архивные документы и материалы дореволюционной периодической печати. Преимущественно использовались документы из фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики, Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук, Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанско-

¹ В «Чувашский край» мы включили не только территорию современной Чувашии, но и те места, где чувашаи неоднократно организовывали театральные представления в обозначенный период (г. Симбирск, с. Кошки-Новотимбаево и др.).

го (Приволжского) федерального университета, Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина. При подготовке статьи применялись хронологический и историко-типологический методы. Хронологический метод позволил выявить предпосылки, историческую обусловленность и логику событий. При использовании историко-типологического метода факты и явления были объединены по определенным критериям и характерным признакам в отдельные группы (типы).

Результаты исследования и их обсуждение

Прежде чем рассмотреть процесс зарождения чувашского театрального искусства, необходимо сделать несколько замечаний общего характера. К концу XIX в. чувашская народная культура имела богатые и высокоразвитые формы эстетического освоения действительности: музыкальную, хореографическую, поэтическую, визуальную. Визуальная форма наиболее ярким образом отразилась в чувашской вышивке, глубокое внутреннее содержание которой выявил А. А. Трофимов [27, с. 271 — 319, 355 — 394; 28]. Чувашская народная музыка к концу XIX в., как выяснил М. Г. Кондратьев, имела свою строгую структуру и формы, правила и смыслы [18]. Многие культурно-эстетические потребности чувашского народа в то время все еще удовлетворялись фольклором. У чувашей сложился богатый корпус мифов, сказок, песен, молитвословий, обрядов, причем в чувашской обрядности можно было выделить зрелищные и драматические элементы.

Особенно ярко зрелищные элементы в чувашских обрядах прослеживаются во время празднования *Сурхури*, или Святки. Г. Т. Тимофеев писал, как чувашские дети и подростки, наряженные беременной женщиной, доктором-фельдшером, медведем, ходили из дома в дом с шутками, под пляску и игру гармонии [26, с. 145]. Исследователи упоминают, что ряженые, останавливаясь у домов, разыгрывали сценки юмористического характера, однако недостаточно ясно, какие конкретно сценки разыгрывались [22, с. 69]. Информант из д. Ситчараки Цивильского уезда Казанской губернии сообщал следующую информацию: «В недавнее время, я помню, в день Рождества к вечеру ходила молодежь по дворам, со смехом и криком прыгала в сених до тех пор, пока хозяин не пустит... На Святках и теперь бродят наряжальщики-безобразники. Собираясь, они делают <...> разные угадывания, кому на ком жениться или идти замуж»². А. К. Салмин отмечал, что на *Сурхури* «многие из молодых выходят на улицу, сделав изо льна бороду, лицо мажут сажей» [22, с. 69]. По мнению ученого, ряженые изображали и олицетворяли собой духов умерших, которые посещали дома своих родственников. В литературе и источниках встречается описание ряженя молодых в старика и старуху. Например, у Н. И. Ашмарина находим следующее описание ряженых на Святках: «...пришли двое, наряженных стариком и старухой. Старик — с белой бородой, в мохнатой шапке, в шубе, вывороченной наизнанку; старуха — в каком-то странном костюме, с горбом на спине, сделанным из какого-то свертка, который она подоткнула под одежду. На голову она наvertsела платков, грязных как утиральник (утирка), вокруг пояса привязала старые *сары*, в руках держала палку; чтобы ее речь походила на речь беззубой, она что-то взяла себе в рот. Как только они вошли в избу, они стали плясать, причем выделывали разные (странные) штуки и

² Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 167. Инв. № 4912. Л. 112 — 113.

целовались»³. И. А. Дмитриев писал, что в чувашской традиции изображение пожилых людей (стариков и старух) «через перевоплощение, принятие на себя роли их при помощи ряженья не поощряется» [11, с. 187]. Вероятно, такое отношение к обходчикам домов сложилось позднее. По словам А. К. Салмина, первоначально ряженных из числа молодых людей встречали уважительно, угощали специальной пищей, позволяли дома шуметь и плясать, а позднее чувашаи из числа просвещенных стали не пускать ряженных в дом и разгоняли их группы. По мере распространения христианства среди чувашей ряженья на Святках стало обозначать способ «безобразничать, совершать бесовские поступки, грешить, угождать дьяволу»⁴.

Богато насыщенной зрелищно-игровыми элементами была и чувашская традиционная свадьба, действующие лица которой в нужные моменты в конкретных местах говорили заготовленные слова и разыгрывали действие по определенному сценарию [33].

В театроведении существует точка зрения, что истоки появления театра коренились в детской игре. К примеру, Ф. Ф. Комиссаржевский писал: «Игра актера на сцене напоминает нам игру ребенка. И действительно, как детская игра, так и игра людей, стоящих на уровне так называемой детской непосредственности, — игра, в которой преобладает “фантазирование”, является прообразом актерской игры. И та, и другая вытекают, в общем, из одних и тех же психических мотивов» [16, с. 13]. Важной стороной театрального действия, как известно, является перевоплощение. Чувашские дети, играя в различные народные игры, невольно пользовались перевоплощением, входили в определенную роль, своими действиями, словами и поведением пытались изобразить тот или иной игровой персонаж. Например, в с. Эльбарусово Чебоксарского уезда была зафиксирована игра «стрелокла» (лесной стражник, лесник): ребята отправлялись в лес будто бы рубить деревья (в действительности они вместо этого стучали палками в лесу), а «лесник» отбирал у них «топоры» и «пилы», и лишь отдавая «деньги» они получали свои орудия труда обратно⁵. В чувашской среде дети делали себе кукол из тряпич, соломы, палочек, листьев и разыгрывали с ними сценки⁶. Игра в куклы в «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина названа «камитле», то есть игрой в комедию⁷.

Другим важным явлением, на которое следует обратить внимание, было существование в чувашских деревнях рассказчиков сказок, легенд, преданий, что являлось основанием для появления «театра одного актера». Эта тема в настоящее время еще недостаточно изучена в чувашском театроведении.

Среди ученых существует эволюционистская теория, согласно которой появлению профессионального театра обязательно должен был предшествовать этап фольклорного (народного) театра. Стронник этой теории В. А. Акцорин считал, что народный (фольклорный) театр был у ханты, манси, коми, удмуртов, марийцев, мордвы, южных карел [1]. Некоторые исследователи утверждали, что

³ Ашмарин Н. И. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки = Словарь чувашского языка: в 17 т. [Репринт. изд.]. Чебоксары: Руссика, 2000. Т. 1 — 2. С. 98.

⁴ Там же. Т. 13 — 14. С. 114.

⁵ Там же. Т. 11 — 12. С. 339.

⁶ Егорова О. В. Этнография детства чувашского крестьянства во второй половине XIX — начале XX вв. Обычаи, обряды, традиции: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / ЧГУ им. И. Н. Ульянова. Москва, 2000. С. 185 — 187.

⁷ Ашмарин Н. И. Указ. соч. Т. 6. С. 63.

чуваши не создали фольклорный театр [7, с. 235 — 236; 10, с. 115]. Ряженье, обрядовые действия и народно-праздничные игрища чувашей конца XIX — начала XX в. можно скорее отнести к ступени «предтеатра» [6, с. 16].

Следует немного остановиться на дискуссионном вопросе о тождественности обрядово-ритуальных и театральных действий. Подобное тождество некоторые ученые связывали с наличием зрелищных и драматических элементов в обрядово-ритуальной сфере. Например, В. А. Акцорин выделял у марийцев ритуальные театрализованные представления (постановки), к которым он относил календарные, свадебные, поминальные драматизированные обряды [2, с. 5]. Однако обряд и ритуал изначально не были зрелищами и приобрели подобные формы постепенно, более того, в ряде случаев они и не требовали зрелищных форм или предполагали сокрытие от посторонних глаз (например, в одиночных гаданиях и т. д.), поэтому ставить знак равенства между обрядовыми и театральными действиями представляется сомнительным. Точно так же сомнительно отождествление драмы как рода литературы с обрядовыми формами, то есть некорректно говорить, например, «свадебная драма». В рассматриваемый нами период формирование чувашской драматургии только начиналось.

Справедливо замечание, что «смысл человеческого поведения в составе обряда и на сценической площадке глубоко различен» [31, с. 52]. В традиционной культуре ряд действий, например, в свадебной обрядности, специально выносятся на публику с чисто прагматической целью — чтобы продемонстрировать окружающим людям и духам (будь то *туй турри* или духам предков) совершающийся акт и тем самым осветить или благословить его. Совершение имитации, например, свадебного обряда без реального заключения брачного союза между главными участниками обряда означало бы обманывать духов, что могло повлечь их недовольство. В этом отношении элементы драматического в обрядовых действиях должны были в достаточной степени обособиться, пройти деритуализацию, чтобы стать самостоятельным театральным представлением [20, с. 9]. Следовательно, должна была произойти ломка в традиционной картине мира, потеря осмысления магической составляющей обрядовых действий. Подобное стало возможным в связи с наметившимся в конце XIX в. уменьшением влияния чувашской традиционной веры, вызванным относительно успешной реализацией просветительской системы Н. И. Ильминского, что в конечном счете благоприятствовало усвоению театрального искусства.

Богатые хореографическая и народная песенная традиции, формирующееся исполнительское начало чувашской народной культуры способствовали быстрому восприятию профессионального театрального искусства. Существенна роль внешнего влияния русской культуры в процессе зарождения в чувашской культуре профессионального театрального искусства. Данный процесс был длительным и сложным, в нем было задействовано множество каналов проникновения театральной культуры в чувашскую среду. Исследование генезиса театрального искусства у чувашей сопрягается с более обширной проблемой аккультурации — усвоения чувашами культуры другого народа. Касаясь этой проблемы, заметим, что чувашаи до середины XIX в. в целом жили замкнуто. В 1840 г. А. А. Фукс писала, что чувашаи «не любят прилива посторонних жителей в их селения» [29, с. 51]. Но уже через полтора десятилетия русские писатели и этнографы отмечали, что разбогатевшие чувашаи постепенно перенимали русские порядки. По словам В. А. Сбоева, представители чувашской аристократии «обыкновенно говорят не

только с русскими, но и между собою не иначе, как по-русски» [23, с. 7]. Довольно частыми были браки чувашей с русскими в начале XX в. [17, с. 101]. В случае увеличения подобных межэтнических семей можно с осторожностью предполагать о большей их податливости к усвоению русской культуры.

В конце XIX — начале XX в. увеличились контакты чувашского населения с городом (через отходнический труд, участие в торговле, устройство в качестве рабочих на предприятиях, поступление в городские учебные заведения и т. д.), что снижало замкнутость чувашского мира. В городских условиях чувашаи знакомились с русским народным театральным искусством через ярмарки, в которых они принимали активное участие. До революции во время ярмарок в Ядрине, Цивильске ставились полотняные балаганы, а в Чебоксарах на балаганах разыгрывались народные пьесы «Царь Максимилиан» и «Демон» [24, с. 7 — 8]. По воспоминаниям художника М. С. Спиридонова, на балаганы в Цивильске собирались огромные толпы людей [25, с. 23]. Летом 1901 г. в продолжение всей Цивильской ярмарки театр «Скоморох» Я. И. Мамонова ежедневно давал дневные и вечерние юмористические представления⁸.

Чуваши были знакомы с русской народной скоморошьей культурой. В XVII — XVIII вв. нижегородские скоморохи совершали гастроли в города и селения Чувашского края [8, с. 143; 9, с. 321—322]. Не менее популярными были кукольные балаганы. Еще в 1860-е гг. кукольные комедии в Чебоксарах и в окрестных селах показывал отставной солдат Михайлов⁹. В начале XX в. кукольные балаганы, помимо городов, устраивались на ярмарках и базарах в селах Ковали, Можарки и Хормалы¹⁰. По-видимому, этап присматривания, наблюдения за балаганами к началу XX в. сменился этапом принятия их как допустимой и, возможно, уже любимой формы развлечения. Не думаем, что эта форма народного театра пустила корни в чувашской среде, но, по крайней мере, она была более или менее доступна для чувашских крестьян. Именно поэтому учащиеся Симбирской чувашской учительской школы (СЧУШ) стали использовать ее для показа чувашских антимоноархических любительских представлений в начале XX в. в с. Кошки-Новотимбаево¹¹. Возможно, показанные революционно настроенными учащимися балаганные представления имели фольклорную основу: они могли быть связаны с бытовавшей у самарских чувашей сказкой «Куспăвакан» («Иллюзионист») или, наоборот, могли повлиять на ее появление [31, с. 179 — 184].

По мере увеличения вовлеченности чувашей в торговлю внимание их к ярмарочным балаганам могло расти. Однако эта часть процесса имела и обратную сторону. Популярность балаганов, с одной стороны, способствовала ознакомлению народа с азами театрального искусства, но, с другой стороны, могла сдерживать процесс приобщения к подлинному театральному искусству. Именно поэтому руководитель Чувашского советского передвижного театра Е. Д. Римова сетовала на то, что в первые годы советской власти чувашское население «во многих местах спектакли сводит на балаганную ступень» [21, с. 216].

В конце XIX в. в связи с бурным развитием капиталистических отношений в России постепенно выходил на передний план истории класс предпринимате-

⁸ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 122. Оп. 4. Д. 43. Л. 53.

⁹ Казанские губернские ведомости. 1860. 13 июля.

¹⁰ ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 4. Д. 43. Л. 56 — 56 об.

¹¹ Максимов-Кошкинский И. Таван школ // НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. 545. Л. 11.

лей (капиталисты, буржуазия). Благодаря накопленным капиталам этот класс мог создавать и финансировать театры, книгоиздательство, выпуск газет, журналов, то есть выступать двигателем буржуазной культуры. Через буржуазию чувашаи тоже знакомились с театральным искусством. В первую очередь это осуществлялось через так называемые купеческие театры. Хотя чувашаи не участвовали непосредственно в деятельности этих театров, но могли соприкоснуться с ними. К числу купеческих театров можно отнести театр при Торговом доме К. Н. Попова в Алатыре. Кроме того, буржуазия финансировала клубные театры и участвовала в их спектаклях. Некоторые чувашаи, разбогатевшие и перешедшие в купеческое сословие, могли посещать спектакли в клубных театрах. К примеру, купец Н. П. Ефремов был в числе старейшин Благородного собрания (Дворянского клуба) г. Чебоксары. Купечество входило в состав членов Чебоксарского Общественного собрания, Коммерческого клуба в Алатыре. Репертуар Благородного и Общественного собраний в Чебоксарах был схож: помимо произведений А. Островского игрались пьесы И. Мясницкого, И. Константинова, И. Салова, В. Евдокимова, К. Назарьевой и др.¹² Оценивая значение театра при Общественном собрании г. Чебоксары, подчеркнем, что некоторые его участники (А. В. Танкеевская, З. В. Оржеховская, Е. М. Юровская, сыновья купца Ф. М. Дряблова — Федор и Александр и др.) в начале 1920-х гг. вошли в состав русской труппы Чувашского государственного театра и делились опытом с начинающими чувашскими артистами. Однако в конце XIX — начале XX в. купеческие и клубные театры, скорее всего, представлялись в сознании чувашей как элитные, полузакрытые организации. К примеру, члены Общественного собрания в Алатыре обязаны были вносить ежегодную плату 10 руб., а гости, пожелавшие посетить драматическое представление, обязаны были, помимо покупки билета, заплатить входную плату в размере 30 коп.¹³

Одним из самых важных проводников воздействия театрального искусства на чувашей были школы, школьные театры. И. С. Максимов-Кошкинский вспоминал, как в начале XX в. был поставлен спектакль «Женитьба» Н. Гоголя в двухклассном училище его родного села¹⁴. Поскольку спектакль шел на русском языке, присутствующие чувашские крестьяне ничего не поняли¹⁵. Отдельно стоит сказать про СЧУШ, которая в начале XX в. превратилась в один из центров формирования чувашского литературного языка и драматургии. Летом 1901 г. Г. И. Комиссаров, обучаясь в СЧУШ, начал писать пьесы на чувашском языке¹⁶. Параллельно развивался другой центр чувашской культуры в Казани, где в 1906 г. была написана пьеса М. Ф. Акимова «Ялти пурнаҫ» («Деревенская жизнь»). Г. И. Комиссаров вспоминал, что в 1900/01 учебном году из воспитанников его класса сформировалась группа художественной самодеятельности под руководством Гавриила Коренькова. В спальне СЧУШ члены кружка поставили сцены

¹² Волгин Алексей. Первые шаги нового клуба // Волжский листок. 1908. № 624. 9 марта; Житель. Чебоксары. Смертельные побои. Благотворительный спектакль // Камско-Волжская речь. 1911. № 225. 13 октября; Чебоксары. Спектакли в Общественном собрании // Камско-Волжская речь. 1912. № 250. 9 ноября. С. 5; Чебоксары. Святочные увеселения // Камско-Волжская речь. 1913. № 12. 15 января. С. 3. См. также: Государственный центральный театральный музей имени А. А. Бахрушина (ГЦТМ). КП 310370/318/28, КП 310370/318/29.

¹³ Устав Алатырского общественного собрания. Казань, 1875. С. 5, 6.

¹⁴ Максимов-Кошкинский И. Та́ван шу́л. . . Л. 10.

¹⁵ Там же.

¹⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 491. Л. 530.

из пьесы Д. Фонвизина «Недоросль»¹⁷. С разрешения И. Я. Яковлева ставились сцены из пьес А. Пушкина, Н. Гоголя, И. Тургенева, А. Островского и др. [14, с. 130]. Кроме того, в СЧУШ в 1913 г. были поставлены отрывки из оперы «Жизнь за царя» М. Глинки. Как известно, И. Я. Яковлев поощрял посещение Симбирского театра учащимися СЧУШ. Хотя есть точка зрения, основанная на петиции учащихся СЧУШ, поданной в педагогический совет школы в 1905 г., что учащиеся не имели права свободного посещения театров¹⁸.

И. С. Максимов-Кошкинский был ярким примером интеграции чувашей в русскую среду и в русский театр. Уже в первый год пребывания в Казанской художественной школе он записался в драмкружок добровольного пожарного общества в Суконной слободе Казани. В годы учебы в указанной школе (1913 — 1917) он пришел к идее о создании чувашского театра. По словам К. М. Васильева, появлению такой мысли у него способствовали «исключительная любовь к театру, непосредственное знакомство с повседневной жизнью настоящего театра, постоянная работа над собой по выработке актерского мастерства, а также работа в последний год в труппе Нового театра (Казани. — А. З.) на вторых ролях, а в особенности контакты, советы и беседы с видными деятелями русского театра» [3, с. 244]. Иоаким Степанович всячески пытался привить своим односельчанам любовь к театру. Участь в Казанской художественной школе, он устраивал в родном селе литературные вечера, где читал монологи Чацкого, Гамлета, монологи Незнамова из пьесы «Без вины виноватые» и диалоги Несчастливцева и Счастливцева из «Леса» А. Островского¹⁹.

Одним из центров формирования чувашской учительской интеллигенции была Казанская учительская семинария, где учащиеся тоже ставили русские любительские спектакли по пьесам А. Островского, К. Лукашевич, Н. Глазунова²⁰. Чувашские выпускники этого учебного заведения увлекались театром²¹. Они тоже всячески старались привить в сельских школах театральное искусство.

В 1903 г. в Бичуринском 2-классном училище по инициативе учителей состоялся спектакль «Недоросль» Д. Фонвизина. В заметке об этом в газете «Волжский вестник» писали, что «в особенности здесь удалась женская роль, которую провела недурно одна из девушек-учениц, чувашка»²². Хотелось бы подчеркнуть, что на спектакль съехались местные чувашские крестьяне, что свидетельствует об увеличивающемся их интересе к театру.

Революция 1905 г. подогрела желание чувашской интеллигенции донести театральное искусство до крестьян на своем родном языке. Иван и Дмитрий Кадыковы показали в д. Большое Шахчурино Чебоксарского уезда в 1905 г. сочиненную ими пьесу «Эрешмен» («Паук»). За показ этой пьесы, где обличались зажиточные

¹⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 491. Л. 500.

¹⁸ Егоров В. Не залить бы приторным елеем образ И. Яковлева // Чăваш Ен. 1998. № 16 (370). 25 апреля — 2 мая. С. 7.

¹⁹ Максимов-Кошкинский И. 82 дня 18 года (отрывки из воспоминаний) // НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. 546.

²⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 186. Л. 101, 103, 107, 111.

²¹ Образование и христианское просвещение чувашей Волго-Уралья во второй половине XIX — начале XX века: документы и материалы из фондов Н. И. Ильминского и Казанской учительской семинарии / сост. Г. А. Николаев и Р. Р. Исаков. Чебоксары: ЧГИГН; Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2023. С. 396.

²² С. Бичурино Чебоксарск. у. (Школьный праздник и его неожиданные гости) // Волжский вестник. 1903. 6 (19) марта. См. также: ГИА ЧР. Ф. 215. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.

крестьяне (кулаки), Дмитрия Кадыкова посадили в Цивильскую тюрьму²³. Выше мы говорили про антимонархические представления в с. Кошки-Новотимбаево. Просмотр подобных постановок мог сформировать у чувашских крестьян мнение, что театр — это место, где поднимается и обсуждается политическая обстановка в стране. Мнение о театре как политической трибуне могло исказить представление о его подлинном художественном назначении. После революции попытки поставить русские пьесы на чувашском языке («На дне» М. Горького, «Власть тьмы» Л. Толстого, «Савва» Л. Андреева) в сельской местности пресекались, а учителя Чистопольского уезда Казанской губернии и Буинского уезда Симбирской губернии, поставившие спектакли на чувашском языке, были вскоре после этого уволены по обвинению в «неблаговидных поступках»²⁴. Как писал М. Г. Кондратьев, тема развития национальной культуры отдельных народов России была «запретной для обсуждения» до революции 1917 г. [18, с. 200]. Ставить спектакли на чувашском языке было с точки зрения царского правительства нежелательным делом, так как оно видело в этом угрозу распространения сепаратистских идей.

В конце 1909 и в начале 1910 г. на рождественские каникулы в здании Акулевского двухклассного училища его преподаватели с участием учащихся и «местной русской молодежи» поставили пьесы И. Пивоварского и И. Лисенко-Коныча²⁵. Одним из редких случаев, когда начальство разрешило ставить спектакль на чувашском языке, стала в 1915 г. инсценировка из поэмы «Нарспи» К. Иванова в с. Кайраклы Белебеевского уезда Уфимской губернии²⁶.

Интерес к театру у чувашского населения мог повышаться по мере роста среди него просвещения. В 1916 г. в газетах отмечалось «увеличивающееся за последнее время сильное стремление к учению» у чувашей Цивильского уезда: «Вследствие чрезмерного притока желающих обучаться во всех почти отделениях начальных училищ заметно переполнение»²⁷. В начале Первой мировой войны из-за мобилизации части учительской интеллигенции театральная активность на некоторое время упала, но затем в 1916 г. снова начала расти. 8 июля 1916 г. в с. Тобурданово прошел благотворительный спектакль с участием учениц Юматовской и Тобурдановской женских школ. Устроителями спектакля были местные крестьяне: лесопромышленник Николай Федорович Шоркин и старший мастер земства по глиносоломенным крышам Григорий Капитонович Скирдов²⁸. Этот факт свидетельствует, что спектакли могли организовываться не только по инициативе интеллигенции, но и крестьян. В 1916 г. прошли спектакли с исполнением пьес А. Островского и А. Чехова в Шибылгинском земском училище, Яншихово-Норвашском двухклассном училище²⁹. Устраивались учебные спектакли и в Чебоксарах, Ядрине, Цивильске³⁰. Увидев в спектакле «Золушка» в Чебоксарской женской гимназии игру учительницы истории и педагогики Елены Михайловны Юровской, гимназистка Ольга Шестипалова (в будущем —

²³ Кузьмин В. Пламенный революционер. Его именем названа улица в Чебоксарах // Советская Чувашия. 1964. № 29. 4 февраля. С. 3.

²⁴ Петров Д. Чувашское театральное искусство за 17 лет // Революция и национальности. 1934. № 11. С. 91.

²⁵ ГИА ЧР. Ф. 215. Оп. 1. Д. 104. Л. 126, 127, 127 об.

²⁶ Петров Д. Указ. соч. С. 91.

²⁷ Цивильск. Среди чуваш // Камско-Волжская речь. 1916. № 49. 3 марта.

²⁸ ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 4. Д. 446. Л. 73.

²⁹ Там же. Л. 23, 45.

³⁰ Там же. Л. 11, 14; Ф. 220. Оп. 1. Д. 19. Л. 1; Ф. 220. Оп. 1. Д. 42. Л. 1, 15.

заслуженная артистка РСФСР Ольга Ырзем) решила связать свою жизнь с театром³¹.

Следующим каналом проникновения театральной культуры в чувашскую среду были различные общественные и государственные организации, в первую очередь местные отделения Казанского общества трезвости (КОТ). На средства КОТ в помещении Акулевского волостного правления в 1897 и 1898 гг. учителями и грамотными крестьянами были показаны пьесы Н. Полушина и И. Лисенко-Конюча³². Посмотреть спектакли приезжали даже из соседних уездов — Ядринского и Цивильского. Общество трезвости в Шихранах 2 января 1903 г. поставило пьесы Н. Куликова, В. Крылова³³. В 1914 г. в здании пожарного обоза Шихран были сыграны пьесы А. Островского и Р. Чинарова. К участию в спектаклях привлекались служащие почтово-телеграфной конторы, начальник станции, учащаяся молодежь, представители местной торговой среды³⁴. Сильное впечатление, которое зрители выносили от просмотра постановок, не могло не вызвать желания сделать нечто подобное и в своем населенном пункте. В с. Козловке, г. Мариинском Посаде, с. Порецком и других населенных пунктах Чувашского края были созданы кружки любителей театрального искусства³⁵. Возможно, что под впечатлением от спектаклей местных отделений КОТ и школьных театров в конце XIX в. у крестьян сел Большой Сундырь, Анат-Киняры, Ишлей-Покровское, Хыркасы, Ишаки сформировалась потребность в театре: они представили местному начальству заявку на устройство театров, найдя для них соответствующие помещения, но получили отказ [19, с. 524]. Почему подобные культурные запросы наблюдались преимущественно в чувашских селах Козьмодемьянского уезда? Вероятно, это связано с близостью их к трем центрам, где развивалось театральное искусство: Козьмодемьянск, Ядрин, Чебоксары.

В рамках государственной кампании по борьбе с пьянством по всей стране создавались постоянные сцены и театральные площадки при попечительствах о народной трезвости (ПНТ), состоявшие в ведении Министерства финансов. В официальных разъяснениях министра финансов к 4 статье «Устава попечительств о народной трезвости», утвержденного 20 декабря 1894 г., говорилось, что театры «могут <...> служить и средством для нравственного воздействия на народные массы»³⁶. По мнению Г. А. Хайченко, театры при ПНТ «должны были отвлекать не столько от пьянства, сколько от политики» [30, с. 5]. Постоянные сцены при ПНТ были созданы в г. Ядрине, с. Норусово (ныне Калинино), г. Цивильске, с. Шихазанах³⁷. С 1902 г. Чебоксарский уездный комитет ПНТ показывал

³¹ НА ЧГИГН. Отд. VI. Ед. хр. 293. Инв. № 974.

³² ГЦТМ. КП 310370/238/1, КП 310370/238/2.

³³ Волжский вестник. 1903. № 11. 15 (28) января.

³⁴ Шихраны. Любительский спектакль // Камско-Волжская речь. 1914. № 157. 17 июля. С. 5.

³⁵ Мариинский Посад (Казан. губ.) // Волжский вестник. 1884. 27 (9 декабря) ноября; Мариинский Посад. (Дважды не состоявшийся спектакль) // Волжский вестник. 1892. № 10. 11 (23) января. С. 3; Волжский вестник. 1890. № 9. 11 (23) января; С. Козловка Чебоксарского уезда // Волжский вестник. 1892. № 196. 5 (17) августа; Козловка, Чебоксарского уезда (Некрасовский вечер-спектакль) // Волжский вестник. 1902. 6 (19) декабря; ГЦТМ. КП 310370/285/27.

³⁶ Устав попечительств о народной трезвости, высочайше утвержденный 20 декабря 1894 г.: со всеми последовавшими по 7 июня 1902 г. дополнительными узаконениями и с расположенными поштатейно тезисами циркулярных разъяснений министра финансов и Главного управления неокладных сборов, а также с приложением разъяснений и главнейших узаконений в полном тексте. Вильна: Тип. И. Блюмовича, 1902. С. 13.

³⁷ ГИА ЧР. Ф. 302. Оп. 1. Д. 1. Л. 99.

спектакли в здании верхнего этажа Благородного собрания г. Чебоксары, который стал называться Народным домом [12, с. 140].

Степень влияния театров при ПНТ на чувашей была небольшой, поскольку их деятельность сосредотачивалась исключительно в городах и особо крупных заводских и торговых поселениях. При этом чайные-читальни при ПНТ не ставили задачу налаживать контакт с чувашским населением. Так, в одном из отчетов Цивильского уездного комитета ПНТ говорилось, что в чайных в Ковалях, Хормалах, Шихазанах не проводились народные чтения, потому что «в районе той местности нет среди интеллигенции лиц, знающих инородческий чувашский или татарский языки»³⁸.

Следующим каналом проникновения в чувашскую культуру театрального искусства были так называемые заводские театры. К их числу можно отнести театр Таланцевых в д. Янибяково Ядринского уезда, театр при Алатырских железнодорожных мастерских (ЖДМ)³⁹. В 1903 — 1904 гг. в здании ЖДМ для железнодорожных служащих были сыграны пьесы С. Рассохина, М. Стаховича, В. Хвостова (В. Билибина), И. Мясницкого, Н. Николаева, Н. Тимковского⁴⁰. В 1905 — 1906 гг. репертуар ЖДМ состоял из пьес А. Островского, Н. Соловьева, В. Крылова⁴¹. Фабричный театр был устроен и на Урмарской мебельной фабрике. Под руководством режиссера Плотникова чувашские рабочие в 1913 — 1915 гг. участвовали в спектаклях этого театра вместе с поляками, немцами, чехами [13, с. 284]⁴².

Заключение

Под влиянием русского фольклорного, купеческих, клубных, заводских театров, а также любительских театров местных отделений КОТ и ПНТ чувашский народ медленно, но неуклонно осваивал театральное искусство.

Набиравшие все бóльшие темпы капиталистические отношения, увеличившие связи деревни с городом, рост влияния школ, где сельские учителя продвигали театр как новое для чувашей явление культуры, еще более ускорили этот процесс. Судя по отзывам организаторов спектаклей в Акулевской школе, учителям было сложно решать вопросы, связанные с репертуаром и сценическим воплощением пьес (декорационным оформлением, костюмами и реквизитом, организацией репетиций и др.). Без четкой государственной культурной политики и достаточной финансовой подпитки как школьные, так и другие театральные кружки быстро затухали, но попытки постановок, которые предпринимали учителя в народных училищах, могли заронить у зрителей любовь к театру. По сообщениям о массовых приездах на спектакли крестьян можно судить о том, что у чувашского народа в некоторых местах его проживания сформировался культурный запрос на театральные постановки, но из-за дороговизны билетов (от 40 коп. до 1,5 или 2 руб.) посещение их в городах, где спектакли в основном шли на русском языке, становилось для чувашей проблематичным. Добиться перелома в этом процессе можно было на базе родного языка — чувашских постановок и создания общедоступного театра. Нужны были люди, которые бы

³⁸ ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 4. Д. 21. Л. 154.

³⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 491. Инв. № 4842 — 4843. Л. 859; Отд. VIII. Ед. хр. 246. Инв. № 1848. Л. 3.

⁴⁰ ГЦТМ. КП 310370/285/126, КП 310370/285/127, КП 310370/285/129, КП 310370/285/132, КП 310370/285/137, КП 310370/285/145.

⁴¹ ГЦТМ. КП 310370/285/134, КП 310370/285/136.

⁴² Ст. Урмары (М.-К. ж. д.). Спектакль // Камско-Волжская речь. 1913. № 29. 8 февраля. С. 3.

возглавили обозначившийся в начале XX в. новый вектор развития в области чувашского профессионального театрального искусства. Такими людьми стали И. С. Максимов-Кошкинский и его единомышленники.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аккорин В. А. К вопросу об истории народного театра поволжских и приуральских финно-угорских народов // Вопросы финно-угроведения. 1970. Вып. 5. С. 183 — 191.
2. Аккорин В. А. Марийская народная драма. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1976. 200 с.
3. Васильев К. М. Воспоминания // Явление театра народу: сборник статей и материалов: к 100-летию Чувашского государственного академического драматического театра им. К. В. Иванова / сост. и науч. ред. М. Г. Кондратьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. С. 236 — 275.
4. Гусаров Ю. В. Общественно-политическая жизнь Чебоксар в годы Первой российской революции // Чувашский гуманитарный вестник. 2017. № 12. С. 34 — 65.
5. Гусарова А. Ю. Школьный театр в г. Чебоксары во второй половине XIX — начале XX века // Чебоксары: история, этнография, культура: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 30 мая 2019 г.) / отв. ред. Ю. В. Гусаров. Чебоксары: ЧГИГН, 2019. С. 130 — 135.
6. Гусев В. Е. Фольклорно-драматическое творчество восточнославянских народов // Фольклорный театр народов СССР. Москва: Наука, 1985. С. 16 — 51.
7. Данилов Д. Молодость театра: (первые этапы истории Чувашского драматического театра им. К. В. Иванова) // Дружба. 1984. № 1 (46). С. 234 — 273.
8. Дмитриев В. Д. Чебоксары. Очерки истории города конца XIII — XVII веков. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. 177 с.
9. Дмитриев В. Д., Селиванова С. А. Чебоксары: Очерк истории города XVIII века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. 445 с.
10. Дмитриев И. А. К истории взаимосвязей народного обрядового и театрального профессионального искусств // Чувашское искусство. Вопросы теории и истории. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. Вып. 2. С. 113 — 161.
11. Дмитриев И. А. Этнотеатральные формы в чувашском обряде. Чебоксары: ЧГИГН, 1998. 280 с.
12. Зарубин А. Н., Ганин М. В. Любительский театр в Чебоксарах в 1894 — 1907 гг.: становление и развитие // Чувашский национальный музей: люди, события, факты. 2024. № 19. С. 135 — 146.
13. Иванов-Ехвет А. И. Музы ищут приют. К истории дореволюционных русско-чувашских культурных взаимосвязей в области музыки, театра. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. 350 с.
14. Из «Воспоминаний об Иване Яковлевиче Яковлеве» Г. И. Комиссарова // И. Я. Яковлев и проблемы яковлеведения: сборник статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. С. 127 — 137.
15. Изоркин А. В. Ядрин: Исторический очерк. Чебоксары: Калем, 2003. 232 с.
16. Комиссаржевский Ф. Ф. Творчество актера и теория Станиславского. Петербург: Свободное искусство, [1916]. 120 с.
17. Чуваши Казанского Заволжья // Известия ОАИЭ. Т. XXVII. Вып. 5. Казань: Типолит. Императ. ун-та, 1911. С. 311 — 432.
18. Кондратьев М. Г. Чувашская музыка: От мифологических времен до становления современного профессионализма. Москва: Per Se, 2007. 287 с.
19. Кузнецов И. Д. Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1963. 583 с.
20. Неклюдов С. Ю. Фольклор современного города // Современный городской фольклор. Москва: РГГУ, 2003. С. 5 — 24.
21. Римова Е. Д. О Чувашском советском передвижном театре внешкольного подотдела Чебоксарского уездного отдела народного образования со дня организации 15 декабря 1919 г. по 10 июня 1920 г. // Явление театра народу: сборник статей и материалов: к 100-летию Чувашского государственного академического драматического театра им. К. В. Иванова / сост. и науч. ред. М. Г. Кондратьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. С. 213 — 217.
22. Салмин А. К. Праздники, обряды и верования чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. 687 с.
23. Сбоев В. А. Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань: Изд-е Дубровина, 1856. 188 с.
24. Смолянинова Л. М. Русский театр в Чувашии в 1917 — 1920 годах // Чувашское искусство: сборник статей. Чебоксары: [б. и.], 1971. Вып. 1. С. 3 — 40.

25. Спиридонов М. С. Крылья памяти: Воспоминания художника. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. 207 с.
26. Тимофеев Г. Т. Тăхăрьял: Этнографи тёрленчĕкĕсем. Халăх сáмахлăхĕ. Ырса пынисем. Ырусемпе асаилăсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2002. 431 с.
27. Трофимов А. А. Искусство: избранные труды / ред.-сост., авт. введ. ст. и коммент. В. А. Прохорова. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. 601 с.
28. Трофимов А. А. Орнамент чувашской народной вышивки. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1977. 112 с.
29. Фукс А. А. Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Тип. Казан. императ. ун-та, 1840. 329 с.
30. Хайченко Г. А. Русский народный театр конца XIX — начала XX в. Москва: Наука, 1975. 367 с.
31. Хализев В. Е. Драма как род литературы (поэтика, генезис, функционирование). Москва: Изд-во МГУ, 1986. 260 с.
32. Чăваш фольклорĕ / сост. И. С. Тукташ. Шупашкар: Чăвашгосиздат, 1941. 214 с.
33. Юмарт Г. Ф. Чувашская эпическая поэзия // Чувашская народная поэзия. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1990. С. 110 — 123.

REFERENCES

1. Aktsorin V. A. The history of the folk theatre of the Volga and Ural finno-ugric peoples // *Issues of finno-ugric studies*. Yoshkar-Ola;1970;5:183 — 191. (In Russ.)
2. Aktsorin V. A. Mari folk drama. Yoshkar-Ola;1976:200. (In Russ.)
3. Vasiliev K. M. Memoirs // The phenomenon of theater to the people: a collection of articles and materials: for the 100th anniversary of the Chuvash state academic drama theater named after. K. V. Ivanova / comp. and scientific editor M. G. Kondratiev. Cheboksary;2018:236 — 275. (In Russ.)
4. Gusarov Y. V. Socio-political life of Cheboksary during the First Russian Revolution // *Chuvash Humanitarian Vestnik*. 2017;12:34 — 65. (In Russ.)
5. Gusarova A. Y. School theater in Cheboksary in the second half of 19th — early 20th centuries // *Cheboksary: history, ethnography, culture: materials of the All-Russian scientific and practical conference (Cheboksary, May 30, 2019) / ed. Y. V. Gusarov*. Cheboksary;2019:130 — 135. (In Russ.)
6. Gusev V. E. Folklore and dramatic creativity of the east slavic peoples // *Folklore theater of the peoples of the USSR*. Moscow;1985:16 — 51. (In Russ.)
7. Danilov D. The youth of the theatre: (the first stages of the history of the Chuvash drama theatre named after K. V. Ivanov) // *Druzhba*. 1984;1(46):234 — 273. (In Russ.)
8. Dimitriev V. D. Cheboksary. The essays on the history of the town from the end of the 13th to 17th centuries. Cheboksary;2003:177. (In Russ.)
9. Dimitriev V. D., Selivanova S. A. Cheboksary: The essay on the history of the town of the 18th century. Cheboksary;2011:445. (In Russ.)
10. Dimitriev I. A. The history of the relationship between folk ritual and theatrical professional arts // *Chuvash art. Questions of theory and history*. Cheboksary;1996:2:113 — 161. (In Russ.)
11. Dimitriev I. A. Ethnotheatrical forms in the Chuvash rite. Cheboksary;1998:280. (In Russ.)
12. Zarubin A. N., Ganin M. V. Amateur theater in Cheboksary in 1894 — 1907: formation and development // *Chuvash national museum: people, events, facts*. 2024;19:135 — 146. (In Russ.)
13. Ivanov-Ekhvet A. I. The Muses seek shelter. The History of prerevolutionary Russian-Chuvash cultural relations in music and theater. Cheboksary;1987:350. (In Russ.)
14. From “Memoirs of Ivan Yakovlevich Yakovlev” by G. I. Komissarov // I. Ya. Yakovlev and problems of Yakovlev studies: the collection of articles. Cheboksary;2001:127 — 137. (In Russ.)
15. Izorkin A. V. Yadrin: A historical sketch. Cheboksary;2003:232. (In Russ.)
16. Komissarzhevsky F. F. The Actor’s creativity and Stanislavsky’s theory. Peterburg;[1916]:120. (In Russ.)
17. Chuvash of the Kazan Trans-Volga Region // *News of the OAIE*. XXVII (5). Kazan;1911:311 — 432. (In Russ.)
18. Kondratiev M. G. Chuvash music: From mythological times to the formation of modern professionalism. Moscow;2007:287. (In Russ.)
19. Kuznetsov I. D. The Chuvash peasantry in the period of capitalism. Cheboksary;1963:583. (In Russ.)
20. Neklyudov S. Y. Folklore of the modern city // *Modern urban folklore*. Moscow;2003:5 — 24. (In Russ.)
21. Rimova E. D. About the chuvash soviet traveling theater of the extracurricular subdepartment of the Cheboksary district department of public education from the day of its organization on December 15,

1919 to June 10, 1920 // The appearance of theater to the people: a collection of articles and materials: for the 100th anniversary of the Chuvash state academic drama theater named after K. V. Ivanov / compiled and scientific editor M. G. Kondratyev. Cheboksary;2018:213 — 217. (In Russ.)

22. Salmin A. K. Holidays, rituals and beliefs of the Chuvash people. Cheboksary;2016:687. (In Russ.)

23. Sboev V. A. Research on the foreigners of the Kazan province. Kazan;1856:188. (In Russ.)

24. Smolyaninova L. M. Russian theater in Chuvashia in 1917 — 1920 // Chuvash art: the collection of articles. Cheboksary;1971:1:3 — 40. (In Russ.)

25. Spiridonov M. S. Wings of memory: memories of an artist. Cheboksary;1990:207 p. (In Russ.)

26. Timofeev G. T. Nine villages: ethnographic sketchbooks. Folklore. Notes. Letters and Memoirs. Shupashkar;2002:431. (In Chuvash)

27. Trofimov A. A. Ornament of Chuvash folk embroidery. Cheboksary;1977:112. (In Russ.)

28. Trofimov A. A. The art: selected works / ed. and compiler, author of introduction and commentary V. A. Prokhorov. Cheboksary;2005:601. (In Russ.)

29. Fuks A. A. Notes of Alexandra Fuks about the Chuvash and Cheremis of the Kazan province. Kazan;1840:329. (In Russ.)

30. Khaichenko G. A. Russian folk theater of the late 19th — early 20th centuries. Moscow;1975:367. (In Russ.)

31. Khalizev V. E. Drama as a kind of literature (poetics, genesis, functioning). Moscow;1986:260. (In Russ.)

32. Chuvash folklore / Comp. I. S. Tuktash. Shupashkar;1941:214. (In Chuvash)

33. Yumart G. F. Chuvash epic poetry // Chuvash folk poetry. Cheboksary;1990:110 — 123. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.01.2026;
одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 02.03.2026

Информация об авторе:

Зарубин Андрей Николаевич, научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),
кандидат исторических наук,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-9086-8186>, a_zarubin85@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 12.01.2026;
approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 02.03.2026

Information about the author:

Andrey N. Zarubin, researcher, Chuvash State Institute of Humanities
(29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),
Candidate of Historical Sciences,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-9086-8186>, a_zarubin85@mail.ru

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 12.01.2026 ситнӗ;
рецензиленӗ хысӗн 16.02.2026 ырланӗ; 02.03.2026 пичете йышӑннӗ

Автор сӑнчен:

Зарубин Андрей Николаевич, Чӑваш патшалӑх гуманитарн
ӑслӑлӑхӗсен институчӗн ӑслӑлӑх ӗстешӗ
(428015, Раçсей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
истори ӑслӑлӑхӗсен кандидачӗ

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-9086-8186>, a_zarubin85@mail.ru

Пайталӑх конфликчӗ: автор пайталӑх конфликчӗ суккинне пӗлтерет.

Автор ал сӑрайӑн юлашки вариантне вуласа тухнӗ, ырланӗ.

УДК 7 5527
ББК 85.143(2Рос.Чув)

Научная статья

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ЖИВОПИСИ ЧУВАШСКИХ ХУДОЖНИКОВ 1970 — 1990-Х ГОДОВ

А. И. Мордвинова

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
г. Чебоксары, Россия
amordvinova@yandex.ru

Аннотация. Современное искусствоведение закономерно обратилось к художественному наследию прошедшего XX в., имея возможность более объективно оценить его в свете новых критериев и знаний. Ретроспекция событий и имен, достижений и утрат позволяет увидеть не только динамику его развития, но и причины явных и неявных изменений, происходивших в искусстве, глубокую связь с процессами социально-политического характера и ростом интереса к национальной культуре. Анализ стилистики живописных произведений во многом объясняет логику развития основных направлений искусства 1970 — 1990-х гг. — периода кардинальных перемен в жизни страны. Задачей настоящей статьи стало рассмотрение содержания и формы вкупе с выразительными средствами как целых направлений, так и произведений отдельных, наиболее ярких живописцев Чувашии последней трети XX в.

Ключевые слова: чувашское искусство, живопись, художественные направления, стилистика

Для цитирования: Мордвинова А. И. Стилистический аспект в живописи чувашских художников 1970 — 1990-х годов // Современная гуманитаристика. 2026. Т. 2. № 1. С. 121 — 137

© Мордвинова А. И., 2026

Scientific article

STYLISTIC ASPECT IN THE PAINTING OF CHUVASH ARTISTS OF THE 1970S — 1990S

A. I. Mordvinova

Chuvash State Institute of Humanities,
Cheboksary, Russia
amordvinova@yandex.ru

Abstract. Modern art criticism has naturally turned to the artistic heritage of the past 20th century, being able to evaluate it more objectively in the light of new criteria and knowledge. A retrospection of events and names, achievements and losses allows us to see not only the dynamics of its development, but also the reasons for the explicit and implicit changes that took place in art, a deep connection with socio-political processes and the growing interest in national culture. The analysis of the stylistics of paintings largely explains the logic of the development of the main art trends of the 1970s — 1990s — a period of drastic changes in the life of the country. The purpose of this article is to consider the content and form, together with the expressive means of both entire trends and the works of individual, most prominent painters of Chuvashia in the last third of the 20th century.

Keywords: chuvash art, painting, artistic trends, stylistics

For citation: Mordvinova A. I. Stylistic aspect in the painting of Chuvash artists of the 1970s — 1990s // Modern humanities. 2026;2(1):121 — 137

Аслăлăх статийи

ЧĂВАШ ӲНЕРҪИСЕН 1970 — 1990-МӲШ ҪӮЛӲСЕНЧИ ЖИВОПИҪӲН СТИЛЬ АСПЕКЧӲ

А. И. Мордвинова

Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхӲсен институтӲ,
Шупашкар хули, Раçсей
amordvinova@yandex.ru

Аннотаци. Хальхи Ӳнер пӲлӲвӲ ХХ ӲмӲрти Ӳнер еткерлӲхне те тимлӲх уйӲрать; ҫакӲ, паллах, Ӳна паянхи пӲлӲсен шайӲнче ҫӲнӲ критерисемпе объективлӲрах хаклама май пур-рипе ҫыхӲнӲ. ПулӲмсемпе ятсене, ҫитӲнӲсемпе ҫухатусене тепӲр хут тишкерни уӲн аталанӲвӲн ҫул-йӲрне кӲна мар, Ӳнерти улшӲнусен куҫ кӲрет тата вӲрттӲн сӲлтавӲсене, вӲл социаллӲ пурнӲҫпа политика процесӲсемпе епле ҫыхӲннине тата наци культурипе кӲсӲкланаси Ӳссе пынине те курма май парать. СӲрӲпа ӲкернӲ хайлавсен стильне тишкерни 1970 — 1990-мӲш ҫҫ. — ҫӲршыв пурнӲҫӲнчи питӲ пысӲк улшӲнусен тапхӲрӲнчи — ӲнерӲн тӲп юхӲмӲсен аталанӲвӲнчи уйрӲмлӲхӲсене Ӳнланма пулӲшатӲ. СтатийӲн тӲллевӲ — ХХ ӲмӲрӲн юлашки вӲтӲр ҫулӲнче Чăваш Енри Ӳнер юхӲмӲсенче пӲтӲмӲшле тата чи паллӲ ӲкерӲҫӲсен уйрӲм хайлавӲсенче сӲрӲ ӲнерӲн шалашӲпе (содержанийӲпе) тулашӲн (формин) шайлӲшӲвӲ тата илемлӲх мелӲсем мӲнле палӲрнине тӲпчесси.

ТӲп сӲмахсем: чăваш Ӳнер пӲлӲвӲ, живопись, илемлӲх юхӲмӲсем, стилистика

ЦитатӲлама: Мордвинова А. И. Чăваш Ӳнерҫисен 1970 — 1990-мӲш ҫӮлӲсенчи живопиҪӲн стиль аспекчӲ // Хальхи гуманитаристика. 2026. 2 т. 1 №. С. 121 — 137

Введение

Искусство 1970 — 1990-х гг. вслед за изменениями идейного и художественного перестроечного пространства в стране стало отличаться разнообразием направлений и рождением новых художественных форм. Включив в себя последний этап соцреализма, живопись чувашских мастеров последовательно пережила все стадии «сурового стиля» и отозвалась на вызовы постмодернизма. Отказывая всему искусству ХХ в. в создании «большого» стиля, называя его «внестилевым», современное искусствоведение рассматривает лишь стилистическую трансформацию художественной формы в произведениях того или иного направления.

Об относительной стилистической целостности искусства прошлого столетия можно говорить касательно периода, начиная с 1932 г. — времени образования единых творческих союзов, и до оттепели конца 1950-х гг. События следующего десятилетия открыли официальный путь для художников «сурового стиля», обновившего пространство советского, в том числе и чувашского искусства. Далее культурно-историческая ситуация стала крайне сложной: широкое обращение художников к наследию русского авангарда вызвало к жизни целую волну подражаний и заимствований. В творчестве одних они явились болезненным рефлексом на духовный кризис последнего периода советской истории, у других — формальной репликой известных стилистических приемов.

Материалы и методы

Характер изобразительного искусства каждой эпохи наиболее полно и ярко традиционно представляет живопись. Наследие этого вида искусства, созданного чувашскими мастерами в 1970 — 1990-х гг., — богатый материал, дающий возможность осмысления эволюционного пути изобразительного искусства республики и решения проблемы его систематизации, своеобразия и степени вовлеченности в общероссийский контекст. Необходимым материалом стали и

публикации российских авторов об искусстве постсоветского времени, позволяющие применить сравнительно-исторический метод. Автором использованы также формально-стилистический и качественный методы как основные в анализе художественного произведения и творческого процесса.

Результаты исследования и их обсуждение

Обозначение искусства рассматриваемого нами времени как «второй волны русского авангарда» и появление первых публикаций о нем приходится на последние десятилетия прошлого столетия, но только в XXI в. этот интерес перешагнул рамки столичного искусства, вызвав интерес к «региональным версиям» [1; 7; 8]. Такое эволюционное отставание было следствием того, что зарождение новых направлений, главным образом в Москве, пришлось на вторую половину 1950-х — 1960-е гг. в границах неофициального, «подпольного» существования. На периферии новые формы искусства получили развитие значительно позже и не столь новаторски и ярко. Отсутствие «подпольного» движения в чувашском искусстве советского периода, освоение живописцами стилистики «сурового стиля» лишь в конце шестидесятих годов сказались на характере его развития. В семидесятые годы, благодаря официальному признанию последнего, художники молодого поколения ощутили значительную свободу. Разумеется, сложный период социальных перемен не мог быть проявлен в живописи однородно. Сегодня общепринято группирование по направлениям, стилистика которых имеет характерные черты. В нем мы выделим основные: соцреализм, академизм, «суровый стиль», а также имевшие место постмодернизм и этнофутуризм, которому в современном искусствознании уделяется особое внимание. Применима такая классификация и к чувашскому искусству.

Соцреализм

Реалистическое искусство советского периода в произведениях чувашских художников как самостоятельная тема в искусствоведении до сих пор не рассматривалось. На фоне рождения самых разных направлений в начале XX в. и ухода больших стилей, искусство послевоенного времени выглядит весьма монументально благодаря такому явлению, как сталинский классицизм, получивший название «соцреализм». В целом он явился необычайно цельным и мощным компонентом мирового искусства, и исследователи будут еще много раз возвращаться к его осмыслению, открывая разные его стороны с точки зрения современности. Унаследовав традиции академической школы и специфику «передвижнической» картины, это искусство было в сороковые и пятидесятые годы прошлого века по-своему прогрессивно и оригинально. Оптимизм советских людей после Победы был естественно отражен и в живописи: в тематике полотен, темпераментной манере письма и светлой красочной палитре. В первую очередь это коснулось натюрмортов, пейзажа и бытового жанра, роль которого в послевоенные два десятилетия стала преобладающей. Радость мирной жизни, ее будни и маленькие события, имевшие теперь огромную ценность, утверждались в таких картинах, как «Опять двойка» Ф. П. Решетникова или «В новую квартиру» А. И. Лактионова, ставших классикой соцреализма. В чувашской живописи этого времени такими стали картины «Нагулялся» В. П. Козлова (ил. 1) и «Юннатка» Р. М. Ермолаевой.

С ростом грандиозных планов и свершений во многих областях жизни, бытовой жанр уступил крупномасштабным полотнам, прославляющим достижения социалистического государства. Призваны были это делать все виды искусства. Но в 1970-е гг. довлеющий над художниками контроль и реальная жизнь привнесли

Илл. 1. В. П. Козлов. Нагулялся. 1961.
Х., м. 68 × 48. ЧГХМ [3, с. 122]

Изображение «праздников» и «героев труда» преобладало в исторических, жанровых и портретных композициях. Как и в классическом академическом искусстве прошлых веков, в искусстве художников соцреализма сложился некий стандарт, диктовавший изображение идеальных персонажей: красивые, здоровые и веселые люди с верой в светлое будущее вершили важные дела. Отсюда сформировалось и единообразие живописного языка, отсылающего к высшим достижениям русской школы передвижничества, поколебленное авангардистами начала XX в.

Надо иметь в виду и общую установку развития культуры по ленинской теории «отражения действительности», что трактовалось крайне однозначно: полагалось только трехмерное фигуративное изображение. Даже в середине 1970-х гг. эти принципы оставались главенствующими в творчестве большинства художников Чувашии. Если обратимся к публикациям российских авторов того времени, увидим, что большинство из них были верны ленинскому определению классовой сущности искусства [10]. Но перемены стали уже очевидны. Искусствовед Т. С. Щукина, анализируя труды искусствоведов семидесятых, отмечает, что есть разногласия во взглядах на современное искусство, но значительная часть советских авторов все же осуждает новые тенденции за «изолированность от важных проблем современности, отсутствие широты взгляда на социальные процессы, происходящие в мире» [14, с. 21 — 47]. Перемены, начавшиеся в конце шестидесятых, были столь масштабны, что обрели наименование «бурной стилистической революции» [14, с. 34]. Повторимся, что отмеченные явления в советском искусстве происходили в Чувашии позднее, но имели те же параметры. К этому времени были

в картины новые настроения, и очень скоро признаки вырождения большой тематической картины в чувашской живописи стали очевидны¹. Однако, несмотря на утрату художественного качества в творчестве многих ведущих художников, соцреализм и в конце столетия оставался ведущим направлением. При этом реалистическое искусство, возвращенное в академической системе образования, давало замечательные результаты в творчестве нового поколения выпускников Академии: профессионализм и мастерство становились главным условием успеха. В этой точке смыкались понятия «академизм» и «реализм», практически утратившие в предыдущий период свое истинное предназначение, справедливо получив термин «соцреализм».

В живописи художников Чувашии метод соцреализма, отвечая масштабным государственным программам, обрел соответствующую стилистику, выражающую пафос темы и ясность в ее прочтении. Изо-

¹ Эта проблема была затронута нами в статье: Реалистическое искусство Чувашии в зеркале новой жизни (живопись последней трети XX века) // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 2. С. 112 — 128.

уже написаны «Портрет О. Ырзем» Р. Ермолаевой (1969), «О нас пишут» Н. Карачарскова (1969), «Мать. Страда» Н. Овчинникова (1973 — 1974) — лучшее из созданного чувашскими художниками-реалистами. Они стали его вершиной как по созвучности идеям соцреализма, так и по профессиональному их воплощению.

Индивидуальный стиль при этом прочитывался довольно слабо. Конечно, соцреализм оставлял некоторый простор для развития собственного языка художника, но очень небольшой. Так, если сравнивать произведения ярких его последователей, то картины Н. П. Карачарскова стилистически незначительно отличались от картин В. Л. Немцева, Н. В. Овчинникова или С. И. Алатова. Разница состояла в уровне мастерства, степени экспрессии живописной манеры, колористических предпочтениях и способах наложения мазка. Даже при том, что внутренние послы менялись (так, в творчестве Карачарскова со временем все более усиливались социальный контекст и назидательность), живописный стиль оставался тем же в течение десятилетий. Поэтому можно сказать, что в 1990-е гг. в лице ведущих живописцев Чувашии, работавших на рубеже столетий, соцреализм, лишившись актуального содержания, потерпел фиаско. Даже портретный жанр «сдал» свои позиции, утратив типаж героя-современника. Реализм советского периода, имевший наиболее жесткое регламентирование по содержанию и форме, постепенно уступал место более честному взгляду художника на окружающий мир и сохранял высокое качество главным образом в пейзаже и натюрморте.

Под пристальным вниманием исследователей становится очевидным, что многие произведения художников соцреализма имеют вторичную природу: они рождались на основе уже созданных ранее и широко признанных полотен. Тиражирование одного и того же сюжета многочисленными авторами в течение нескольких десятилетий естественным образом сгенерировало единую стилистику. Но оставалось в советской живописи место и реализму иного толка, скромно высказывающемуся в «малых» жанрах — пейзаже, натюрморте и портрете. Необходимо сказать похвальное слово реализму, принесенному в 1950-е гг. ленинградскими «академистами», в первую очередь, Розалии Михайловне Ермолаевой и Василию Степановичу Гурину. Их творчество без всякой идеологической подоплеки искало радостного и светлого проявления жизни, привлекало неповторимым личным переживанием окружающего мира, силой живописного таланта. Учениками этих выдающихся живописцев и педагогов стали Е. А. Вдовичева, В. Л. Немцев, В. С. Семенов и П. П. Козлов, сохранившие позитивный взгляд на мир и обретшие мастерство именно в стенах Чебоксарского художественного училища без последующего специального высшего образования. Они работали в той же стилистике, и манера их письма также укладывалась в рамки реалистической школы. Но тут необходимо отметить ту слабую, но различимую грань, которая все же разделяет Учителя с академическим образованием и Ученика — талантливого, но не прошедшего шестилетнее погружение в тайны академического мастерства, какое было у первых. Тонкая многослойная живопись в картинах Ермолаевой и Гурина при сохранении «свежести живописи при полной законченности, — вот как у старых мастеров» [5, с. 85] — свидетельствует о высочайшем качестве их произведений. Живописное мастерство их учеников — крепких реалистов — чаще всего реализовалось на грани между картиной и этюдом.

Таким образом, в 1950 — 1960-е гг. искусство достигло того высокого уровня, который требовался от него как проводника политических идей государства. Однако жизнь требовала иного: вслед за изменениями идейного и художественного

перестроечного пространства изобразительное искусство в стране стало отличаться разнообразием течений и рождением новых изобразительных средств и форм. В этом сложном процессе были свои минусы и плюсы. Так, возможность свободного самовыражения сыграла со многими мастерами старшего поколения злую шутку: крушение творческой программы, которой они служили долгие годы, стало причиной их постепенного ухода «со сцены», какие бы «большие картины» они ни пытались создать. Стилистика их произведений оставалась прежней, а «актуальная» тематика не спасала от поверхностного подхода и отсутствия глубокого понимания событий. Ряд подобных произведений написал в конце XX столетия Н. В. Овчинников. Его крупноформатные картины «Н. Бичурин и А. Пушкин», «Иван Яковлев на приеме у Николая II» и другие выглядели явным анахронизмом в мире современного искусства. Также один из лучших живописцев соцреализма Н. П. Карачарсков в поисках актуальности утратил высокую степень мастерства, приблизившись к уровню соц-арта — еще одного направления перестроечных лет, просуществовавшего очень недолго и не получившего развития в чувашской живописи. Его крайне негативный взгляд на современную жизнь и гипертрофированная демонстрация своей личности как жертвы бездуховности общества стали выходить за пределы художественности. Поэтому можно утверждать, что к концу XX столетия такое крупное явление, как соцреализм ушел из творческого арсенала художников, лишился своего корня «соц», но сохранился, главным образом, как реалистическое направление в пейзажном и портретном жанрах живописи, а также в натюрморте.

Академизм

Проблема стиля требует внимания и в связи с академической традицией, утвержденной в качестве самого высокого образца профессионального искусства даже в советские годы. Выпускники академических институтов, в первую очередь Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина, в течение всего XX столетия возглавляли список успешных художников Чувашии, способных к созданию сюжетно-тематических картин, наличие которых было показателем состоятельности любого регионального отделения Союза художников. Выпускники «репинки» традиционно возвращались преподавателями в Художественное училище, и чебоксарская академическая среда всегда была сосредоточена именно здесь.

Вхождение академического искусства в современное эстетическое и художественное поле не линейно, оно очень разнообразно и пластично отзывается на новые актуальные идеи. Сегодня, как пишет С. М. Грачева, оно «представляет собой уникальный сплав классического понимания задач искусства, реалистических традиций и влияния постмодернистской эстетики» [6, с. 8]. Для современных исследователей эта тема становится одной из самых обсуждаемых, так как очевидно, что профессионализм остается основой творчества большинства художников разных направлений. Новые академики свободны в выборе темы и стилистики. Подлинный реализм в их понимании не ограничен трехмерным измерением и внешним жизнеподобием, а его использование в современной трактовке требует интеллектуального осмысления и уникальности. Импульсом к обновлению академической живописи в 1970-е гг., по нашему мнению, стали те же причины, что породили и «суровый стиль». Обращение к реалиям жизни, отказ от «бесконфликтного» содержания, выраженная оппозиция всему «коллективному», средоточие на собственных переживаниях, закономерно изменили стилистику произведений.

Молодое поколение академистов — учеников Р. М. Ермолаевой и В. С. Гурина по Чебоксарскому художественному училищу — Александр Федосеев и Виктор Бритвин, — завершив обучение в «репинском» институте в первой половине 1980-х гг., воспринимали мир иначе, глубже и критичнее своих учителей². Их живописный язык стал более жестким как реакция на меняющийся мир, который виделся теперь не столь радужным. Эта новая стилистика была обретена именно в академической системе. В московской академической школе ее формирование определяли такие выдающиеся личности, как Виктор Попков и Дмитрий Жилинский, выстраивая линию развития сурового стиля от «героического» до утонченно-интеллектуального. В ленинградской академии огромную роль, без преувеличения, сыграл ярчайший художник XX столетия — Евсей Моисеенко. С его творчеством связывают ту мощную волну обновлений, которая во многом подтолкнула процветание соцреализма. Очень важно, что преподаватель живописного факультета «репинки» Е. Е. Моисеенко был учеником А. А. Осмеркина — участника художественной группы «Бубновый валет» начала XX в., поэтому на его творчестве не мог не сказаться предыдущий грандиозный опыт Серебряного века³. Кроме того, что Моисеенко обладал выдающимся талантом, в формировании его живописного почерка есть несомненное влияние стилистики учителя, но проявленная в предельно экспрессивной манере письма, нестандартных композиционных решениях и внутреннем драматизме изображаемых в тематической картине событий.

С картинами Моисеенко вся академическая школа обрела новую стилистику, оживившую российскую живописную историю. Александр Федосеев и Виктор Бритвин вернулись в Чебоксары, получив новое восприятие современного искусства и поняв новые возможности академической школы.

Для академической школы постсоветской эпохи характерно еще одно стилистическое направление. После долгих лет забвения в ней возрождается историческая картина на сюжеты из христианской истории. Конечно, реформы, имевшие место в истории Академии, часто трагически сказывались на развитии исторической картины, но в конце XX в., пережив распад Советского Союза со всеми социально-политическими переменами, Академия возвращается к библейским сюжетам, что вполне закономерно: российское общество уже осознавало цену утраты духовных устоев православия. Собственно, это была попытка возвращения к стилистике классического искусства — высокой академической школы XVIII — XIX вв. Таких художников немного. В Чувашии удачными можно считать только стенные росписи современных храмов, в которых работы выполняются под руководством и по эскизам профессиональных мастеров. В станковой живописи появление крупноформатных картин на библейские темы в исполнении

---

² А. М. Федосеев (1958 — 2026) и В. Г. Бритвин (1955 — 2023) во второй половине 1980-х гг. и до конца столетия оказались единственными «академистами», кто вернулся после окончания института из Ленинграда и внес в искусство Чувашии огромный вклад своим творчеством и преподавательской деятельностью.

³ По нашему мнению, роль ведущего преподавателя живописи в Академии художеств неоспорима. Так, Р. М. Ермолаева и В. С. Гурин, студенты послевоенного поколения, учились в мастерской Б. В. Иогансона, основоположника «социалистического реализма», как о нем пишут, и одного из самых ярких его представителей. Е. Е. Моисеенко же, который учился с ними в одно время, окончил ее по мастерской А. А. Осмеркина, входившего в круг художников и поэтов Серебряного века — С. Есенина, О. Мандельштама, А. Ахматовой, П. Кончаловского, А. Лентулова и др. В 1947 г., в год окончания Е. Моисеенко института, Осмеркин был уволен из института в связи с его обвинением в формализме и пропаганде западных веяний.

Ил. 2. А. М. Федосеев. Туман и люди. 1991.
Х., м. 83 × 56. ЧГХМ [12, с. 123]

Н. П. Комарова, единственного выпускника Академии, рискнувшего взяться за христологическую историю, нельзя считать удачным. Попытка повторить исторический опыт Академии, формально использовать в этом жанре стилистику эпохи классицизма без современного осмысления события или сюжета, стали причиной подобной ситуации.

Более тонко подходит к этой теме А. М. Федосеев, чьи сюжетно-тематические полотна стали выражением мироощущения целого поколения конца восьмидесятых — первой половины девяностых годов. В эти «расхристанные» времена пере-

стройки, разочарования на грани безысходности, он сумел высказаться с высокой долей драматизма и чувством социального напряжения. Тут необходимо еще раз констатировать присутствие «моисеенковской» линии, которую он воспринял, несмотря на то, что окончил Академию по мастерской талантливейшего художника — академика Б. С. Угарова. Яркий природный талант Федосеева-живописца, стремящегося к экспрессивному выражению, укрощен высокой школой так же, как и в произведениях Моисеенко. Мы говорим здесь о культуре цвета — внутреннем понимании меры и необходимости его использования в картине. Отсюда и его собственный узнаваемый стиль, в котором часто преобладает ахроматическая гамма, бесспорно, необходимая для большей выразительности. Эти составляющие картин Федосеева — колористическая строгость и оригинальное композиционное решение, в котором нет ни одной случайной детали, дают прочувствовать силу внутренней эмоции и умного замысла.

В метафоричности содержания и некоторой сюрреалистичности сюжета в его работах почти всегда прочитывается тема нравственного выбора человека. Рассмотрим его картину «Туман и люди» (ил. 2). На первом плане слева и справа — фрагменты стены какого-то монументального здания. На втором плане за оградительной веревкой проходит колонна людей, одетых в серое⁴. Лишь один (это автопортрет художника) оглянулся печально, но он не видит иконы святого Георгия Победоносца и расположенную под ней репродукцию известной картины «Притча о слепых» Питера Брейгеля Мужичского. Их изображения расположились на стене в тени — в запретной зоне. В соотносении разных эпох, в символах высокого и низкого заложен философский подтекст, а христианская тема в образе святого Георгия представлена в качестве возможного личностного выбора. Стиль и почерк Александра Федосеева заключаются в противопоставлении сложных сюжетных структур со скрытыми смыслами и композиционной простоты.

Этой остротой художественной формы и философского взгляда на обычное владел и Виктор Бритвин. По образованию художник-график, он был блестящим

⁴ В мировом искусстве использовалась концепция толпы как коллективного действия (или бездействия). В отечественном искусстве изображение в картине толпы людей, идущих в одной колонне — выразительная метафора советского времени, например, в картинах А. Сундукова.

рисовальщиком, иллюстратором и невероятно изобретательным в своих композициях. В живописи он также обрел узнаваемое лицо, оставаясь верным собственному мироощущению и художественным принципам. Некая эмоциональная отстраненность по отношению к своим героям не отменяла в его творчестве адекватного восприятия окружающей жизни. Это и стало его стилем, который в подлинном своем значении предполагает не только внешние характеристики. На этом основании можно утверждать принципиальную взаимосвязанность академического и реалистического искусства второй половины XX столетия. Форма, стремящаяся к некоему идеалу, и высокий патриотизм, пусть даже во многом декларативный, сделали их близкими в своем значении как никогда прежде. Но развиваясь параллельно почти на всех исторических этапах, они стали теперь иметь менее четкие стилистические границы.

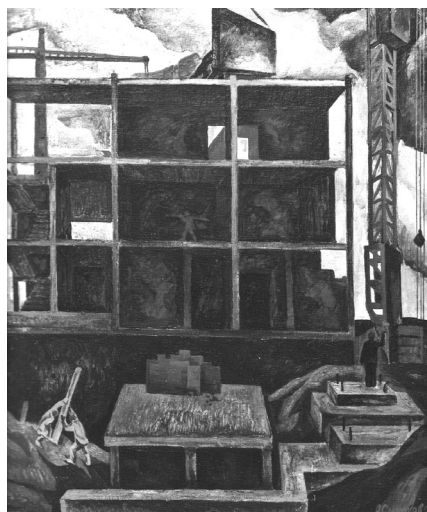
«Суровый стиль»

Почерк художников «сурового стиля» в 1970-е гг. стал определяющим в чувашской живописи. Первыми, в чьих произведениях получили отзвуки нового направления, — выпускники столичных вузов, вернувшиеся в Чебоксары в конце шестидесятых — начале семидесятых годов после окончания учебы: Ревель Федоров и Владимир Чураков из Харьковского, Николай Егоров и Петр Павлов из Московского художественных институтов, Александр Симаков и Владимир Федулов — из Московского текстильного института. Стилистически цельный и сущностно определенный «суровый стиль», открыто отвергающий соцреализм, конечно, был привлекателен для молодого поколения художников. Его специфические черты — лаконизм формы, четкие композиционные ритмы, крупные планы — соответствовали тематике полотен, из которых исчезли «праздники», а события повседневности утратили нарядность и беззаботность (ил. 3, 4).

В отечественном искусствоведении «суровому стилю» уделено много внимания, опубликованы статьи и монографии, в которых его история получила уже

Ил. 3. Н. Е. Егоров. Саша Баталов — русский солдат. 1969. Х., м. 55 × 55. [3, с. 100]

Ил. 4. А. И. Симаков. Серия «Тракторный строится». Тракторный строится. 1972. Х., м. 53 × 50. Фото с сайта Чувашского государственного художественного музея [13]

устоявшиеся термины и периодизацию, и в которые вполне укладывается и характеристика чувашского искусства.

В то время художники стремились отойти от прежних канонов соцреализма, и это было движением вперед. Рефлексия на кардинальные перемены в стране рождала иной уровень художественного осмысления и, как следствие, новую стилистику. Но в поисках новых героев невольно формировался новый «типический» образ современника. Этот период был недолгим, художники «сурового стиля» очень скоро ушли от простой трактовки действительности к более глубоким человеческим проблемам, как это случилось в творчестве основоположника «сурового стиля», российского художника Виктора Попкова. Совершенно по-новому, через судьбу отдельного человека, он стал решать, например, тему войны.

О живописи 1970-х гг. написано много. Есть, например, и крайне односторонние суждения: «Ее меланхолические и манерные образы не спутать с “суровым стилем” предыдущего десятилетия... На картинах 70-х пребывают в бездействии и разобщенности. Будь то бригада рабочих, спортивная команда, компания друзей или даже семья — собранные в группу люди никак не взаимодействуют, ни физически, ни эмоционально. Как правило, они даже не видят друг друга. Ничто не объединяет их, ни общее дело, ни общее чувство...» [9]. При всей неполноте этой характеристики искусства семидесятых, доля правды в ней есть. Но важнее отметить кардинальные перемены. На самом деле, по нашему мнению, происходил поворот к осмыслению подлинных ценностей традиционной культуры, роль преемственности поколений и исторической памяти, начинала остро звучать тема недавней войны.

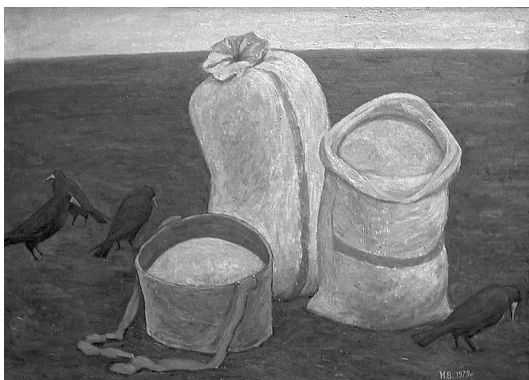
В искусстве Чувашии особое место в освоении новых тенденций занимал художник и преподаватель художественно-графического факультета педагогического института Н. С. Ведерников (1937 — 1994). Один из первых его выпускников, он сразу выделился особой чуткостью к художественным идеям своего времени. Деревенская тема, которая захватила советскую литературу, давала и художникам существенную возможность самовыражения. Она стала основной для творчества Ведерникова. В конце семидесятых, пройдя строгий этап этого направления, он нашел простые и глубоко прочувствованные мотивы для своих натюрмортов и портретов (ил. 5). Его немногословные сельские мотивы несут эстетику простых вещей, играющих в системе жизнеполагающих ценностей человека важнейшую роль. Они отвечают стилистике так называемого интеллектуального направления «сурового стиля», когда «глубина в простоте». Н. С. Ведерников стал ведущим преобразователем этого стиля в Чувашии, одним из первых передавший меняющийся дух времени.

«Суровому стилю» отдали предпочтение ученики Николая Ведерникова и художники, окончившие художественно-графический факультет в первые два десятилетия его существования. Вслед за Ведерниковым ярко проявили себя Н. Г. Кумбиров, П. В. Петров, Е. М. Есин, В. Ф. Гришаев, Н. Г. Григорьев и другие молодые живописцы. Появление их произведений на выставках начало менять картину художественной жизни, что стало в сегодняшней перспективе очевидным фактом. Но только у старшего из них — Николая Кумбирова — можно найти в ранних работах свойства так называемого «героического» этапа «сурового стиля». Так, например, в 1972 г. он пишет характерный «Натюрморт с журналом “Творчество”», но скоро отходит от такой однозначности. Его работы постепенно обретают характер картины-притчи, размышления о земном пути человека. Произведения

1980 — 2000-х гг. — диптих «Благовещение», полотно «Млечный путь. Моление о чаше» и другие — меняются в сторону более сложной содержательности, а вслед за этим — колористики и живописной манеры.

Можно сказать, что это собственно уже и не «суровое» искусство. Через отказ от бытовизма и жанровости живописцы приходят к определенному символизму, в котором образ и вещь отзываются рефлексией на события и характер духовных поисков, кардинально меняющих жизнь. На-

ступившие годы перестройки ломали судьбы и карьеры одним, открывали дорогу другим, не всегда достойным. «Время, в которое я жил, вовсе не представлялось мне дурным, — пишет М. Герман, осмысливая прошедшие годы. — Тяжелым — да, но тяжелым неизбежно, необходимой платой за перемены, за еще дикую, но столь желанную свободу...» [4, с. 407]. Художники искали формы, адекватные собственному пониманию жизни и искусства. В произведениях восьмидесятых годов эти поиски реализовались по-разному: у Петра Петрова в изображении безлюдных деревенских пейзажей, у Евгения Есина — в изысканных натюрмортах, у Владимира Гришаева — в трагических символах уходящего мира (ил. 6, 7), у Станислава Юхтара и Георгия Фомирякова — в сценах и знаках чувашской старины. Ни у одного из них нет и следа от соцреализма, а стилистика каждого узнаваема с первого взгляда. В ней — не столько поиск нового языка, сколько глубокое осмысление сложных вопросов жизни. За бессюжетностью и простотой формы вставала целая эпоха, в которой было много разрушения и разочарования, и которую надо было

Ил. 5. Н. С. Ведерников. Семена. 1979.
Х., м. 94 × 128. ЧГХМ [3, с. 219]

Ил. 6. П. В. Петров. Деревня. 1979 — 1990.
Х., м. 81 × 103. ЧГХМ [12, с. 115]

Ил. 7. В. Ф. Гришаев. Триптих
«Натюрморт с халатом». Центральная часть. 1988.
Картон, м. 79,5 × 49,5. ЧГХМ [3, с. 168]

понять и отпустить. Общей чертой художников этого поколения оставалось, на наш взгляд, отношение к искусству как высокой миссии художника.

Стилистика «суровой» живописи дала возможность поколению художников, формировавшихся в семидесятые годы, выйти из рамок соцреализма. Упомянутые в настоящей статье имена определили облик и характер нового искусства. Следующее поколение, пришедшее в конце восьмидесятых, имело почти безграничную свободу, и это было странное время, когда мало кто из них нашел силы этим воспользоваться. Получившие образование уже в новом, измененном перестройкой мире, одни продолжили реалистическую линию, другие органично вошли в ряды постмодернистов, отвергая ценности не только советской, но и традиционной народной культуры, и профессионального академизма.

Постмодернизм

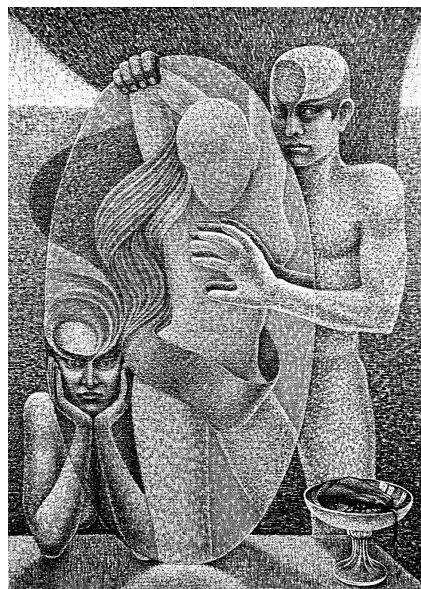
Постмодернизм как направление не стал в чувашском искусстве явлением, получившим широкое распространение. Но уже первые произведения, появившиеся на Республиканской молодежной выставке в 1988 г., отчетливо показали расширение интересов и возможностей нового поколения художников. Кардинально меняющиеся условия жизни в этот период, открывающиеся просторы западного искусства, в котором уже сформировался этот термин и процветали различные его направления, появление в столичных выставочных залах советского подпольного искусства, определяли мировоззрение большинства молодых художников, ставили серьезные вопросы актуальности их искусства. Сложно было старшему поколению, многие представители которого пытались освоить новую тематику в старых формах, но понять вызовы времени не смогли. Их ученики — поколение В. Бритвина и А. Федосеева, с их профессионализмом и глубоким пониманием современных проблем, уже создавали новое искусство, опирающееся на профессиональные устои академической школы, и восприняв реалии новой жизни. В живописи чувашских мастеров определились разные векторы развития.

Постмодернизм, как считается, рожден идеями и достижениями модернизма, который в первой половине XX в. совершил революционный сдвиг во всех видах искусства. Признавая постмодернизм явлением интеллектуального порядка, исследователи соответственно характеризуют его как «своеобразную реакцию на глобальное состояние цивилизации последних десятилетий, всю сумму культурных настроений и философских тенденций» [2, с. 407]. Поэтому, на наш взгляд, отзвуки постмодернизма находим в творениях художников иных современных направлений. Даже в творчестве таких ярких художников нового поколения, как А. Федосеев, В. Бритвин и П. Петров, которых мы не можем отнести к постмодернистам, сила подтекста и глубокая метафоричность уже давали повод к восприятию искусства нового формата.

Ярким примером постмодернизма в чувашском искусстве стало творчество Игоря Улангина, полное иронии, театральности, цитат из высокого и массового искусства. Герой этих, чаще всего камерных картин и рисунков, — маленький человек из толпы, далекий как от «больших» проблем человечества, так и собственного окружения. Он прост и наивен, а изображение его сродни примитивизму (ил. 8). Но стилистика примитива стала лишь внешним признаком ироничных, подчас абсурдных сюжетов и извлечений из истории искусства. Из кусочков реальной жизни собирает художник собственную картину мира, далекую от реальности. В философии постмодернизма ничто в этом мире не достигает цельности и завершенности, в нем нет как абсолютной истины, так и абсолютного знания.

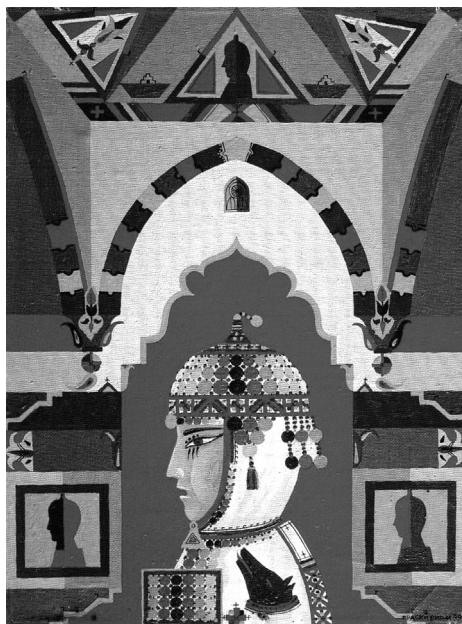
Ил. 8. И. А. Улангин. Пассажир.
1990-е. Картон, пастель. 49,5 × 39,5.
Частная коллекция

Ил. 9. А. С. Насекин. Игра
с зеркалом. 1991. Х., м. 75 × 53
[12, с. 37]. Частная коллекция

Кроме Игоря Улангина, в чувашском искусстве близки к концепции постмодернизма еще несколько художников, обладающих подобным складом ума, отношением к жизни и чувством иронии и самоиронии. Это, главным образом, графики, такие как Александр Насекин, чье творчество вписывается в философию постмодернизма, с его индивидуализмом и скептицизмом, с привычкой к игре смыслами (ил. 9). Среди живописцев, пожалуй, творчество одного Азата Сафина (1954 — 2005) вмещалось в понятие «постмодернизм» с его фрагментарностью повествования и стилистикой, отсылающей часто к абстракционизму. Несмотря на это, почерк каждого из этих художников узнаваем и индивидуален. Интеллектуалы и эрудиты, они пошли своим путем, выработали свой собственный оригинальный стиль, сгенерировали в своем творчестве новые идеи. Их работы без претензий на «серьезные» темы и размеры холстов являются своего рода реакцией на современную поп-культуру, демонстрируя профессиональный уровень графического и живописного исполнения, стилистика которых могла обретать самые разные формы.

Разнообразие поисков было явлено в чувашском искусстве во всей возможной полноте лишь один раз — на упомянутой нами Первой молодежной выставке 1988 г. Как это бывает в исторические моменты социальных преобразований, искусство обрело экспериментальный характер. Появилось много художников как из профессиональной, так и самодеятельной среды, которые были вовлечены организаторами выставки во всевозможные акции и коллективные действия. Свои творения впервые показали А. Сорокин, В. Ишутов, С. Чернов, А. Курушин, В. Панфилов и др. Их живописные и графические работы и «объекты» были интересны «безыскусственностью», асоциальны, демонстративно замкнуты в рамках собственного духовного мира и узкого круга друзей. Позднее ими были организованы еще несколько небольших экспозиций (выставки «Синтетический мир», «Я» и др.), затем их имена исчезли из

Ил. 10. В. П. Петров (Праски Витти).
Тюркские девушки. Триптих.
Центральная часть. 1999. Х., м. 60 × 40.
Собственность автора

вошедшая в общественную организацию «Союз марийской молодежи “У вий”» («Молодая сила»), задачей которой было возрождение традиционных духовных и культурных ценностей. В Татарстане была организована творческая группа «Тамга». Надо думать, что эти опыты были мощным актом выхода из привычных стандартов советского искусства.

Новая актуальность осваивалась живописцами Чувашии разными путями. Большинство из них, оставаясь в привычной стилистике реалистического искусства, стали воспроизводить сюжеты из жизни прошлых веков, сосредоточив внимание на традиционных обрядах и красоте национального костюма. Поэтому не было удивительным появление множества произведений бытового жанра на темы из старинной жизни и женских портретов в традиционных нарядах. Такая простая трактовка понятия «национального искусства» долгое время оставалась основной, хотя примеры выхода из этой стилистики видим уже и в 1960-е гг. (в творчестве А. Миттова и Ю. Зайцева), но они были исключительными и уникальными.

В рассматриваемый нами период явление этнофутуризма захватило искусство всех регионов большой страны, особенно сплотившихся в единое движение финно-угорской группы народов. В Чувашии мы можем, строго говоря, представить это направление лишь тремя именами. Первым был Праски Витти (ил. 10), вернувшийся на родину уже известным в России художником лишь в 1986 г. Имена С. Юхтара (ил. 11) и Г. Фомирякова впервые прозвучали в конце 1980-х гг. Их пример — это осознанные, целенаправленные поиски, а главное — достижения в создании нового языка чувашского искусства. Их индивидуальная стилистика такова, что рука мастера узнается с первого взгляда. Не останавливаясь на этом подробно, отметим только очень важные аспекты этого направления, о чем мы

публичного поля. Явление на молодежных выставках всевозможных «-измов» в конце 1980-х и в 1990-е гг. было ярким, но кратким.

Этнофутуризм

Развитие живописи в последние десятилетия происходило под знаком национальной идентичности во всех видах искусства и всех сферах духовной жизни национальных республик. В отличие от художников столичного андеграунда, который формировался в кругу единомышленников, чувашские художники никогда не пытались объединиться в группы, опониравшие официальному искусству. Уникальным стало и проявление здесь этнофутуризма, которое можно назвать авторским. В республиках Поволжья это было коллективное движение, оно традиционно оформлялось под лозунгами национальной идентичности и объединяло художников, склонных к эксперименту. Известны такие группы, как марийская,

писали в статьях ранее⁵. Не столько использование символики древних космогонических образов и элементов народного орнамента, сколько глубокое понимание мировоззренческих основ и эстетических идеалов своего народа стали ключом в поисках нового национального языка чувашской живописи. Кроме того, мы выделяем в творчестве художников две совершенно разные линии развития. Одна, начиная от Миттова и Зайцева (у Миттова это проявлено осознанно и декларативно) идет к стилистике Праски Витти и Петра Петрова, которые находят ключ к национальному в совершенстве силуэта и линии, в символике

Ил. 11. С. Н. Михайлов (Юхтар).
Золотое время. Центральная часть триптиха
«Древо жизни». 1998. Картон, темпера,
бронза. 19 × 22. Частная коллекция

цвета. Это линейное движение имеет параллель — творчество Владимира Агева и Станислава Юхтара, в произведениях которых, напротив, объем и фигуративность обретают предельную в чувашской живописи полноту. Поэтому мы и говорим об уникальной версии этнофутуризма в чувашском искусстве, отличающейся именно стилистическим своеобразием каждого из немногих его представителей.

Заключение

Изобразительное искусство 1970 — 1990-х гг. отразило в себе художественные практики, пожалуй, всего XX столетия и привнесло много нового. И первое, что необходимо отметить, оно, развиваясь в контексте стремительно и кардинально меняющихся событий, пыталось ответить на все вызовы времени, пожертвовав цельностью и выраженной стилистической направленностью.

Формирование нового пространства искусства в республике принадлежит, главным образом, молодым художникам, начавшим свою деятельность в конце семидесятых годов. В девяностые происходит смена поколений, когда признанные художники соцреализма и сурового стиля — Н. Овчинников, Н. Карачарсков, Р. Федоров и др. — продолжали еще работать, предпринимая усилия в освоении новой культурной парадигмы. В молодежном искусстве обретало новую стилистику академическое направление, осваивался «суровый стиль», а в 1980-е гг. были сделаны первые попытки освоения искусства новых направлений, хотя, в целом предпочтительными оставались вовсе не они. Среди важных особенностей живописи был переход от объемных форм к плоскостным — прием, открывший новые возможности в поисках национального характера искусства. Нельзя забывать и о том, что его развитие происходило во взаимосвязанности или

⁵ Мордвинова А. И. Этнофутуризм в живописи и графике Чувашии и Республики Марий Эл // Чуваши и марийцы — соседи по «общему дому»: материалы Международной научно-практической конференции (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2019. С. 362 — 375; Ее же. Национальный компонент в творчестве живописцев Чувашии и Татарстана // Татары и чувашки — ветви одного древа: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, Казань, 7 — 8 октября 2021 г.) / сост. и отв. ред. Г. А. Николаев, Р. Р. Исхаков; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; ЧГИГН. Казань; Чебоксары: Новое Время, 2021. С. 385 — 392.

последовательности разных направлений. Общий характер перемен в искусстве России прямо сказался и на творческой индивидуальности живописцев Чувашии, своеобразно преломившись в их живописной манере и тематике произведений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аймермахер К. От единства к многообразию: Разыскания в области «другого» искусства 1950-х — 1980-х годов. Москва: РГГУ, 2004. 374 с.
2. Вайнштейн О. Б. Постмодернизм: история или язык? // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 3 — 7.
3. Викторов Ю. В. Чувашская станковая живопись XX века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 256 с.
4. Герман М. Воспоминания о XX веке. Книга вторая: Незавершенное время. Санкт-Петербург: Азбука, 2018. 480 с.
5. Грабарь И. Э. Валентин Александрович Серов. Жизнь и творчество. 1865 — 1911. Москва: Искусство, 1965. 491 с.
6. Грачева С. М. Современное петербургское академическое изобразительное искусство. Традиции, состояние и тренды развития. Москва: БукМАрт, 2019. 367 с.
7. Деготь Е. Ю. Русское искусство XX века. Москва: Трилистник, 2000. 224 с.
8. «Другое искусство», Москва, 1956 — 76: сборник статей и документов. Т. 1 / сост. Л. П. Талочкин, И. Г. Алпатова. Москва: Интербук, 1991. 339 с.
9. Карпов В. Кризис советского мировоззрения в живописи 70-х // Блог-платформа «Дзен»: [сайт]. URL: <https://dzen.ru/a/XqGYUfVWclT8NULw> (дата обращения: 14.11.2025).
10. Лукин Ю. А. Ленинская концепция искусства и борьба идей в эстетике // Советское искусствознание — 75. Москва: Советский художник, 1976. С. 5 — 20.
11. Насекин. Живопись. Графика. Книга-альбом на рус. и англ. языках / авт.-сост. А. С. Насекин. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2022. 372 с.
12. Чувашский государственный художественный музей / сост. Г. Н. Иванов-Орков. Вильнюс: Стандарту спаустеве, 2014. 304 с.
13. Чувашский государственный художественный музей: официальный сайт. URL: <https://artmuseum.ru/> (дата обращения 14.11.2025).
14. Щукина Т. С. Критика и художественный процесс // Советское искусствознание — 75. Москва: Советский художник, 1976. С. 21 — 47.

REFERENCES

1. Aimermacher K. From unity to diversity: Research in the field of “other” art of the 1950s — 1980s. Moscow;2004:374. (In Russ.)
2. Weinstein O. B. Postmodernism: history or language? // Questions of philosophy. 1993;3:3 — 7. (In Russ.)
3. Viktorov Yu. V. Chuvash easel painting of the twentieth century. Cheboksary;2018:256. (In Russ.)
4. Herman M. Memoirs of the 20th century. The second book. Saint Petersburg;2018:480. (In Russ.)
5. Grabar I. E. Valentin Aleksandrovich Serov. Life and creativity. 1865 — 1911. Moscow;1965: 491. (In Russ.)
6. Gracheva S. M. Modern Petersburg academic fine art. Traditions, status and development trends. Moscow;2019:367. (In Russ.)
7. Degot E. Y. Russian art of the 20th century. Moscow;2000:224. (In Russ.)
8. “Other art”, Moscow, 1956 — 76. Collection of articles and documents. Moscow;1991:339. (In Russ.)
9. Karpov V. The crisis of the Soviet worldview in painting of the 70s. // Zen blog platform: [website]. URL: <https://dzen.ru/a/XqGYUfVWclT8NULw> (reference date: 14.11.2025). (In Russ.)
10. Lukin Yu. A. Lenin’s concept of art and the struggle of ideas in aesthetics // Soviet art studies — 75. Moscow;1976:5 — 20. (In Russ.)
11. Nasekin. Painting. Graphics. Album book in Russian. and English languages. The author is comp. A. S. Nasekin. Cheboksary;2022:372. (In Russ.)
12. Chuvash State Art Museum. Comp. and the general editorship of G. N. Ivanov-Orkov. Vilnius; 2014:304. (In Russ.)

13. Chuvash State Art Museum: official website. URL: <https://artmuseum.ru/> / (reference date: 11.14.2025). (In Russ.)

14. Shchukina T. S. Criticism and the artistic process // Soviet art studies — 75. Moscow; 1976: 21 — 47. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.01.2026;
одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 02.03.2026

Информация об авторе:

Мордвинова Антонина Ильинична, ведущий научный сотрудник
Чувашского государственного института гуманитарных наук
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1),
кандидат искусствоведения, доцент,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-7822-5204>, amordvinova@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 12.01.2026;
approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 02.03.2026

Information about the author:

Antonina I. Mordvinova, leading researcher, Chuvash State Institute of Humanities
(29/1, Moskovsky Ave., Cheboksary, 428015, Russia),

Candidate of Arts, associate professor,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-7822-5204>, amordvinova@yandex.ru

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 12.01.2026 ситнӗ;
рецензиленӗ хысӗн 16.02.2026 ырланӑ; 02.03.2026 пичете йышӑннӑ

Автор сиччен:

Мордвинова Антонина Ильинична, Чӑваш патшалӑх гуманитарни
ӑслӑлӑхӗсен институтӗн ӑслӑлӑх ертӗҫӗ ёҫтешӗ
(428015, Раҫей, Шупашкар хули, Мускав пр., 29, 1 корп.),
искусствоведени кандидачӗ, доцент,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-7822-5204>, amordvinova@yandex.ru

Пайталӑх конфликчӗ: автор пайталӑх конфликчӗ суккине пӗлтерет.

Автор ал ҫырӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ, ырланӑ.

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS / РЕЦЕНЗИСЕМ

Рец. на: Савельев А. В., Мясников Н. С. К происхождению этнонима *чуваши*: основные версии и их историческая интерпретация / А. В. Савельев, Н. С. Мясников; науч. ред. Э. Е. Лебедев. Чебоксары: ЧГИГН, 2026. 60 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 41).

А. В. Дыбо,

заведующий Отделом урало-алтайских языков
Института языкознания РАН,
доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН,
г. Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6077-7183>
adybo@mail.ru

The review on: Saveliev A. V., Myasnikov N. S. On the origin of the ethnonym *Chuvash*: the main versions and their historical interpretation / A. V. Saveliev, N. S. Myasnikov; scientific ed. E. E. Lebedev. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2026. 60 p. (Scientific reports / Chuvash State Institute of Humanities; issue 41).

A. V. Dybo,

Head of the Department of Ural-Altai Languages,
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6077-7183>
adybo@mail.ru

Рец.: Савельев А. В., Мясников Н. С. *Чăваш* этноним пулăвĕ çинчен: тĕп ăнлантарусем тата вĕсене истори тĕлĕшĕнчен хаклани / А. В. Савельев, Н. С. Мясников; ăслăлăх ред. Э. Е. Лебедев. Шупашкар: ЧПГĂИ, 2026. 60 с. (Ăслăлăх докладĕ / ЧПГĂИ; 41-мĕш кăларăм).

А. В. Дыбо,

Раççей ăслăлăх академийĕн Чĕлхе пĕлĕвĕн институтĕнчи
Урал-алтай чĕлхисен пай ертÿси,
филологи ăслăлăхĕсен докторĕ, профессор,
Раççей ăслăлăх академийĕн корреспондент членĕ,
Мускав хули, Раççей
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6077-7183>
adybo@mail.ru

© Дыбо А. В., 2026

Научный доклад А. В. Савельева и Н. С. Мясникова, опубликованный в серии «Научные доклады / ЧГИГН; вып. 41», посвящен крайне актуальной и интересной, в частности, для широкого читателя, теме. Действительно, этимологизация этнонимов, как и топонимов, чрезвычайно важна для верификации этноисторических гипотез, и, как правильно отметил В. В. Напольских, занятия этнонимикой немислимы вне междисциплинарных, историко-филологических исследований. Замечу, что для собственно сравнительно-исторического языкознания этимологизация онимов — наоборот, довольно периферийная дисциплина, что связано с особенностями семантической структуры онимов — это пропозиционально непрозрачные знаки с вырожденным сигнификатом. Этимолог, работая с апеллятивами, кроме реконструкции внешней (фонетической) стороны языкового знака должен произвести и реконструкцию сигнификативной лексической семантики (обычно

основываясь на признаковом анализе представленных по языкам лексических значений и анализе структуры рефлексной многозначности между родственными языками), таким образом ограничивая выбор этимологических гипотез. В случае же этимологизации онимов вторая сторона реконструкции — семантическая — в лингвистическом смысле примитивнее, реконструируется собственно не сигнификат, а мотивация знака (разумеется, только в том случае, если она сколько-нибудь ощутима), и реконструкция сводится не к признаковому анализу, а к применению нескольких равновероятных типологических фреквенталий (в случае этнонима — образование от локализирующего слова, в частности, от ландшафтного термина или топонима; от слова «человек»; от обозначений речевой способности, при том, что сохраняется принципиальная возможность образования от любого примененного для характеристики человеческой популяции апеллятива: «оленные», «змеи», «огнепоклонники», «черноногие» и проч.). Поскольку же засвидетельствованы многочисленные случаи замены эндоэтнонимов экзоэтнонимами и, наоборот, в принципе позволено искать источник звукового облика исследуемого слова в любой языковой группе, носители которой когда-либо могли контактировать с популяцией — носителем этнонима. Оба этих момента чрезвычайно расширяют возможности построения этимологических гипотез и, наоборот, сужают возможности отбора из них более или менее вероятных. Отсюда обилие топонимических и этнонимических легенд, имеющих народно-этимологическое происхождение, и живучесть псевдоисторических гипотез вроде происхождения эндоэтнонима якутов *saxa* от иранского этнонима *saka*.

Рецензируемый научный доклад А. В. Савельева и Н. С. Мясникова как раз представляет собой методически идеальное совместное междисциплинарное исследование лингвиста — специалиста по истории чувашского языка и его контактов и историка — специалиста по археологии и этнографии народов Урало-Поволжья.

Во введении авторы формулируют (с опорой на теоретическую статью В. В. Напольских 2025 г.) основные теоретические предпосылки исследования и поясняют, как именно произведен отбор материала для этимологического разбора из множества существующих этимологических предложений к этнониму *чуваши*. С их аргументами вполне можно согласиться.

В первом разделе работы произведен весьма тщательный историко-филологический разбор употребления этого этнонима, а также других возможных номинаций чувашей, в разнообразных письменных источниках XVI — XVII вв. К этому разделу у меня только два замечания.

1. На с. 6 авторы говорят о написании этнонима у Н. Витсена и приводят только одно написание *Tzoewachi*, правильно трактуя *oe* как записанное по правилам ранненовоголландской орфографии [y]. Ссылаются они при этом на два места в русском переводе Витсена (Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Т. 2 / пер. с гол. В. Г. Трисман; ред. и науч. рук. Н. П. Копанева, Б. Наарден. Амстердам: Pegasus, 2010. С. 906, 1114), где этноним переведен (*чуваши*). Но в оригинале, во всяком случае, в издании 1692 г. (Noord En Oost Tartarye; Behelzende verscheide byzondere gewesten, in't Noorder en Ooster Asiatische en Europische Tatarie gelegen. Amsterdam MDCCV, Tweede deel) на с. 467 мы действительно видим написание *Tzoewachi*; а при втором упоминании на с. 541 написание иное (*Ceremissi, Tzuvassi*). Это не имеет особого значения для фонетической интерпретации (транскрипции Витсена вообще далеки от последовательности), но источниковедческая аккуратность требовала бы привести и это второе написание.

2. На с. 10 — 11 находим следующее высказывание: «Тот факт, что русские источники могли обозначать чувашей термином *горные черемисы*, прямо подтверждается записями А. Курбского о событиях 1552 г.: “Егда же преплывшася Суру реку, тогда и Черемиса Горная, а по их чуваша зовомые, язык особливый, начаша встречати по пяти сот и по тысяще их, аки бы радующеся цареву пришествию”». Но как раз данная цитата из А. Курбского буквально переводится с церковнославянского русского извода следующим образом: «Когда же переправились через реку Суру, тогда и верхние черемисы, а после них (вслед за ними) называемые *чуваша*, особый народ, начали встречать...» и т. д. То

есть здесь Андрей Курбский прямо говорит, что чувашаи — это отдельный народ, встретившийся московскому войску после верхних черемисов, по-видимому, далее на восток от Суры. Правда, как сообщил мне А. В. Савельев, в исторических работах по чувашеведению принято использовать современный русский перевод А. А. Алексеева (Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. Сочинения Андрея Курбского. История о великом князе Московском. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/default.aspx?tabid=9862>): «Когда переправились мы через реку Суру, стали встречать нас, как бы радуясь приходу царя, по пятьсот, по тысяче человек верхних черемисов — особый народ, называемый по-русски чувашами» — но такой перевод нельзя объяснить ничем, кроме недоразумения, церковнославянский текст совершенно ясен. Судя по другим встречаемости этнонима *чуваши*, Андрей Курбский как раз систематически отличает их от черемисов.

Это, конечно, не противоречит обсуждаемому далее в докладе смешению понятий *чуваши* и *черемис* в несколько более поздних документах. Определение трех зон чувашского заселения на территории Казанской земли в XVI — XVII вв. (с. 12) выглядит вполне правдоподобным.

Во втором разделе доклада рассмотрены семь наименее вызывающих формальные возражения этимологий этнонима *чуваши*. Авторы, в частности, выявляют ряд участвовавших в этимологизации фантомных форм, что, конечно, делает соответствующие этимологии категорически неприемлемыми. Из аргументов против этимологизации *чуваши* как **tiab-gač* я бы исключила доказанную монгольскую принадлежность языка табгачей (с. 19): не отказываться же нам на том же основании от монгольского происхождения тюркских этнонимов *ногай* и *долан*.

Отвлекаясь от семантических и исторических комментариев авторов по этим этимологиям (все они выглядят весьма разумно), замечу, что для большей их части имеется одна и та же формальная проблема: нуждается в объяснении происхождение начального *ч-*. Авторы настаивают на том, что при заимствовании в татарский чув. *ç-* должно интерпретироваться татарской фонологией как *ш-*. Кроме приводимых в статье случаев чув. *ç-* (< пратюрк. **j-*) → тат. *ш-* (чув. *çырма* ‘речка’ > тат. формант гидронимов *-ширмэ*, чув. *çёрё* ‘кольцо, цевка’ > тат. *шуре* ‘цевка, шпулька’, чув. *çара* ‘голый’ > тат. *шәрә*, чув. *çёмёрт* ‘черемуха’ > тат. *шомырт* есть, по-видимому, и случаи адаптации неначального *ç* как *ш*, ср. чув. *кёнçe* ‘ступица колеса, трубка, полый стебель’ (< **kirçek*) → тат. *көншә* ‘трубчатый стебель’. Соответственно, для всех случаев, когда предполагается чувашский источник этнонима с начальным *ç-*, приходится «предполагать заимствование этого термина татарами от каких-нибудь сохранившихся ч-кающих групп волжских булгар после 1236 г.» (с. 24).

Однако можно предположить и случаи адаптации чув. *ç* через тат. *с:* ср. чув. *çуҫ* ‘волосы’ (ПТю **sač*) — тат., башк. *сүс* ‘кудель, волокно’ (из тат. обратное заимствование чув. *сүс* ‘волокно, кудель’). Возможно, разные способы адаптации относятся к разновременным заимствованиям и/или к разным позициям (второй, вероятно, более поздний). При этом в самом татарском можно наблюдать развитие **s...č > č...š* — кроме двух отмеченных в статье этнонимов (тат. *чуаш*, *чирмеш*), так ведет себя глагол **set-* ‘развязывать’: др.-уйг. МК *seš-*, чув. *сал-т-*, тат. *чиш-* (ср. подобное же развитие в кумыкском: **si:l* ‘колышек, зуб’, др.-уйг. *siš*, МК *si:š*, чув. *шӓл* ‘зуб’, тат., башк. *шеш* ‘шест в середине стога’, кум. *чиш* ‘шампур’). Позднее заимствование чув. **çäваç*, **çармӓç* в тат. **суаш*, **сирмеш*, последующее развитие в тат. *чуаш*, *чирмеш* и обратное заимствование в чувашский, кажется, вписывается в предполагаемый этимологический сценарий.

В заключении к докладу авторы еще раз перечисляют этимологические аргументы, которые приводят их к тому, что наиболее вероятным является возведение этнонима *чуваши* к неполохо засвидетельствованному по рефлексам ПТю **jogoč* ‘находящийся на той (противоположной) стороне’. Этот вывод выглядит хорошо обоснованным. Мы не можем быть уверены, что с обретением нового тюркологического материала данная гипотеза не должна будет смениться какой-то еще, но при настоящем состоянии дел ее следует принять. Историческая интерпретация фактов археологии и источников вполне с нею согласуется.

Отметим, что рецензируемый доклад явно превосходит по уровню проработанности — не только исторической, но и лингвистической — последний научный текст по

данной проблематике, а именно рассуждения о происхождении этнонима *чуваши* в книге К. Адягаши (Agyagási K. *Chuvash Historical Phonetics*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. Рр. 8 — 12). Удивительно, что в этой книге авторства маститого специалиста-чувашеоведа не учитываются не только необщепризнанные наработки по чувашской исторической фонетике в русле Московской школы, но и практически мейнстримные построения Гёттингенской школы; так, при рассказе о «потусторонней» этимологической гипотезе приводится ложная древнетюркская форма **joγač*, хотя реально засвидетельствована форма JWGŪČ, которая при учете современных когнатов (с широкой гласной во втором слоге) должна читаться как *joγoč*, с соответствующими выводами по поводу чувашской формы (в рецензируемом докладе разобрано на с. 35 — 36).

Итак, и с источниковедческой точки зрения — в той степени, в которой эта информация в настоящее время доступна; и с историко-лингвистической — настолько, насколько вообще можно доверять этимологическим построениям в области ономастики, мы имеем дело с высокопрофессиональной, надежно обоснованной работой, в которой, можно считать, решена важная научная проблема, имеющая большое значение для этноистории Урало-Поволжья.

Рецензия поступила в редакцию 03.02.2026, принята к публикации 05.03.2026;
the reviewed was submitted 03.02.2026, accepted for publication 05.03.2026;
рецензи редакцие 03.02.2026 ситнѐ, пичетлеме 05.03.2026 йышӑнӑ.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи;
the author has read and approved the final version of the manuscript;
автор ал сьӑрӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ тата ырланӑ.

Рец. на: Савельев А. В., Мясников Н. С. К происхождению этнонима чуваш: основные версии и их историческая интерпретация / А. В. Савельев, Н. С. Мясников; науч. ред. Э. Е. Лебедев. Чебоксары: ЧГИГН, 2026. 60 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 41).

В. В. Напольских,
главный научный сотрудник,
руководитель Центра историко-лингвистических исследований
Института истории и археологии УрО РАН,
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН,
г. Екатеринбург, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1549-9639>
vovia.nap@ya.ru

The review on: Saveliev A. V., Myasnikov N. S. On the origin of the ethnonym Chuvash: the main versions and their historical interpretation / A. V. Saveliev, N. S. Myasnikov; scientific ed. E. E. Lebedev. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2026. 60 p. (Scientific reports / Chuvash State Institute of Humanities; issue 41).

V. V. Napolskikh,
Chief Researcher,
Head of the Center for Historical and Linguistic Research,
Institute of History and Archaeology
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1549-9639>
vovia.nap@ya.ru

Рец.: Савельев А. В., Мясников Н. С. Чăваш этноним пулăвĕ сиччен: тĕп ăнлантарусем тата вĕсене истори тĕлĕшĕнчен хаклани / А. В. Савельев, Н. С. Мясников; ăслăлăх ред. Э. Е. Лебедев. Шупашкар: ЧПГАИ, 2026. 60 с. (Ăслăлăх докладĕ / ЧПГАИ; 41-мĕш кăларăм).

В. В. Напольских,
Раçсей ăслăлăх академийĕн Урал федераци тĕпчев центрĕн
Историпе археологи институтĕнчи
Историпе чĕлхе тĕпчевĕсен центрĕн ертÛси, ăслăлăх тĕп ёштешĕ,
истори ăслăлăхĕсен докторĕ, профессор,
Раçсей ăслăлăх академийĕн корреспондент членĕ,
Екатеринбург хули, Раçсей
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1549-9639>
vovia.nap@ya.ru

© Напольских В. В., 2026

Рецензируемый текст представляет собой чрезвычайно полезный и тщательный критический обзор данных и гипотез, относящихся к проблеме происхождения этнонима чуваш. Очень важно, что обзор охватывает три аспекта истории этнонима: источниковедческий (время и обстоятельства появления его на страницах письменных источников и эволюция его значений и коннотаций), лингвистический (критический обзор этимологий этнонима и выводы об их состоятельности) и исторический (как этноним в той или иной его трактовке в разные периоды своего бытования вписывается в этноисторический контекст). Все три аспекта рассмотрены максимально тщательно и квалифицированно, и, на мой взгляд, не пропущено ни одного сколько-нибудь значимого источника или исследования, ни одно важное обстоятельство не упущено из виду. Несмотря на наличие обширной

историографии вопроса, в исследовании которого участвовали весьма именитые ученые, следует заключить, что представленный А. В. Савельевым и Н. С. Мясниковым обзор является на сегодня самым полным и лучшим из написанного по данной теме.

В вводной части очень верно отмечены политический, идеологический и псевдонаучный аспекты трактовки этнонимов, определяющих ее значимость. Думаю, вполне оправданно в дальнейшем тексте авторы отказались от разбора откровенно антинаучных версий. Можно надеяться, что после публикации этого обзора аналогичным образом упадет надобность обсуждать «суварско-сувазскую» и «языческую» версии происхождения этнонима *чуваши*.

Важнейшим выводом этноисторического плана в рецензируемом тексте следует признать положение о том, что беспрецедентные для региона катаклизмы второй половины XIV — начала XV в.: эпидемия чумы, «великая замятня» в Орде и др. — привели к перестройке этнического состава и этнонимической системы региона, следствием чего стало появление в источниках новых этнонимов.

Поскольку мы обсуждали с авторами предварительную версию их работы, и они учли все сделанные мною замечания, сколько-нибудь существенных замечаний к публикуемому тексту у меня нет. Коснусь только выводов исследования. При внимательном рассмотрении всех фактов я бы несколько смягчил общий вывод, сохранив как альтернативные два варианта: *čävaš* от тюрк. **javaš* ‘мирный, спокойный’ < пратюрк. **jabał* ~ **jabałə* и *čävaš* < тюрк. **joγaç* ‘та сторона (реки)’, с большим предпочтением второй, но и без радикального отрицания первой.

Критика старой гипотезы о происхождении *čävaš* от тюрк. **javaš* ‘мирный, спокойный’ в работе все-таки представляется мне не достаточной, чтобы вовсе от этой версии отказаться. Вклад авторов важен прежде всего в лингвистическом аспекте. Они вполне корректно возводят тюрк. **javaš* к пратюрк. **jabał* ~ **jabałə* с соответствующей реконструкцией собственно-чувашской формы **šäval* ~ **šavaš*, а затем предполагают единственный возможный сценарий происхождения формы *čävaš*: междialeктное заимствование, проникновение в чувашский — напрямую или через кыпчакское посредство (тат. *ču^waš*) — формы какого-то болгарского диалекта, где допустимый исходя из реконструкции пратюркский вариант **jabałə* давал бы рефлекс типа **čävaš* (т. е. отражалось бы развитие пратюрк. **j-* в булг. **č-*). Но оценивают они этот сценарий в целом негативно: «Такой сценарий равным образом невозможно ни опровергнуть, ни доказать; т. е. эта теория является сущностно неверифицируемой». Однако они сами в другом месте указывают на возможную параллель и источник такого развития, когда предлагают свой вариант этимологии для черемис: тюрк. **šarmā-s* ~ **šarmā-š* — ‘черемис’ и чув. (диал.) *šarmā-k* > *šamrā-k* ‘молодой, юноша’ предлагается рассматривать как восходящие к булг. **žermi-* ‘юноша, ребенок’ (> венг. *gyermek* ‘ребенок’). Имея в виду эту параллель, можно предположить, что источником рефлекса **čävaš* < **jabałə* мог быть «дж-булгарский» диалект или тюркский язык кыпчакского или огузского типа (в этом случае достаточной будет реконструкция пратюрк. **jabał*) с развитием **žawás* > чув. *čävaš* > тат. *ču^waš*. Развитие пратюрк. **j-č* > чув. *š-š* > тат. *č-š* в *черемис* в общем-то не сильно отличается от развития пратюрк. **j-łə* > чув. *š-š* > тат. *č-š* в *чуваши*.

В историческом и семантическом плане я также не вижу здесь особых сложностей. То, что в татарском и в чувашском языке основа тат. *ju^waš* ~ чув. (< тат.) *jävaš* сегодня едва ли может быть употреблена для выражения семантики типа ‘мирный’ при характеристике целых сообществ, говорит только о нынешней семантике слова, когда создание новых политонимов уже не происходит. Никто не может гарантировать, что такая возможность отсутствовала и раньше (ср. наблюдения Д. Немета об использовании данной основы в тюркской этнонимии, о чем упоминают Савельев и Мясников). То обстоятельство, что слово *черемис* появляется в источниках уже в X в., а *чуваши* — только в XVI в. также не сильно меняет дело: наличие с X в. «воинственных» соседей не обязательно предполагает наличие тогда же и «мирных», «мирные» могли быть маркированы позже, когда таковые (например, после относительного упорядочения жизни в Казанском ханстве) появились. Несмотря на вполне понятные факты о включении чувашей в том числе и в воен-

ные структуры Казанского ханства, нельзя отрицать, что положение марийцев было все-таки более независимым. Да дело даже и не в этом, а скорее в том, что «черемисами» в XV — XVI вв. называли, вероятно, население северной (марийской) и западной, правобережной (горномарийской и чувашской в современном понимании) периферии Казанского ханства, а «чувашами» — казанских, левобережных чувашей, перешедших на татарский язык, возможно, только в XVII — XVIII вв. О сохранении в Заказанье еще в XVI — XVII вв. оставшегося достаточно престижным чувашского языка я на основании удмуртских заимствований писал ранее, и это же положение на множестве других фактов прекрасно показано в рассматриваемой работе.

Слабость этимологии от **javaš* ‘мирный, спокойный’ состоит прежде всего в том, что она не объясняет происхождение мар. *suas* ‘татарин’, которое от самоназвания чувашей отделять трудно. Предложить какие-то объяснения можно (например, чув. **šāwaš* > мар. **su^waš* с ассимиляцией > *suas*), но все они будут достаточно сложными.

Что касается версии «заречане» для этимологии этнонима чуваш [< тюрк. **joyač* ‘та сторона (реки)’], к которой авторы, по-видимому, приходят в результате своего обзора, она выглядит очень неплохо и, пожалуй, предпочтительно, хотя также оставляет некоторые проблемы. Сама по себе мысль о переселении чувашезычного населения на правый берег Волги (resp. Итиля) в XV в. в смутное время предшествовавшее формированию Казанского ханства и обозначения этим населением (и, добавлю, их оставшимися на левом берегу соплеменниками) себя как «заречных» жителей вполне приемлема. Сильной стороной этой гипотезы является возможность беспроblemного объяснения мар. *suas* ‘татарин’ как заимствования из раннего чувашского самоназвания **šāvaš* ‘заречные’ (< тюрк. **joyač*), — и таким образом эта версия является единственной, которая объясняет и татарско-чувашский (*čū^waš* ~ *čāvaš*), и марийский (*suas*) этнонимы, отделять которые друг от друга, как уже было сказано, едва ли следует. Остается, однако, не объясненным, как в дальнейшем (и довольно быстро, поскольку первые упоминания этнонима *чуваши* появляются уже в начале XVI в.!) это самоназвание было полностью заменено в чувашском языке на татаризированную форму *čāvaš* < тат. *čū^waš* — при том, что татарское слово не является правильным продолжением тюрк. **joyač*, а само должно было сначала быть заимствовано и адаптировано из раннего чув. **šāvaš* (скорее — из языка оставшихся на левом берегу постепенно ассимилируемых татарами чувашей, которые этим словом могли называть своих переселившихся на правый берег Волги соплеменников). По-видимому, здесь потребуется еще дальнейшая проработка. Замечу, что и в этом случае — как и в случае с *čāvaš* < тюрк. **javaš* < пратюрк. **jabat* ~ **jabatə* ‘мирный, спокойный’, никак не обойтись без предположений о татарском влиянии и сложных перекрестных болгаро-кыпчакских заимствованиях.

Не могу разделить мнение авторов о происхождении татарского названия удмуртов *ar(lar)* от булг. **ār* < **ādV* < др.-удм. **odo* ‘удмурт’ (> удм. *ud-* в *udmurt*, мар. *odo* ‘удмурт’). Этимология остроумная и лингвистически приемлемая. В дополнение к известному случаю отражения болгарского перехода **VdV* > **VrV* в болгарских заимствованиях в удмуртском (удм. *arña* ‘неделя’ < булг.: чув. *erñe* < перс. *ādīne* ‘пятница’) добавлю еще пару довольно забавных: удм. *pat’ak* ‘вульва’ и *barak* ‘vulva (у старух)’ представляют собой соответственно татарское (тат. *bātāk*) и болгарское (**barak* < **badak* < тюрк. **bātāk*) заимствования; удм. (фольк.) *urom* — имя первого сотворенного богом человека, позднее ‘товарищ, приятель’, возможно, отражает булг. *āram* < араб. *adam*. Однако упоминание у ал-Гарнати (XII в.) страны Ару (ارو), лежащей к северу от Волжской Булгарии, скорее все-таки указывает на употребление в болгарском или в поволжско-кыпчакском уже в XII в. тюрк. *ary* ‘та сторона (реки)’ как географического термина в отношении территорий за Итилем, где позднее живут удмурты, и косвенно поддерживает нашу старую версию о происхождении тат. *ar(lar)* от этого корня. В любом случае, для этимологии этнонима *чуваши* данная проблема иррелевантна, и я бы на месте авторов не настаивал на их — пусть и весьма остроумной — версии. Скорее напротив: использование термина «заречане» для татарского названия удмуртов могло бы рассматриваться как наличие такой модели в болгаро-чувашской и татарской этнонимии (в удмуртской, например, она сохраняется и по

сей день) — и поддерживать версию о происхождении самоназвания чувашей от слова с той же семантикой.

Сделанные замечания представляют собой скорее развитие исследования, попытку обсудить остающиеся проблемы и ни в коем случае не умаляют самой высокой оценки, которую следует дать работе А. В. Савельева и Н. С. Мясникова. Ее основное достоинство — в чрезвычайной, редкой сегодня методологической корректности, тщательности проработки материала и одновременно — в новаторском характере, смелом вынесении на обсуждение новых интерпретаций. Именно это не оставляет равнодушным и, с одной стороны, вовлекает в дискуссию, а с другой — позволяет эту дискуссию вести на должном уровне. Без сомнения, в решении запутанного и сложного вопроса о происхождении этнонима *чуваш* сделан значимый вклад.

Рецензия поступила в редакцию 03.02.2026, принята к публикации 05.03.2026;
the reviewed was submitted 03.02.2026, accepted for publication 05.03.2026;
рецензи редакцие 03.02.2026 ситнӗ, пичетлеме 05.03.2026 йышӑннӑ.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи;
the author has read and approver the final version of the manuscript;
автор ал сырӑвӑн юлашки вариантне вуласа тухнӑ тата ырланӑ.

ПЕРСОНАЛИИ / PERSONALITIES / ПЕРСОНАЛИСЕМ

СУМЛАӢ АСЧАХ, ХИСЕПЛӢ ВӢРЕНТӢСӢ
(Ю. М. Виноградов 80 сул тултарнӢ май)

ПОЧТЕННЫЙ УЧЕНЫЙ, УВАЖАЕМЫЙ УЧИТЕЛЬ
(к 80-летию Ю. М. Виноградова)

VENERABLE SCIENTIST, RESPECTED TEACHER
(on the 80th anniversary of Yu. M. Vinogradov)

Юрий Михайлович Виноградов, чӢваш чӢлхине тӢпчекен тата вӢрентекен палла ученӢй, ЧӢваш Республикин вӢрентӢвӢн тава тивӢслӢ ёсченӢ, 2026 ч. кӢрлачӢн 1-мӢшӢнче 80 сул тултарчӢ. ВӢл Пушкарт тӢрӢхӢнчи ЙӢкен ятлӢ юхан шыв таврашӢнчи ЙӢкенпусӢнче суралса ситӢннӢ. Ялти шукултан вӢренсе тухсан 1960 ч. Юрий Пелепейри педагогика училищине пӢлӢ пухма сул тытат. ТӢватӢ султан унтан вӢренсе тухат те пӢр султалак тӢван ялӢнчи шукула ёслет. Малалла вӢренес туртӢм Ӣна часах Шупашкара илсе ситерет, 1965 ч. вӢл И. Я. Яковлев ячӢллӢ ЧӢваш патшалӢх педагогика институтчӢн вырӢс тата чӢваш уй-рӢмне вӢренме кӢрет. 1967 ч. ЧӢваш патшалӢх университетне усан историпе филологи факультетне унта кусарасчӢ. Сапла вара Юрий Виноградов университет студентчӢ пулса тӢрат. ВӢреннӢ чухнех унӢн студент конференцийӢн тезисӢсен пуххинче пӢрремӢш тӢпчев ёсчӢ пичетленсе тухат.

1970 ч. Юрий Михайлович алла диплом илет. ВӢрмар районӢнчи Тупах шукулӢнче темиӢе уйӢх ёслӢн хысчӢн университетри чӢваш чӢлхипе литература кафедрине сӢмӢнчи аспирантура вӢренме кӢрет. Часах Ю. Виноградов аспиранта Совет сарне илесчӢ. Султалакран Шупашкара тавраӢсан вӢл вӢренӢпе тӢпчев ёсче кӢлӢнет. ЧӢваш чӢлхинчи тӢрӢ тата тӢрӢ мар пуплевлӢ конструкцисене, пайӢр мар пуплеве тишкерсе сӢрнӢ диссертацие хӢтӢлесе 1975 ч. филологи ӢслӢлӢхӢсен кандидачӢ пулса тӢрат.

1974 — 1977 сс. Ю. М. Виноградов ЧӢваш АССР Министрсен совечӢ сӢмӢнчи ӢслӢлӢх тӢпчев институтӢнче вӢй хурат. Диссертацире хускатнӢ Ӣйтусене малалла — анлӢрах та тарӢнрах тӢпчет, чӢваш орфографийӢн кун-сулне тишкерет, чӢваш чӢлхин графикипе орфографийӢ сӢнчен статья хатӢрлет.

1977 ч. Ӣна университетӢн чӢваш чӢлхи пӢлӢвӢн кафедрине ёслеме чӢнесчӢ. Малтанласа аслӢ преподавательте вӢй хурат, 1984 ч. доцент пулса тӢрат. Юрий Михайлович студентсене чӢваш чӢлхин методикине, синтаксисне, орфографийӢпе пунктуацине, литература чӢлхин историне вӢрентет, хӢй вӢрентекен курссен программисене, методика кӢтартӢвӢсене, хӢнӢхтарусен тата тӢрӢслев ёсӢсен пуххисене хатӢрлесе кӢларат. Сав вӢхӢтрах вӢл сыру йӢркин татса паман ӢйтӢвӢсене тата пуплев культурин Ӣтти сивӢч проблемисене ӢслӢлӢх статийсенче те, хасат-журналти материалсенче те сӢне-сӢнех сӢтсе яват. АслӢ ёстешӢсемпе — И. А. Андреевпа тата И. П. Павловпа пӢрле чӢваш орфографийӢпе пунктуацийӢ чӢлхе тытӢмӢе килӢшӢллӢ, сав вӢхӢтрах пурне Ӣнланмалла та усӢ курма меллӢ пултӢр тесе тӢрӢшат. ЧӢваш чӢлхин орфографи словарне хатӢрлес ёсче хутшӢнат. ТӢрлӢ сӢлтава пула словаре пичетлесе кӢлариччен темиӢе хут та редакцилеме тивет, сак ёсе Ю. М. Виноградов И. П. Павловпа пӢрле туса пырат. Словарь 2002 ч. тин кун курачӢ.

СирӢм сула яхӢн студентсене чӢваш чӢлхин тытӢмӢе паллаштарса тарӢн пӢлӢ парса пурӢннӢ хысчӢн Юрий Михайлович 1995 ч. ЧӢваш Республикин вӢренӢ институтне кушат. ЧӢваш чӢлхипе литературине вӢрентекенсене ӢсталӢхне туптама пулӢшат: учительсене чӢлхе пӢлӢвӢн теорийӢпе практикинчи уйрӢмлӢхсемпе, вӢрентӢри меслетлӢхпе, шукул вӢрентӢвӢнчи сӢнӢлӢхсемпе паллаштарат. 2014 сулччен чӢваш чӢлхипе литературин кафедрине ертсе пырат, унтан сак кафедрӢрах доцент пулса тӢрӢшат. Каярах, шукула тӢван чӢлхене вӢрентмелли программӢсене сӢнетесси, вӢсене тивӢслӢ вӢренӢ кӢнекисемпе хатӢрӢсене кӢларасси вӢраха хӢварма юраманран, Ю. М. ВиноградовӢн сак ёсе

ертсе пыракансенчен пѣри пулма тивет. Ҫаванпа та вӑл институтри Наци вѣрентѣвѣн центрѣнчи ӑслӑлӑх ертӗҫѣ еҫтешѣ пулса тӑрать, паян кунченех Чӑваш Республикин вѣренӗ институтчен Регион аталанӑвѣн центрѣнче вӑй хурать. Паянхи чӑваш школѣнчи чӑваш чѣлхи учебникѣсем ун концепцине тѣпе хурса, пурте тенѣ пекех вӑл ертсе пырса е хутшӑнса тунисем. 10 — 11-мѣш классем валли кӑларнӑ кӑнекен авторѣ Ю. М. Виноградов хӑй анчах, унти чѣлхе пѣлѣвѣн материалѣ хӑех пѣр ӑслӑлӑх еҫѣпе танлашарь теме пуларь.

Юрий Михайлович пурнӑҫне, тѣпрен илсен, вѣренӗ еҫне халалланӑ. Ҫапах та вӑл тѣпчевҫѣ пулма самантлӑха та пӑрахмасть. Сӑнама, асӑрхама ӑстаскер, кулленех чӑваш пуплевѣнчи улшӑнусене палӑртса пырарь, чѣлхе хӑйне евѣрлѣхне упрама ченет. Ҫитес вӑхӑтра вӑл хатѣрленѣ тулли орфографи словарѣ тухмалла. Хальхи вӑхӑтра орфографипе пунктуаци йѣркисене ҫирѣп тытса пыма чѣнекен, тӑван чѣлхе, тӑван пуплев, тӑван ҫырулӑх тытӑмне упрама хистекен «сыхчӑ» теме пуларь Ю. М. Виноградова. Чыслӑн, тивѣҫлѣн, кӗрентерме пӑхакасене парӑнмасӑр ҫирѣппѣн утарь аслӑ юлташӑмӑр, суйласа илнѣ ҫултан-йѣртен пӑрӑнма шутларь те.

Хисеплѣ ӑсчахӑ тата вѣрентекенѣмѣре ҫенѣ тѣпчевсем хайлама ҫирѣп сывлӑх сунатпӑр.

А. П. ДОЛГОВА,
старший научный сотрудник ЧГИГН

Основные труды Ю. М. Виноградова

Признаки косвенной речи в современном чувашском литературном языке // Чува­шский язык, литература и фольклор: сборник статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1974. Вып. 4. С. 75 — 95.

Порядок слов в конструкциях с прямой речью в современном чувашском ли­тературном языке // Чува­шский язык и литература. Чебоксары, 1975. С. 114 — 122. (Труды / ЧНИИ; вып. 59).

Способы передачи речи без сохранения ее контуров в современном чувашском ли­тературном языке // Чува­шский язык. Чебоксары, 1976. С. 143 — 148. (Труды / ЧНИИ; вып. 66).

Графика и орфография // Современный чувашский литературный язык: в 3 т. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1990. Т. 1. С. 225 — 237.

Чӑваш орфографийѣпе пунктуацийѣ (тѣрѣс ҫырмалли правилӑсем) / И. А. Андреев редакциленѣ. Шупашкар: Чӑваш кӑн. изд-ви, 1992. 80 с. (в соавт.).

Орфографи словарѣ: тѣрѣс ҫырмалли правилӑсем: вӑтам тата аслӑ школта вѣрене­кенсем валли. Шупашкар: ЧРВИн редакципе изд-во пайѣ, 2002. 304 с. (в соавт.).

Чӑваш орфографине школта вѣрентессе: чӑваш чѣлхине вѣрентекенсем валли. Шупашкар: Чӑваш кӑн. изд-ви, 2007. 111 с.

Чӑваш чѣлхи. 10 — 11-мѣш классем: вѣренӗ кӑнеки. Шупашкар: Чӑваш кӑн. изд-ви, 2023. 272 с.

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА РОДНОГО ЯЗЫКА
(к 50-летию А. В. Кузнецова)**

**RESEARCHER OF SPEECH ETIQUETTE OF THE NATIVE LANGUAGE
(on the 50th anniversary of A. V. Kuznetsov)**

**ТАҪАН ЧĔЛХЕН ПУПЛĒВ НИСЕПĔН ТĔПЧЕВĔСИ
(А. В. Кузнецов 50 çул тултарнă май)**

28 декабря 2025 г. свой 50-летний юбилей отметил Александр Валерьянович Кузнецов, кандидат филологических наук, директор центра регионального развития Чувашского республиканского института образования. А. В. Кузнецов родился в с. Турмыши Янтиковского района Чувашской АССР, с 1982 по 1993 г. обучался в Турмышской средней школе, затем в Чебоксарском строительном техникуме. В 1995 — 2000 гг. был студентом факультета чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, имеет диплом по специальности «Филолог. Преподаватель чувашского языка и литературы. Фольклорист. Театровед». После окончания аспирантуры этого же учебного заведения в апреле 2004 г. успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Вербальные средства этикетного общения в чувашском языке (опыт компаративного, контрастивного и этнолингвокультурологического изучения)».

Дальнейшая профессиональная деятельность А. В. Кузнецова связана с двумя организациями: Чувашским государственным институтом гуманитарных наук и Чувашским республиканским институтом образования. В ЧГИГН он работал с 2001 по 2022 г. в должностях младшего научного сотрудника, научного сотрудника, ученого секретаря, старшего и ведущего научного сотрудника отдела языкознания, в ЧРИО работает с 2022 г. по настоящее время в должностях ведущего научного сотрудника и директора центра регионального развития.

За время работы в ЧГИГН А. В. Кузнецов показал себя с самой лучшей стороны. Им подготовлено и опубликовано более 100 научных трудов в разных областях языкознания. Одной из главных тем его исследований является речевой этикет чувашского народа и народов Волго-Уральского региона. Помимо нескольких десятков статей по этой теме, ученым издано две монографии: «Речевой этикет народов Волго-Уралья» (2008) и «Этикетное общение народов Туранского языкового союза» (2012).

А. В. Кузнецов — исследователь чувашской диалектологии, автор научного доклада «Чувашская диалектология: итоги и задачи изучения» (2018) и книги «Тавай тăрăхĕнчи Тăрмăш ялĕн калаçăвĕ: диалектологие ономастика тĕпчевĕсем» (2023). Ученый также является одним из авторов многотомного «Толкового словаря чувашского языка» и автором ряда статей, посвященных проблемам социолингвистики и изучению языковой ситуации в Чувашской Республике. Александр Валерьянович — активный участник научно-практических конференций, проходивших в различных городах нашей страны и зарубежья, таких как Астана, Туркестан (Казахстан), Измир (Турция), Москва, Елабуга, Казань, Саранск, Стерлитамак, Уфа и др.

В дополнение к научной деятельности юбиляр добросовестно выполняет различные общественные поручения, состоит членом нескольких комиссий и советов, среди которых Российский комитет тюркологов (с 2017 г.), Межведомственная комиссия по чувашскому языку (секретарь с 2017 г.), редколлегия научного журнала «Российская тюркология» (г. Москва, с 2017 г.), Республиканское учебно-методическое объединение Минобразования Чувашии (с 2018 г.), консультационный совет научного журнала «İdil-Ural Araştırmaları Dergisi» («Исследования Волго-Уралья») (г. Кырларели, Турция, с 2018 г.), научно-методический совет Минобразования Чувашии (с 2020 г.), научный журнал «Развитие образования» (г. Чебоксары, ответственный секретарь с 2022 г.).

За все время трудовой деятельности А. В. Кузнецов был отмечен целым рядом наград, наиболее значимые из которых Почетная грамота Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики (2005), почетные грамоты Чувашского

государственного института гуманитарных наук (2005, 2010 и 2013), благодарности Министерства образования Чувашской Республики (2022), Чувашского республиканского института образования (2023 и 2025), Благодарственное письмо депутата Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации А. Г. Аксакова (2023) и др.

Сотрудники Чувашского государственного института гуманитарных наук от всего сердца поздравляют Александра Валерьяновича с юбилеем, желают ему новых успехов в области исследования чувашского языка, крепкого здоровья, счастья и семейного благополучия!

Э. Е. ЛЕБЕДЕВ,
ведущий научный сотрудник ЧГИГН

Основные труды А. В. Кузнецова

Чăвашсен авалтан килекен кĕреке нисепĕ: вĕренÿ пособийĕ. Шупашкар: Чăваш ун-чĕн изд-ви, 2003. 96 с.

Вербальные средства этикетного общения в чувашском языке (опыт компаративного, контрастивного и этнолингвокультурологического изучения): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Чебоксары: ЧГИГН, 2004. 25 с.

Вербальные средства этикетного общения тематических групп «приветствие» и «прощание» в чувашском языке // Вопросы чувашского языкознания. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. Вып. 2. С. 170 — 237.

Речевой этикет народов Волго-Уралья: монография. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. 320 с.

Этикетное общение народов Туранского языкового союза. Астана; Петропавловск: Полиграфия, 2012. 356 с.

Тăвай районĕнчи Тăрмăш ял калаçăвĕн фонетика уйрăмлăхĕсем çинчен // Вопросы чувашской диалектологии: сборник статей. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2012. Кн. 6. С. 51 — 55.

Кĕреке нисепĕ. Шупашкар: ЧПГĀИ, 2014. 142 с. (в соавт.).

Чăваш орфографийĕн XXI ĕмĕр пуçламăшĕнчи çивĕч ыйтăвĕсем // Чувашская орфография вчера, сегодня, завтра: материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. С. 79 — 86.

Чувашская диалектология: итоги и задачи изучения. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. 56 с.

Развитие чувашского языкознания в начале XXI века: достижения, проблемы и насущные задачи // Российская тюркология. 2020. № 1 — 2 (26 — 27). С. 88 — 94. (в соавт.).

Тăвай тăрахĕнчи Тăрмăш ялĕн калаçăвĕ: диалектологипе ономастика тĕпчевĕсем. Шупашкар: ЧПГĀИ, 2023. 184 с.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА КАҢАЛĂКĔСЕНЧЕ
(Н. Г. Ефремова-Ильина 50 ҫул тултарнă май)

НА ПОПРИЩАХ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ
(к 50-летию Н. Г. Ефремовой-Ильиной)

IN THE FIELDS OF LITERATURE AND FOLKLORE STUDIES
(on the 50th anniversary of N. G. Efremova-Ilyina)

2026 ҫ. кăрлачăн 19-мĕшĕнче филологи аслăлăхĕсен кандидачĕ, Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхĕсен институтĕн аслăлăх аслă еҫтешĕ, Раçсей писателĕсен союзĕн членĕ Надежда Геннадьевна Ефремова-Ильина хайĕн 50 ҫулхи юбилейне паллă турĕ. Вăл Чăваш АССРĕн Вăрнар районĕнчи Мăн Элмен ялĕнче ҫуралнă. 1993 ҫ. Ярмушкăри вăтам школ пĕтерсен И. Н. Ульянов ячĕллĕ Чăваш патшалăх университетĕнчи Чăваш филологийĕпе культура факультетне вĕренме кĕнĕ. Ку вĕренÿ заведенийне 1998 ҫ. хĕрлĕ дипломпа пĕтернĕ хыҫҫăн аспирантура куҫан вĕренме кĕнĕ. Диссертаци ҫырни маях тăван факультетра студентсене пилĕк ҫул вĕрентнĕ. 2022 ҫ. аслăлăх диссертацине аһăслă хÿтĕлесе филологи наукисен кандидачĕн степенне илнĕ.

Надежда Ефремова-Ильина малтанхи хайлавĕсене университетра вĕреннĕ вăхăтрах ҫырма пуҫланă, вĕсем «Ытлари» альманахра тухнă. Унтан «Ялав» журналта «Хĕр Кĕлетки», «Шăранса та пĕтми...», «Даниил», «Турăсăр тупнă телей» т. ыт. калавĕсем пичетленсе пынă. Ҫавăн пекех ҫыравҫан илемлĕ произведенийĕсем «Шурă туй кĕпи» (2004), «Чăваш антологийĕн прози» (2003), «Дети леса» (2016. Т. 1), «Чувашский рассказ» (2016) тата ытти кĕнекесенче кун ҫути курнă, Мускавра «Литература народов Российской Федерации» (2018) проза антологийĕнче пичетленнĕ. Н. Г. Ефремова-Ильина хайлавĕсем хайне евĕрлĕ стильпе палăрса тăраççĕ. Вĕсем тарăн шухăшлă, чĕлхи сăнарлă та сĕтеклĕ. Вăл хайĕн произведенийĕсенче ҫын чунне тарăн уҫса парассине, пурнăҫ ҫине философилле куҫпа пăхассине малти вырăна хурать.

Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхĕсен институтĕнче Н. Г. Ефремова-Ильина 2003 ҫ. еҫлеме тытăннă: 2018 ҫултан пуҫласа филологи енĕн фольклор секцийĕн аслăлăх аслă еҫтешĕ пулса тăрăшат. Аслăлăхри паллăрах тĕпчевĕсенчен «Чăваш лирики (1960 — 1990 ҫулсем)» (2013) монографие асанмалла. Чăвашсен пултаруллă поэчĕ Иван Ивник ҫĕр ҫул тултарнă теле унăн сăввисене архивра пĕрчĕн-пĕрчĕн шыраса тупса кĕнеке пухса кăларнă, ум сăмахне те ҫырни (2014). Ҫавăн пекех «История чувашской литературы XX в. Часть I (1900 — 1955 годы)», «История чувашской литературы XX в. Часть II (1956 — 2000 годы)» (2015, 2017) коллективлă монографисен авторĕсенчен пĕри шутланать.

Чăваш лириксĕр пуҫне Н. Г. Ефремова-Ильина тăван сăмахлăха (уйрăмах чăваш халăх юмахĕсене, шÿчĕсене, рекрут юриссене, эпикалла поэзине) тĕпчес телĕшĕнчен нумай вай хурать. Вăл тăрăшнипе паянхи кун «Январ юмахĕсем» (2011), «Нараста юмахĕсем» (2012), икĕ кĕнекерен тăракан «Паттăр юмахĕсем» (2019, 2020) кун ҫути курнă. Н. Г. Ефремова-Ильина — ку кĕнекесене пухса хатĕрленĕ, текстсене чăвашларан вырăсла куҫараканĕ, ум сăмахпа аһлантарусене ҫыраканĕ. Чăваш юмахĕсенче тĕпчевçĕ чи авалхи мифологилле сийсене тупса палăртать: ҫиелтен пăхсан ансат кăна сюжетсенче фетишизм, эндогами, экзогами, анимизм, тотемизм йĕрĕсем упранса юлнине ĕнертерет. Н. Г. Ефремова-Ильина 50 ытла наука статийи пичетлесе кăларнă.

Аслăлăхри ҫитĕнĕвĕсемшĕн Н. Г. Ефремова-Ильина Чăваш Республикин ҫамрăксен патшалăх премине (2004), Чăваш Республикин Вĕрентÿ тата ҫамрăксен политикин министрствин хисеп грамотине (2015), Гуманитари аслăлăхĕсене енĕе Чăваш Республикин Патшалăх премине (2018), Чăваш Республикин Патшалăх Канашĕн хисеп грамотине (2020) илме тивĕç пулнă.

О. Н. МИХАЙЛОВА,
научный сотрудник ЧГИГН

Основные труды Н. Г. Ефремовой-Ильиной

Эпоха «оттепели» и отход от канонов соцреализма (1956 — 1969). Поэзия // История чувашской литературы XX века. Часть II (1956 — 2000 годы): коллективная монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. С. 74 — 101.

Период поиска новых литературных направлений и жанрово-стилевых открытий (1970 — середина 1980-х гг.). Поэзия // История чувашской литературы XX века. Часть II (1956 — 2000 годы): коллективная монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. С. 215 — 249.

Отражение народной культуры в чувашских и марийских сказках // Чуваши и марийцы — соседи по «общему дому»: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.) / сост. и отв. ред. Г. А. Николаев; МарНИИЯЛИ. Чебоксары: ЧГИГН, 2019. С. 332 — 337.

Сатира и юмор в устном народном творчестве чувашей и татар (на примере народных сказок и шуток) // Татары и чувашы — ветви одного древа: материалы Всероссийской научно-практической конференции / сост. и отв. ред. Г. А. Николаев. Казань; Чебоксары: Новое Время, 2021. С. 352 — 360.

Проблема дифференциации сатирических сказок и анекдотов в чувашском фольклоре // Традиционный и современный фольклор народов Волго-Уралья: материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию фольклориста И. И. Одюкова. Чебоксары: ЧГИГН, 2024. С. 92 — 101.

Мотив поглощения земель грешной семьи в чувашском фольклоре // Межнациональные и межконфессиональные отношения в регионах России: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Йошкар-Ола, 2025. С. 147 — 155.

ИСТОРИК И АРХЕОГРАФ
(к 55-летию А. А. Чибиса)

HISTORIAN AND ARCHAEOGRAPHER
(on the 55th anniversary of A. A. Chibis)

ИСТОРИК ТАТА АРХЕОГРАФ
(А. А. Чибис 55 çул тултарнă май)

Исполнилось 55 лет историку и археографу Александру Алексеевичу Чибису. Его научная карьера началась после окончания исторического факультета Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова в 1995 г. В этом же году он начал работать в Чувашском государственном институте гуманитарных наук в должности младшего научного сотрудника, совмещая исследовательскую деятельность с преподаванием русской палеографии и других вспомогательных исторических дисциплин на историческом факультете ЧГУ им. И. Н. Ульянова. В 2001 г. перешел на должность преподавателя кафедры истории Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. В 2002 г. вернулся в ЧГУ им. И. Н. Ульянова, где трудился на родном факультете старшим преподавателем (2002 — 2012) и доцентом (2012 — 2019). В 2003 — 2019 гг. совмещал преподавательскую деятельность с работой ведущим и главным архивистом отдела публикации и использования документов Государственного исторического архива Чувашской Республики. Под руководством профессора В. Д. Дмитриева в 2011 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Монастыри правобережья Казанской земли во второй половине XVI — первой половине XVIII веков».

С 2019 г. А. А. Чибис вновь работает в ЧГИГН, занимая должность научного сотрудника секции истории исторического направления. Его основные научные интересы связаны с изучением истории монашества, экономики церковных учреждений, форм организации власти и социальной структуры населения Поволжья в период феодализма. Труды А. А. Чибиса получили признание среди отечественных исследователей, существенно расширив понимание социально-экономической ситуации и культурного контекста региона в XVI — XVIII вв. Александр Алексеевич активно участвует в крупных научных мероприятиях, представляя доклады и публикуя статьи, популяризирует изучение исторических источников и археографические исследования. Благодаря систематическому подходу и глубоким теоретическим изысканиям, его имя прочно закрепилось в российском научном сообществе.

За свою плодотворную исследовательскую деятельность А. А. Чибис получил ряд государственных наград, включая: Почетную грамоту Федерального архивного агентства (2012), Почетную грамоту Государственного совета Чувашской Республики (2020), Почетную грамоту Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики (2021).

55-летие исследователя является поводом подчеркнуть значимость его вклада в развитие российской исторической науки.

Сотрудники ЧГИГН искренне поздравляют Александра Алексеевича Чибиса со знаменательной датой и желают ему крепкого здоровья и творческих успехов в научной деятельности!

Е. В. СЕМЕНОВ,
младший научный сотрудник ЧГИГН

Основные труды А. А. Чибиса

Киево-Николаевский Новодевичий монастырь в г. Алатырь: сборник документов XVII — начала XVIII веков. Чебоксары: [б. и.], 2004. 76 с.

Землевладение и хозяйство Чебоксарского Троицкого монастыря во второй половине XVI — XVII вв.: Исследование и документы. Чебоксары: [б. и.], 2005. 76 с. (в соавт.).

Монастырское землевладение в Чувашии во второй половине XVI — XVII веках (на примере Чебоксарского Троицкого и Чебоксарского Преображенского монастырей) // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2006. № 6. С. 131 — 138.

Документы по истории феодального землевладения и хозяйства в Среднем Поволжье (XVII в. — первая четверть XVIII века). Чебоксары: Пегас, 2006. 348 с. (в соавт.).

Алатырский Троицкий мужской монастырь. Документы 1613 — 1703 годов. Ульяновск: Корпорация технологий передвижения, 2015. 512 с. (в соавт.).

Нотариат Чувашии во второй половине XVI — начале XXI века: исторические очерки. Самара: Арт-Лайт, 2015. 264 с. (в соавт.).

«Образ жизни его в Пекине состоял в ежедневном упражнении в китайской словесности...»: Документ о деятельности Н. Я. Бичурина в Китае // Чувашский гуманитарный вестник. 2017. № 12. С. 168 — 198.

Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Т. 1. Документы Ядринской приказной избы второй половины XVII — начала XVIII века. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. 640 с.

Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Т. 2. Местное управление и сословия г. Свияжск и уезда в первой половине XVII века (следственное дело 1638 г. о злоупотреблениях свияжского воеводы). Чебоксары: ЧГИГН, 2020. 268 с.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ

Принятые редакцией статьи в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала. Проверка оригинальности (не менее 75 %) осуществляется с помощью системы «Антиплагиат».

При оформлении статьи авторы должны придерживаться следующих правил и рекомендаций:

1. Статья представляется в электронном виде. В качестве имени файла используется фамилия первого автора на русском языке (например, Иванов.doc). Имена файлов иллюстраций должны совпадать с их номерами в тексте (например, Рис.1.jpeg).

2. В случае, если автором статьи выступает аспирант или магистрант, или автор, не имеющий ученой степени, то необходимо представить отзыв научного руководителя, заверенный печатью учреждения по месту его работы.

3. Статьи публикуются на русском, английском и чувашском языках.

4. Объем текста статьи должен составлять от 0,5 до 1 (одного) печатного листа (40 000 печатных знаков с пробелами), включая рисунки, таблицы и графики.

5. Редакция принимает тексты, сохраненные в формате .doc, .docx, .rtf. Используется шрифт Times New Roman, размер кегля — 14, интервал — 1,5 строки. Расстановка переносов вручную не допускается. Формат бумаги А4, поля: слева — 3 см, справа и сверху — 2 см, снизу — 2,5 см, абзац — 1,25 см.

6. Рисунки представляются отдельно в формате .jpeg, подрисовочные подписи выполняются 12 кеглем.

7. Текст таблиц набирается 12 кеглем. В случае, если рисунки и таблицы не авторские, следует сделать ссылки на источники.

8. **Структура статьи** (ГОСТ Р 7.0.7—2021):

1) *в начале* на отдельной строке слева: УДК (индекс универсальной десятичной классификации), под ним ББК (код библиотечно-библиографической классификации) (присваиваются редакцией). Отдельной строкой слева указывается тип статьи: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; дискуссионная статья; персоналии; редакторская заметка; рецензия на книгу; рецензия на статью, спектакль и т. п.

2) *Заглавие статьи*

Заглавие должно кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования.

3) *Инициалы и фамилия автора*; организация, город, страна, электронный адрес (если статья подготовлена двумя и более авторами, то указывают только электронный адрес автора, ответственного за переписку, со знаком ✉).

4) *Аннотация*

Аннотация выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Рекомендуемый объем аннотации — 150 — 250 слов.

5) *Ключевые слова*

Количество ключевых слов (словосочетаний) не должно быть меньше 5 и больше 15 слов (словосочетаний).

6) *Финансирование* (при необходимости).

7) *Благодарности* (при необходимости).

Данные п. 1 — 7 представляются в переводе на английский и чувашский языки и размещаются после русского варианта.

Основной текст статьи включает следующие разделы:

1) *Введение*

2) *Материалы и методы*

3) *Результаты исследования*

4) *Заключение*

В список источников *не включаются* словари, энциклопедии, многотомные издания, нормативные документы, авторефераты и диссертации, учебные и учебно-методические

пособия, художественная литература, тезисы и материалы локальных конференций, сборники документов и материалов, газетно-журнальные публикации, архивные материалы и др., не представленные в сети Интернет в свободном доступе.

Публикация статей бесплатная.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

Внутритекстовые ссылки

При наличии нумерованного списка литературы внутри текста помещают отсылку к списку.

Отсылку, содержащую порядковый номер издания, на которое ссылаются, приводят в квадратных скобках. Пример: «Интересный обзор зарубежной практики модернизации производства содержится в монографии И. И. Русинова» [34].

Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер издания в списке и страницы, на которых помещен объект ссылки, сведения разделяют запятой: [12, с. 94].

Если ссылку приводят на многотомный документ в целом, в отсылке указывают также обозначение и номер тома (выпуска, части и т. п.): [3, т. 3, с. 170].

Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяются знаком «точка с запятой [;]» [10, с. 56; 23, с. 45—46].

ССЫЛКИ НА АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

¹ ГАСИ ЧР. Р-3211. Оп. 1. Д. 192. Л. (или С.) 23 — 25.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. Л. (или С.) 18 — 20.

Список источников составляется **в алфавитном порядке!**

Для списка источников используется шрифт Times New Roman, размер кегля 12, интервал 1,5 строки. Оформляется на русском языке («СПИСОК ИСТОЧНИКОВ») и английском языках («REFERENCES»).

10. Информация об авторе (авторах).

Основные сведения об авторах содержат: имя, отчество, фамилия автора (полностью); наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица); адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна); ORCID (при наличии); электронный адрес автора, тел. автора.

Образец: Формат цитирования: Иванов И. И. О чувашских коллекциях профессора П. П. Петрова в Российском этнографическом музее // Современная гуманитаристика / Modern humanities. 2025. Т. 1. № 1. С. 126 — 141.

Вклад авторов.

Если статья имеет несколько авторов, сведения о вкладе каждого автора приводят в конце статьи после «Информации об авторах».

11. Статьи, не соответствующие п. 4 — 10, не рассматриваются.

12. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, в течение трех дней автору (авторам) высылается подтверждение о получении статьи.

13. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят процедуру рецензирования. Каждая статья проходит одностороннее слепое (анонимное) рецензирование.

Редколлегия оставляет за собой право отбора статей для их публикации.

14. В одном номере журнала может быть опубликовано, как правило, не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

Более подробно с требованиями к статьям и образцом статьи можно ознакомиться на сайте ЧГИГН: <https://chgign.ru>

СОВРЕМЕННАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА /
MODERN HUMANITIES / ХАЛЬХИ ГУМАНИТАРИСТИКА

2026
Том 2. № 1

Редактор *Е. П. Семенова*
Технический редактор *Н. Г. Герасимова*
Верстка *Э. В. Кирилловой*

16+

Подписано в печать 31.03.2026.
Выход в свет 15.04.2026. Печать оперативная.
Формат 70×100 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл.-печ. л. 12,67. Уч.-изд. л. 11,13. Тираж 100 экз. Заказ № 5.
Цена свободная.

Учредитель:
Бюджетное научное учреждение Чувашской Республики
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики,
428015, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1.
Тел.: 8(8352) 450010, 450005,
e-mail: human2000@yandex.ru

Адрес редакции: 428015, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1.
Тел.: 8(8352) 450010, 450005, e-mail: sovrem_human@rambler.ru,
web: <https://chgign.ru/p/sovryemyennaya-gumanitaristika.html>

Оригинал-макет подготовлен РИО БНУ «ЧГИГН»
Отпечатано в РИО БНУ «ЧГИГН»
428015, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1

ISSN 3034-6827

9 773034 682009 >